

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

**Международная научно-практическая конференция
25 ноября 2016 года**

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Санкт-Петербург
2016

ББК 67.021
П68

Научные редакторы:

- Р. А. Ромашов**, профессор кафедры теории права
и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ;
- З. Н. Каландаришвили**, заведующий кафедрой теории права
и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук,
кандидат педагогических наук, доцент

Рецензенты:

- А. Ю. Прокопьев**, заведующий кафедрой истории средних веков
Института истории СПбГУ, доктор исторических наук, профессор;
- Р. Т. Мардалиев**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей,
экономики и права, кандидат исторических наук

Право и государство: культурологическое измерение : Между-
народная научно-практическая конференция, 25 ноября 2016 г. —
СПб. : СПбГУП, 2016. — 198 с.

ISBN 978-5-7621-0889-8

В сборнике опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Право и государство: культурологическое измерение», прошедшей в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов 25 ноября 2016 года.

Авторы — ведущие специалисты в области теории и практики юриспруденции из Санкт-Петербурга, Москвы и других регионов Российской Федерации, а также ученые из Республики Казахстан — рассмотрели актуальные проблемы правовой культуры российского общества.

Особое внимание уделено связям юриспруденции и культурологии. В поле правовых исследований вошли вопросы происхождения основных правовых сущностей, их отражение в юридической терминологии, проблемы историко-правового и культурного разнообразия государственных и юридических практик.

Издание адресовано ученым, практикам, преподавателям и студентам.

ББК 67.021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Л. А. Пасешникова, <i>первый проректор, профессор СПбГУП, кандидат юридических наук</i> ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	10
С. В. Адерихин, <i>доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат философских наук</i> ОТ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ К ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕЕ	11
С. В. Архипов, <i>старший преподаватель кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП</i> ДВА ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА	14
С. Б. Глушаченко, <i>профессор кафедры теории и истории права и государства Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), доктор юридических наук</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	17
А. С. Даниелян, <i>аспирант кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар)</i> РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ	19
А. И. Зябкин, <i>профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	23
Р. Д. Киселева, <i>доцент кафедры отраслей права СПбГУП</i> ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	27
В. А. Ковалев, <i>доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук</i> ВЕТВИ ДРЕВА ОДНОГО. ГОСУДАРСТВО В РИТУАЛЬНЫХ МАНИФЕСТАЦИЯХ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ: ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ	30
С. Ю. Крицкая, <i>доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург), кандидат филологических наук;</i>	
А. В. Березкин, <i>доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук</i> «ПРЕДСМЕРТНЫЕ РЕЧИ» ОСУЖДЕННЫХ НА КАЗНЬ В ТАЙБЕРНЕ В XVII–XVIII ВЕКАХ	34

А. А. Ливеровский, <i>заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор</i>	
РАЦИОНАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ	37
Д. В. Лобок, <i>доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук</i>	
РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	40
Лю Юйнин (Китайская Народная Республика), <i>аспирант кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар)</i>	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР ЗАПАД–ВОСТОК	43
Е. А. Морозова, <i>старший преподаватель кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан)</i>	
СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ИДЕЙНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	45
О. А. Никифоров, <i>магистрант III курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ	48
К. С. Остапчук, <i>аспирант кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар)</i>	
НОВАЯ ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА	49
Р. А. Ромашов, <i>профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ</i>	
ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР РОССИИ И ЗАПАДА	53
Е. Г. Самохина, <i>доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук;</i>	
А. Д. Виноградова, <i>магистрант II курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ОБРАЩЕНИЕ К СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК К КУЛЬТУРНОМУ ТОПОСУ В РАМКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	58
Н. И. Сверчков, <i>доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат юридических наук</i>	
МОРАЛЬ И ПРАВО ДРЕВНИХ СЛАВЯН.	61
К. Е. Сигалов, <i>директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор юридических наук, профессор</i>	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ПОЗНАНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ.	63

В. Н. Сидорова,*доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук*

ПРАВО И РЕЛИГИЯ: ЦЕРКОВНЫЕ И КАНОНИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (На примере конкретного дела об истребовании культовых ценностей из владения религиозной организации)	66
--	----

А. В. Стремоухов,*профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук,
почетный работник высшего профессионального образования РФ*

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ	69
---	----

Л. А. Тхабисимова,*заместитель директора по научной работе Юридического института
Пятигорского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	71
---	----

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО**Д. И. Балибалова,***профессор кафедры отраслей права СПбГУП,
кандидат экономических наук*

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ	76
---	----

Т. Л. Баталова,*директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
профессор кафедры юриспруденции*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ	79
--	----

И. В. Бутырцева,*старший преподаватель кафедры теории права
и правоохранительной деятельности СПбГУП*

СМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМА МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЕМ	82
---	----

Г. Н. Вардаев,*доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
кандидат юридических наук*

ПРАВОВАЯ И НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА – СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ	84
---	----

А. С. Демченко,*магистрант 1 курса юридического факультета СПбГУП*

НОРМЫ ПРАВА И РЕЛИГИОЗНЫЕ НОРМЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ	87
---	----

А. В. Дербина,*доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук;*

Н. П. Кравцова, <i>заместитель декана юридического факультета СПбГУП по воспитательной работе, кандидат педагогических наук;</i>	
Д. А. Рогалева, <i>магистрант II курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	89
А. Р. Дмитренко, <i>аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП</i>	
ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	91
Г. П. Ермолович, <i>профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ</i>	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ВАНДАЛИЗМ	94
Н. М. Ефиценко, <i>старший преподаватель кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП</i>	
МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ АТРИБУТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РФ	98
З. Н. Каландаришвили, <i>заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент</i>	
СМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМА МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЕМ МОЛОДЕЖИ	102
И. И. Калинина, <i>старший преподаватель кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП</i>	
ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	104
С. А. Маркова-Мурашова, <i>профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар), доктор юридических наук</i>	
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА	107
А. С. Машкова, <i>магистрант II курса юридического факультета СПбГУП</i>	
СМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМА МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЕМ	110
М. Е. Михайлова, <i>аспирантка кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП</i>	
СПЕЦИФИКА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА	111
К. И. Музыченко, <i>магистрант I курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	114

В. А. Носкова, <i>магистрант I курса юридического факультета СПбГУП</i>	
СМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	116
Ж. Ч. Салимбаева, <i>доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат юридических наук</i>	
СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ	119
З. А. Сиябаева, <i>магистрант I курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЙ ХАОС	121
А. П. Стуканов, <i>профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, почетный работник Прокуратуры РФ;</i>	
В. А. Козлов, <i>доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат медицинских наук</i>	
ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА	124
М. П. Цветкова, <i>магистрант III курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ	126
С. Ж. Шалтакбаев, <i>заведующий кафедрой юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), кандидат юридических наук, доцент</i>	
ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: СУЩНОСТЬ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	129
Е. Ю. Элькин, <i>аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП</i>	
ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА КАК РАЗНОВИДНОСТИ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ	131
Эль Муссави Хуссейн Салех (Ливанская Республика), <i>аспирант кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар)</i>	
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛИКВИДАЦИИ ФОРМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЛИВАНЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА	134
М. А. Ювко, <i>аспирант кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар)</i>	
ГЕНЕЗИС СУБЪЕКТОВ ПРАВА КАК НОСИТЕЛЕЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	137
ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
С. В. Базанова, <i>магистрант I курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ В РАМКАХ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ	140

А. А. Барабанов, <i>доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук</i>	
ПРОФСОЮЗЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО СОЗНАНИЯ	143
А. А. Баталова, <i>студентка II курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ВАРВАРСТВО ИЛИ КУЛЬТУРА	145
В. В. Богатырева, <i>аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Кубанского государственного университета (Краснодар)</i>	
РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	148
О. В. Вербовая, <i>профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук</i>	
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	150
А. К. Виноградова, <i>магистрант I курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОХРАНУ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ	154
О. Н. Громова, <i>заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент</i>	
ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ	157
Ю. Н. Денисова, <i>доцент кафедры отраслей права СПбГУП</i>	
НЕВОЗМОЖНО ЦЕЛИКОМ ПОСВЯТИТЬ СЕБЯ ДЕЛУ, НЕ ВПИТАВ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДУХ ПРОФЕССИИ	159
Е. С. Диденко, <i>студент III курса юридического факультета Кубанского государственного университета (Краснодар)</i>	
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ ПО ВРЕМЕНАМ ГОДА	161
Э. А. Интезарян, <i>магистрант I курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОФОРМЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ	163
В. А. Козлов, <i>доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат медицинских наук</i>	
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ	166
Ю. А. Колпаков, <i>магистрант I курса юридического факультета СПбГУП</i>	
ЕДИНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ОСНОВА ЕДИНСТВА НАЦИИ	168

Е. В. Королева,*магистрант 1 курса юридического факультета СПбГУП***ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:****ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 172****В. В. Косарева,***старший преподаватель кафедры отраслей права СПбГУП***СОЗДАНИЕ МЕТОДИК ОПТИМАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ
В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ 174****М. А. Лаврик,***доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук***К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛИЗМЕ И ПАРТИКУЛЯРИЗМЕ В ПРАВОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ 177****В. Б. Морозов,***доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук***НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПРАВА. 179****И. А. Парахина,***магистрант 1 курса юридического факультета СПбГУП***СМИ КАК СУБЪЕКТ И ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ. 181****И. Г. Скурту,***доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук***РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН О КРИМИНОГЕННОСТИ ОБЩЕСТВА 184****А. П. Стуканов,***профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук, почетный работник Прокуратуры РФ***КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА:
ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ. 187****Е. В. Феденко,***аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар)***ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК ФОРМА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ 190****А. П. Федоров,***доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат технических наук***КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОГО ТРУДОВОГО КОНФЛИКТА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. 192****Ф. Р. Хайдаров,***аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП***РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ. 194****ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 197**

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

Л. А. Пасешникова,

первый проректор, профессор СПбГУП, кандидат юридических наук

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые участники и гости конференции!

От имени руководства Университета приветствую представителей научного юридического сообщества России и зарубежных стран, изыскавших время и возможность приехать к нам, чтобы поделиться своими научными работами, составляющими, как говорил римский юрист Марциан, «живой голос права».

Хочу особо подчеркнуть, что среди участников конференции наряду с авторитетными учеными много творческой молодежи — студентов, магистрантов и аспирантов. Диалог широко известных научных деятелей и молодых исследователей на этой площадке создает преемственность поколений юридической науки и способствует поддержанию научной традиции и научной школы.

Тема культурологических исследований как научного контекста, объединяющего достижения права, социологии, истории, искусствоведения, антропологии, вне всяких сомнений, магистральная для нашего Университета. Особенно приятным является то, что в этот научный процесс включается и один из ведущих факультетов нашего Университета — юридический.

Право, как важнейшая форма социальной активности человека, не может быть отделено от общекультурного дискурса, в котором оно создается, развивается и действует и который, в свою очередь, в известной степени формирует. Создавая правила поведения в государстве и обществе, право является необходимым условием человеческой свободы, основополагающим условием динамичного развития общечеловеческой и национальной культуры.

Многогранность связей юриспруденции и культурологии нашла свое отражение в представленных на конференции тезисах докладов. Из предложенной организаторами программы видно, что в поле правовых исследований входят и вопросы теоретического осмысления происхождения основных правовых сущностей, их отражение в юридической терминологии, проблемы историко-правового происхождения и культур-

ного разнообразия государственных и юридических практик. Через призму юриспруденции авторы собираются рассмотреть цивилизационное разнообразие современного мира, поднять актуальные вопросы выстраивания диалога цивилизаций в условиях глобализации.

Хочется надеяться на то, что работа в рамках проблемного поля нынешней конференции продолжится и в дальнейшем, а предложенные в этом году наработки станут основой для новых перспективных идей и проектов.

Позвольте еще раз пожелать участникам конференции активной и плодотворной дискуссии, развития диалога между представителями разных юридических школ, выработки новых научных идей и практико-ориентированных рекомендаций.

С. В. Адерихин,

*доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
кандидат философских наук*

ОТ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ К ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕЕ

Человечество на рубеже тысячелетий стоит на пороге великих испытаний и выдающихся открытий. Но не погибнет ли оно от собственного разума? Опыт XX века подсказывает, что успех будет иметь общество, ориентированное не на производство ради производства, а на человека, с активным включением всей полноты человеческих интересов. У человека и человечества будет шанс выжить при условии, что культура станет не отвлеченной «надстройкой», а движущей силой морали, права, государства.

Постепенно вырисовываются черты будущей цивилизации: развитие открытого информационного пространства, появление новых способов интеграции при сохранении определенного разнообразия. Итальянский философ Аурелио Печчеи утверждал, что «главное достояние человека — его собственные нереализованные, невыявленные или неверно используемые возможности».

Сейчас перед постсоветскими государствами стоит задача — обеспечить для каждой личности высокий уровень интеллектуального развития и материального благополучия. Но важно, как нам кажется, за решением макроэкономических проблем не потерять главное достояние — человека. Для успешного противодействия экспансии западных ценностей требуется сохранить собственное лицо — древнюю самобытную куль-

туру. Евразийская цивилизация, расположенная на пересечении Востока и Запада, способна синтезировать все лучшее для создания новых возможностей развития человеческого общества. Великие национальные культуры включают общечеловеческие ценности, «всечеловечны» по своей сути, но в то же время истинная культура всегда глубоко национальна и индивидуальна.

Много писалось и говорилось в свое время о так называемой русской идее. С ней связывают как достижения России, так и не самые приглядные страницы в ее истории. Сущностные черты русской идеи не были даны заранее, раз и навсегда, а формировались в процессе многовекового творчества народа. Русская идея возникла на собственной почве и обращает русский народ к его истокам. Для нее характерно бережное, уважительное отношение к духовно-нравственным началам своего народа, его историческому опыту и, безусловно, к другим народам.

Начало «самовозрастания» русской идеи восходит к XI веку, к истокам национального государства. Куликовская битва (1380) вызвала подъем национального самосознания в XIV–XV веках, а затем и возрождение русской средневековой культуры в XVI веке. Это время отечественной истории знаменуется оформлением идеи единства Русского государства.

Следующий, «петербургский» этап в истории России открывается эпохой ее модернизации и реформации, начатой Петром Великим. Идея европеизма достигает своего апогея в русском просвещении, центральной темой которого становится освоение науки Нового времени, превращение России в современное государство европейского типа. Вторая половина XVIII века отмечена в России утратой влияния господствующего религиозного мировоззрения и падением традиционной культуры. В 1830–1840-е годы начинается новый взлет национального духа, охвативший все основные сферы отечественной культуры. Двадцатый век, начавшийся для России войнами и революциями, породил еще один период подъема национальной идеи — русский культурный ренессанс на основе нового синтеза отечественной и европейской мысли.

После Октябрьской революции страна вступает в эпоху реализации социалистической идеи. Ее «материализация» сопровождалась отрицанием ряда ценных качеств русской идеи. В наше время лучшие традиции русской идеи находят широкий отклик в общественном сознании, способствуют поискам путей выхода из духовного кризиса.

Главной темой размышлений русских религиозных философов была проблема судьбы России, ее роли в мире, или так называемая русская идея, впоследствии развитая Николаем Бердяевым и другими мыслителями.

Славянофилы прежде всего исходили из утверждения своеобразия русской культуры, построенной на почве православия, и противопоставляли его западному типу культуры и католицизму.

Русские мыслители, поднимая проблему особого призвания России, отмечали потенциальность народа, что является залогом его великого будущего. Так, например, Николай Бердяев понимал под русской идеей прежде всего духовное единение народов, идею братства людей.

В наше время поиск национальной идеи в бывшей советской империи обострился. В современном Казахстане также предпринимается попытка обосновать «казахскую идею», согласно которой казахскому народу предназначено сплотить и возглавить все этносы, проживающие в стране, для того чтобы добиться процветания и благополучия.

В наиболее завершенной форме национальная идея была сформулирована в творчестве Абая. Он сравнивает Восток с Западом, ислам с древними верованиями казахов, казахов с узбеками, ногайцами, русскими, науку с верой. При этом он везде ищет целостность, сочетая несочетаемое — знание и веру, бога и труд, безмерность и меру. Казахская идея сформулирована у Абая в виде призыва. Он призывает молодых к овладению европейской ученостью, людей состоявшихся — к умножению богатства, правителей к справедливости.

По нашему мнению, сегодня целесообразнее говорить о евразийской идее, которая должна сплотить славяно-тюркские народы, которые находятся на пересечении древних связей Востока (Азии) и Запада (Европы). Ее важной составляющей и философским фундаментом становится высокое метафизическое учение об иерархии «симфонических личностей», к высшим звеньям которой относятся «идея личного Бога» и Россия–Евразия, представляющая собой «соборность» наций. Главная ценность евразийства состояла не в обширности его географии или сферы интересов у основателей, а в его идеях, одновременно оригинальных и в то же время внутренне родственных глубинным традициям. Евразийцам было присуще большое историческое зрение, позволившее свежим взглядом в привычных до боли чертах России разглядеть целый географический континент — материк с особой исторической судьбой — Евразию. Восточные ориентации России евразийцы прежде всего связывали с геополитической сферой, не распространяя ее на религиозную область. Л. П. Карсавин опубликовал отдельную книгу, само название которой — «Запад, Восток и русская идея» — говорит о сути его тогдашних интересов. «Не в европеизации смысл нашего исторического существования и не европейский идеал преподносится нам как наше будущее».

Еще в прошлом веке, размышляя о судьбах культуры и цивилизации в стране, Н. Бердяев отмечал необходимость развития культуры и неизбежность движения по пути мировой цивилизации для всех народов России. Но по исторически сложившейся традиции этот путь будет иметь свои особенности, позволяющие говорить о своеобразной евразийской цивилизации в рамках единой, мировой. Н. Бердяев писал о безобразности цивилизации, создаваемой в России. Возможно, поэтому, считал мыслитель, народам России дано «понять кризис культуры и трагедию исторической судьбы более остро и углубленно, чем более благополучным людям Запада». Мыслитель считал, что мы должны полностью пройти путь цивилизации и только после этого попытаться создать более гуманное общество. А до тех пор, отмечает философ, воле народа необходимо очиститься и укрепиться, пройти через великое покаяние. «Только тогда, — делает вывод Н. Бердяев, — воля его к преображению жизни даст ему право определить свое призвание в мире».

Уже в наше время, на новом этапе исторического развития России и постсоветского состояния геополитического пространства бывшего СССР идея евразийства получила новый импульс на новом государственно-политическом уровне.

С. В. Архипов,

*старший преподаватель кафедры теории права
и правоохранительной деятельности СПбГУП*

ДВА ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА

В современном постклассическом правоведении происходит, по определению И. Л. Честнова, антропологический поворот, что означает смысловую связанность в единой государственно-правовой концепции сфер психологического, социологического и культурологического подходов к праву и государству. В этом смысле теория государства становится частью общей теории культуры общества. В качестве методологического основания построения интегративной теории государства все чаще используются идеи социального конструктивизма. Такой подход позволяет избежать одномерности восприятия государственно-правовой действительности и способствует снятию бинарной оппозиции «объект–субъект». Методологические положения социального конструктивизма И. Л. Честнов формулирует в следующих положениях:

1) «любое социальное явление... существует в трех модусах бытия — в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа...»; 2) социальное явление — результат практики, зафиксированный знаком и «общепринятым ментальным образом»; 3) любой социальный институт — «конструкт, обусловленный и ограниченный хабиитуализацией... предшествующих практик».

Признание обусловленности феномена государства национальной правовой культурой предполагает осмысление культуры как основного фактора, задающего политическую и правовую идентичность общества. В отечественной науке можно указать на подходы к понятию культуры, понимаемой как органическое целое всех социальных феноменов. Так, Д. С. Лихачев разрабатывал концепцию культуры в ее многообразном коммуникативном проявлении. Ученый предлагал рассматривать культуру «как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоотношения и взаимоотталкивания...» «По этой схеме, — писал Д. С. Лихачев, — существуют творец (можно назвать его автором, создателем определенного текста...) и “потребитель”, получатель информации, текста, произведения... культурное явление разворачивается в некотором пространстве, в некоторой временной последовательности. Творец находится в начале этой цепи, “получатель” в конце — как завершающая предложение точка». Д. С. Лихачев понимает культуру как сотворчество между творцом и получателем текста. По мнению ученого, «автор (если это талантливый автор) всегда оставляет “нечто”, что дорабатывается, домысливается в восприятии зрителя, слушателя, читателя и т. д.». Подобный подход позволяет говорить, по мнению М. М. Бахтина, о дихотомичности культуры — культуры элиты и культуры народной. Вместе с тем в представлении Бахтина народная культура противостоит культуре официальной. В противовес позиции Бахтина Лихачев говорит о единой культурной среде, понимаемой как диалог культуры авторов текстов (элиты) и культуры читателей, представленных широкими слоями общества (народа). Применительно к теории государства можно говорить о наличии в общественном сознании двух образов государства: один образ задается политической элитой общества как авторами политико-правовых текстов, другой образ «домысливается» читателями этих текстов. Это позволяет сделать вывод о социальном конструировании единого феномена государства как результата творческого диалога между политической и правовой элитой и не элитой. При этом, если конструируемый элитой образ государства обосновывается преимущественно рациональным путем, то народный

образ государства формируется более стихийно и носит иррациональный характер. Во втором случае, по мнению автора, наиболее перспективным методологическим подходом может выступать теория социальных представлений С. Московичи. Социальные представления понимаются как «господствующие в социальной группе обыденные знания о социально значимом с точки зрения этой группы объекте...» Такие социальные представления, по мнению С. Московичи, и есть сам объект конструируемой социокультурной реальности.

На наличие двух сосуществующих в общественном сознании образов государства указывает Н. В. Андрианов. По мнению ученого, во-первых, можно говорить об инструментальном образе государства, рассматриваемом как аппарат власти и управления; во-вторых, в общественном сознании присутствует образ государства, позволяющий «выработать к нему отношение как к уникальному институту, гибель которого, в отличие от гибели индивида или ликвидации коммерческой организации, несет необратимые трагические последствия для общества в целом». По мнению ученого, инструментальный образ государства является второстепенным по отношению к органистическому образу государственности как образу, задающему условия для политико-правовой идентичности. Такой подход в рамках парадигмы культурной дихотомичности представляется ошибочным, поскольку приводит к приоритетности значения одного образа государства (органистического) в процессе конструирования единого феномена государственности. Это закономерно приводит к не всегда осознаваемому отождествлению общества (народа) и государственности, понимаемой как властный аспект народа. Такой точки зрения придерживается, например, известный теоретик государства А. М. Величко. Однако с позиций инструментального подхода государство есть организация политической власти в обществе, где власть понимается как явление обособленное (отчужденное) от общества.

Подобное противоречие, по мнению автора, не может быть решено через определение приоритетности органистического или инструментального образа государственности, поскольку приоритетность исключает значимость другого образа в общественном сознании. Это обстоятельство, по-видимому, позволяет говорить о двух уровнях социальных систем государственности, задаваемых двумя образами государства, диалогически сосуществующих в политико-правовой культуре социума.

С. Б. Глушаченко,

*профессор кафедры теории и истории права и государства
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург),
доктор юридических наук*

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы подчеркивается: «Развитие высоких технологий, открытость страны мировому сообществу привели к незащищенности детей от противоправного контента в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”... По сведениям МВД России, число сайтов, содержащих материалы с детской порнографией, увеличилось почти на треть, а количество самих интернет-материалов — в 25 раз. Значительное число сайтов, посвященных суицидам, доступно подросткам в любое время». Также отмечается «несоответствие современной системы обеспечения информационной безопасности детей новым рискам, связанным с развитием сети “Интернет” и информационных технологий, нарастающему противоправному контенту».

Существуют особенности, с которыми приходится считаться, занимаясь решением проблемы информационной безопасности в интернет-пространстве:

- отсутствие границ информации;
- высокая скорость распространения, модификации и записи данных;
- огромные объемы хранящейся, распространяющейся, модифицирующейся информации;
- разнообразие технических способов совершения преступлений в сфере информационных технологий;
- международно-правовые коллизии и пробелы в отечественном законодательстве в области информационной безопасности.

Информация — стратегический ресурс нового века. Прогресс компьютерных информационных технологий, информационных систем и других современных средств реализации информационных процессов сегодня затрагивает жизненные интересы каждого человека. Необходимы меры, направленные на обеспечение информационной безопасности детства в условиях современной глобализации информационного пространства и доступности Интернета.

Национальная стратегия предлагает следующее:

— создать и внедрить программы обучения детей/подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, профилактики интернет-зависимости, предупреждения рисков вовлечения в противоправную деятельность, порнографию, участие во флешмобах;

— создать правовые механизмы блокирования информационных каналов проникновения через источники массовой информации в ювенальную среду элементов криминальной психологии, культа насилия, других откровенных антиобщественных тенденций и соответствующей им атрибутики;

— внедрить системы мониторинговых исследований по вопросам обеспечения безопасности среды образовательных учреждений, а также научно-методического и нормативно-правового обеспечения соблюдения санитарно-гигиенических требований к использованию информационно-компьютерных средств в образовании детей;

— создать общественные механизмы экспертизы интернет-контента для детей;

— создать порталы и сайты, аккумулирующие сведения о лучших ресурсах для детей и родителей;

— стимулировать родителей к использованию услуги «Родительский контроль», позволяющей устанавливать ограничения доступа к Интернету.

Все это, полагает российский законодатель, детерминирует формирование надежной системы защиты детей от противоправного контента в образовательной среде школы и дома, а также сможет сократить число пострадавших несовершеннолетних от противоправного контента в интернет-среде.

В нашей стране во всех образовательных учреждениях в обязательном порядке используется контент-фильтрация, изданы приказы, разработаны локальные акты и инструкции для сотрудников по предупреждению возможности выхода учащихся на сайты, носящие негативный характер. Фильтры необходимы, но на сегодняшний день они несовершенны, поэтому, считаю, вопрос безопасности в Интернете требует постоянного внимания как родителей, учителей, так и детей. Возрастная классификация сайтов в России — пока еще только модный тренд, но не необходимая реальность, а несовершеннолетние нуждаются в защите и «детском» Интернете прямо сейчас. Младшие школьники сталкиваются с порнографическими изображениями реже, чем старшие, но при этом они испытывают больший стресс. Так, в лицее № 179 Калининского района Санкт-Петербурга активно проводится профилактиче-

ская работа в целях предотвращения ювенальной виктимизации. Детям нужно объяснять опасность предоставления личных данных в Интернете, ведь, обладая личной информацией пользователя, злоумышленник может повернуть мошенническую операцию в Сети или организовать киберпреследование. Также эти данные впоследствии могут легко попасть в базу спамеров и фишеров, которые еще долго не оставят жертву в покое. Это вопрос социальной ответственности не только хостинг-провайдера, но и соответствующих государственных органов.

Недостаток знаний в этой области права приводит к тому, что многие школьники не видят преступления в том, чтобы, например, взломать чью-то страницу в социальной сети или установить нелегитимную программу. Созданная при поддержке Министерства связи и массовых коммуникаций РФ Лига безопасного Интернета (ligainternet.ru) — крупнейшая и наиболее авторитетная в нашей стране организация, цель которой — противодействие распространению опасного контента во Всемирной паутине, в том числе оказание реальной помощи несовершеннолетним, ставшим прямым или косвенным образом жертвами распространения этого контента.

Для обеспечения безопасности школьников в Интернете в условиях современной глобализации особое значение имеет взаимодействие общеобразовательного учреждения с родителями. И начинать совместную работу надо с первого класса. В целях защиты детей от негативного контента правилам безопасной работы в Интернете нужно учить так же, как и правилам дорожного движения.

А. С. Даниелян,

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар)*

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ

Вопросы, касающиеся роли и значения религии в правовой системе, являются неотъемлемой составляющей дискуссий и полемики в израильском обществе с первых дней существования Государства Израиль. Это связано с тем, что религиозный вопрос многогранно охватывает как сферу социально-политической деятельности, так и частную жизнь граждан. В связи с этим представляет повышенный научно-практический интерес исследование антагонизма и конкуренции между

государством и религией в Израиле в ходе государственно-политического становления. Все это вкуче определяет значимость рассмотрения вопросов, касающихся места и роли религиозного фактора в правовой системе координат.

Известный специалист по религиозному вопросу Э. Гутман в вышедшей под его редакцией монографии «Политическая система Израиля» пишет, что «в Израиле религия является одновременно объединяющим и разъединяющим фактором». При этом исследователь отмечает несомненный «вклад религии в укрепление еврейского национального самосознания в Израиле (и, вероятно, также в сохранение еврейства в диаспоре), поскольку моноконфессиональность народа (или религиозное измерение еврейства как нации) поддерживает его обособление от других этносов и границу между ними».

Светские власти Государства Израиль уже на ранних этапах его существования подчеркивали значимость иудейского права. Так, в опубликованном Министерством юстиции законопроекте о наследовании 1952 года отмечалось, что одной из основ данного документа явилось иудейское право, выступающее примером наследия национальной культуры и требующее своего возобновления и развития. Уникальность иудейского права выражается еще и в том, что оно «представляет собой пример юридической системы, которая сохранилась, несмотря на отсутствие поддерживающего ее государственного аппарата».

При этом стоит обратить внимание на мнение, устоявшееся в израильской и отечественной литературе о том, что в настоящий момент правовая система израильского общества находится в состоянии кризиса, детерминирующим фактором которого явился факт постепенного нарастания «политической активности религиозных партий... И усиление их давления на повседневную жизнь израильского общества», начиная с 1980-х годов.

Один из наиболее ярких примеров противоречия светского и религиозного начал правовой системы Израиля можно привести из области семейного права. Так, атеисты и нерелигиозные евреи, желающие заключить брак в Израиле, обязаны пройти религиозный обряд, проводимый ортодоксальным раввином. При этом пара может зарегистрировать брак за границей или подписать брачный договор, и оба действия будут признаны израильскими светскими судами и приняты во внимание учетными органами.

Данное положение дел изменилось с принятием 5 ноября 2010 года Закона о гражданском браке (*Брит а-зугиот*). Данный нормативный акт ввел понятие гражданского брака для лиц, не относящихся к тради-

ционным для Израиля конфессиям (таким как иудаизм, ислам, христианство). Желаящие зарегистрировать гражданский брак должны подать соответствующее прошение на имя регистратора браков при Министерстве юстиции. В случае если все суды подтвердят, что ни один из супругов не принадлежит к какой-либо конфессии, пара приглашается в орган юстиции для регистрации брака. Еще на стадии рассмотрения этот закон получил высокую оценку тех, кто увидел в нем возможность прервать монополию ортодоксов; другие посчитали его недостаточным шагом, который может иметь значимость для определенной части населения, но далек от решения основной проблемы.

В настоящий момент одной из наиболее насущных проблем является отсутствие четкого законодательства, регламентирующего место религии в жизни общества и государства. Кроме того, Израилем был ратифицирован Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, за исключением части, касающейся гражданского состояния и семейного статуса граждан. В этих условиях суды, а в израильских условиях — именно Верховный суд, обязаны играть регулирующую роль, не допуская дискриминации по религиозному признаку.

В связи с этим одной из первостепенных задач является уяснение положения ст. 1 Основного закона о достоинстве и свободе человека. В данной норме указывается, что цель «Основного закона — защитить достоинство и свободу человека, дабы закрепить в Основном законе ценности Государства Израиль как еврейского и демократического государства». Без сомнения, данное определение порождает напряженность между ценностями Государства Израиль как еврейского государства и его ценностями как государства демократического.

В научной среде Израиля продолжают споры по поводу правомерности данного определения. Так, В. П. Воробьев, рассматривая данный вопрос, выделяет два противоположных подхода, обозначаемых среди израильских юристов и политологов. Представители первого подхода считают, что понятия «еврейское» и «демократическое» являются взаимодополняющими и гармонирующими. При этом в качестве аргументации выступает идея, что ценности любого демократического общества развивались под непосредственным воздействием еврейских ценностей, истории, культуры и традиций.

Однако в Израиле есть большое количество комментаторов права и политологии — представителей второго подхода, — полагающих, что, несмотря на неоспоримый еврейский характер Государства Израиль, нельзя идентифицировать его как «еврейское и демократическое», пока существуют Галаха и раввинатские суды, так как в этом случае понятие

«правового государства» абсолютно несовместимо с концепцией галахическо-теократического государства.

По нашему мнению, эти два понятия лежат в полярных плоскостях. Так, определение «еврейское государство» означает принадлежность к конкретному историческому фону, культурному наследию, традиции и, несомненно, религии, тем самым выражая культурологические основы государства. В свою очередь наличие «демократического» начала характеризует приверженность к определенной форме государственно-политического устройства общества и свидетельствует о принятии Израилем общепринятых устоев миропорядка, закрепленных мировым сообществом. Отметим, что при рассмотрении очередной апелляции в Верховном суде Израиля на решение нижестоящего суда, касающегося содержания принципа «еврейского государства», выражалась уверенность в том, что «существование Государства Израиль в виде государства еврейского народа не отрицает его демократического характера».

Считаем, что тенденции последних лет, имеющие место в израильской правовой и политической жизни, недвусмысленно свидетельствуют о том, что страна движется в направлении, способном привести ее к клерикализации правовой системы. Следует согласиться с мнением В. П. Воробьева, который верно подметил в вышеуказанных процессах подтверждение универсального характера тезиса о том, что в настоящее время либерально-гуманистические ценности переживают упадок, а воздействие религиозной традиции, напротив, усиливается, в том числе в рамках права. Доказательством этого может служить высказывание министра юстиции Израиля — представителя светской власти — Я. Неэмана, заявившего: «Шаг за шагом мы будем даровать гражданам Израиля законы Торы и сделаем Галаху основным законом страны. Мы должны вернуть народу наследие отцов. Тора дает ответы абсолютно на все вопросы, встающие перед нами». Несомненно, данные высказывания представителя светской власти представляют собой логическое продолжение все усиливающегося влияния фундаменталистских течений.

Проведенный анализ роли религии в правовой системе Израиля позволил прийти к выводу о том, что на сегодняшний день одной из наиболее актуальных проблем в израильском обществе и законодательстве является наличие правового вакуума по вопросу отделения государства и религии. В формально-юридическом и практическом плане это означает, что, во-первых, в стране отсутствует четкое разделение между государственно-правовой сферой, с одной стороны, и религиозно-право-

вой — с другой. А во-вторых, религиозные идеи, традиции и доктрины пропитывают собой всю государственно-правовую жизнь Израиля, а государственно-правовые учреждения, нормы и институты широко используются для поддержания религиозно-правовой жизни.

А. И. Зябкин,

профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В международном праве круг отношений, связанных с культурными ценностями, весьма значителен. Вместе с тем вопрос о правовом закреплении самого понятия «культурная ценность» остается дискуссионным, хотя имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

В настоящее время в международном праве существует более полусотни международно-правовых актов универсального и регионального характера, регулирующих отношения по поводу объектов культурного наследия. Однако в этих документах не дается общего определения таких объектов, которые в научной литературе получили общее наименование «культурные ценности».

В международно-правовых актах и научных исследованиях, посвященных объектам культуры, используются два термина — «культурное наследие» и «культурная собственность». Последний чаще всего переводится на русский язык как «культурные ценности». Не затрагивая проблему соотношений понятий «культурное наследие» и «культурная собственность» (она заслуживает отдельного исследования), мы будем использовать термин «культурные ценности». Данный термин имеет широкий смысл, отражающий двойственную природу объектов культуры, которые являются одновременно объектами права собственности и культурного наследия, а также охватывающий нематериальные и материальные объекты культуры.

Понятию «культурные ценности» в каждой международной конвенции дается специальное определение, которое формулируется обычно для целей данного правового акта. В связи с этим в международном праве отсутствует единое правовое понятие «культурная ценность», закрепленное в нормативном виде.

Впервые определение «культурная ценность» было сформулировано в Гаагской конвенции «О защите культурных ценностей в случае

вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 года. Благодаря данному документу этот термин был введен в международную терминологию.

В ст. 1 данной Конвенции дается определение материальной культурной ценности. В ней перечисляются объекты, представляющие культурную ценность, включая «ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше, здания, центры содержания культурных ценностей».

В данном определении можно указать на основные признаки, позволяющие выделить тот или иной объект именно как культурную ценность. Прежде всего это исторический и художественный интерес, археологическое значение. Можно сказать, что категория культурных ценностей с самого начала приобретает признак универсальной значимости для мировой культуры в целом. При этом значимый объект должен быть уникальным предметом, отнесенным к культурным ценностям, предметам, не просто дающим человеку информацию исторического, художественного или научного характера, но в первую очередь воздействующим на органы чувств.

Кроме того, в рассмотренной норме Конвенции 1954 года нашло отражение принципиальное разграничение материальных культурных ценностей на две категории: движимых и недвижимых, что может служить основанием для их классификации.

Подчеркнем, что деление культурных ценностей на материальные и нематериальные находит отражение и в теории международного права.

Между тем безусловно то, что к культурным ценностям относятся не только материальные объекты, перечисляемые в ст. 1 Конвенции 1954 года. Исходя из философской концепции, культурная ценность есть результат особой деятельности человека — творчества, имеющий особое значение для общества и последующих поколений. Данный подход закреплен и в международных правовых актах. Так, в ст. 2 Конвенции ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» от 17 октября 2003 года закреплено понятие нематериальной культурной ценности. Согласно данной норме нематериальное культурное наследие означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки,

а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и в некоторых случаях отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Представляется, что такую формулу вряд ли можно признать исчерпывающей для характеристики нематериальных культурных ценностей. В жизни некоторые результаты творческой деятельности людей просто не могут иметь материального воплощения. Речь идет о таких результатах творческой деятельности, как фольклор, народные песни, сказания, которые представляют неотъемлемый элемент культуры соответствующего народа. Поэтому следует считать вполне уместным дополнение, отраженное в ч. 2 и 3 рассматриваемой статьи, что такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека. Для целей настоящей Конвенции принимается во внимание только то нематериальное культурное наследие, которое согласуется с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития.

Иными словами, именно постоянное воссоздание, а не единовременное создание можно считать основным элементом нематериальной культурной ценности, отличительным признаком, который наряду с отсутствием конкретного материального носителя позволяет разграничить материальные и нематериальные культурные ценности.

Дальнейшее развитие правовых характеристик культурных ценностей произошло за счет введения критерия их «универсальной ценности». Данный критерий отражен в Конвенции «Об охране всемирного культурного и природного наследия» от 16 ноября 1972 года, где в ст. 1 закреплено, что под культурной ценностью понимаются «памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещерные жилища и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: дело рук человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические

достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии».

Таким образом, отметим, что в универсальных конвенциях культурные ценности характеризуются как уникальные, значимые для всемирной культуры.

Можно назвать также стоимостный и временной критерии для того, чтобы объект мог признаваться культурной ценностью. Они характерны для региональных международно-правовых актов и отражены, например, в Договоре о создании Европейского экономического сообщества от 25 марта 1957 года, Регламенте ЕЭС № 3911/92 Совета Европейского экономического сообщества от 9 декабря 1992 года о вывозе культурных ценностей, в ряде директив, а также решений Суда Европейского экономического сообщества.

Следует подчеркнуть, что поскольку материальная ценность предметов искусства может меняться, вопрос о правомерности включения этого признака в правовое определение до сих пор остается достаточным дискуссионным.

Подходы к определению культурной ценности, закрепленные в международно-правовых актах универсального и регионального характера, нашли отражение в национальном законодательстве ряда стран, в том числе и в России, в частности в Законе РФ от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». Это касается метода перечисления категорий культурных ценностей, не дающего при этом правового определения регулируемого объекта.

Обобщая сказанное, отметим: во-первых, рассмотрев нормативные определения культурных ценностей, содержащиеся в международно-правовых актах, можно сформулировать определение культурной ценности как материального (движимого или недвижимого) объекта либо нематериального объекта, являющегося результатом особой деятельности человека — творчества и имеющего особое значение для общества, истории, искусства, археологии, а также последующих поколений. Во-вторых, перечисление объектов, представляющих культурную ценность, как наиболее распространенный способ закрепления понятия «культурная ценность», применяемый в международном праве, нельзя считать удачным, так как при определенных условиях некоторые объекты, несмотря на их значимость, могут быть не включены в перечень представляющих культурную ценность. В связи с этим необходимо продолжать дальнейшую разработку универсального юридического понятия культурной ценности.

Р. Д. Киселева,*доцент кафедры отраслей права СПбГУП***ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ:
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

1. *Общие положения.* Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее — ФЗ № 99-ФЗ) был внесен ряд изменений в правовой статус религиозных организаций (в предыдущей редакции ГК РФ — религиозные объединения). Так, на основании п. 3 ст. 50 ГК РФ правовое регулирование религиозных организаций было отделено от правового регулирования общественных объединений. В предыдущей редакции ГК РФ религиозные организации рассматривались как один из видов общественных объединений, обладающих при этом некоторыми особенностями. В действующей редакции ГК РФ на основании абз. 2 п. 1 ст. 65.1 религиозные организации отнесены к унитарным юридическим лицам, а их гражданско-правовое положение определено в ст. 123.26–123.28 ГК РФ. При этом деятельность религиозных организаций регламентируется также Федеральным законом от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее — ФЗ № 125-ФЗ). На основании п. 2 ст. 123.26 ГК РФ можно сделать вывод о том, что порядок образования органов религиозной организации и их компетенция, порядок принятия решений этими органами, а также отношения между религиозной организацией и лицами, входящими в состав ее органов, определяются в соответствии с ФЗ № 125-ФЗ, а также уставом религиозной организации и внутренними установлениями (другими внутренними документами).

Законодатель выделяет следующие различия между религиозными и нерелигиозными объединениями. Прежде всего это цели создания, к которым на основании п. 1 ст. 6 ФЗ № 125-ФЗ относятся совместное исповедание и распространение веры. В соответствии с этими целями сформулированы следующие признаки религиозного объединения: вероисповедание; совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; обучение религии и религиозное воспитание своих последователей. Свою деятельность религиозные объединения могут осуществлять в форме религиозных групп и религиозных организаций (п. 2 ст. 6 ФЗ № 125-ФЗ). В 2015 году была принята новая редакция п. 1 ст. 7 ФЗ № 125-ФЗ, которая уточнила состав религиозной группы

и отменила для ее государственной регистрации в качестве религиозной организации «правило 15 лет существования» (ФЗ № 261-ФЗ от 13 июля 2015 г.).

2. *Организационное единство.* Религиозным объединениям присущ такой признак юридического лица, как организационное единство. Примером религиозной организации является Русская православная церковь. РПЦ зарегистрирована в Российской Федерации в качестве юридического лица как централизованная религиозная организация. В соответствии с Уставом она имеет иерархическую структуру управления. Московская патриархия и иные канонические подразделения Русской православной церкви, находящиеся на территории Российской Федерации, регистрируются в качестве юридических лиц как религиозные организации.

3. *Трудовые правоотношения.* Согласно п. 1 ст. 24 ФЗ № 125-ФЗ (в обновленной редакции) религиозные организации заключают трудовые договоры с работниками только в случаях, предусмотренных их уставами. Однако уставы канонических подразделений Русской православной церкви не предусматривают случаев заключения трудовых договоров со священнослужителями, в частности с настоятелями, диаконами, клиром, так как они не рассматриваются в качестве наемных работников. Например, согласно Уставу Русской православной церкви, избрание и назначение священно- и церковнослужителей осуществляет епархиальный архиерей. Священно- и церковнослужители должны выполнить особые условия и принять церковную присягу. Русская православная церковь придерживается позиции, что обязанности священника при совершении богослужений, церковных таинств, осуществлении пастырской деятельности — это не трудовые обязанности. В то же время в соответствии с п. 4 ст. 24 ФЗ № 125-ФЗ священнослужители имеют необходимые социальные гарантии: подлежат социальному обеспечению, социальному страхованию и пенсионному обеспечению в соответствии с законодательством Российской Федерации.

4. *Выведение религиозных организаций из-под общих норм ГК РФ.* Эта практика наметилась еще в 2015 году, когда ст. 8 ФЗ № 125-ФЗ была дополнена п. 8.1, который определил, что порядок образования органов религиозной организации и их компетенция, порядок принятия решений этими органами, а также отношения между религиозной организацией и лицами, входящими в состав ее органов, определяются уставом и внутренними установлениями религиозной организации (ФЗ № 80-ФЗ от 6 апреля 2015 г.). Кроме того, указанная статья была дополнена п. 10, который уточнял, что в отношении религиозных организаций положе-

ния п. 5 ст. 50 и ст. 53.1 ГК РФ не применяются. Таким образом, норма п. 5 ст. 50 ГК РФ, согласно которой некоммерческая организация, приносящая доход, должна иметь имущество рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного законом для обществ с ограниченной ответственностью, не распространяется на религиозные организации. Эти изменения важны прежде всего для сельских приходов, которые обычно не имеют значительной собственности и денежных средств.

Полезным является и вывод религиозных организаций из-под действия ст. 53.1 ГК РФ, которая позволяет учредителям юридического лица требовать возмещения убытков, причиненных юридическому лицу, от руководителя юридического лица или от членов коллегиального органа управления юридического лица. Применение такой нормы к религиозным организациям могло провоцировать конфликты на уровне приходов.

5. Миссионерская деятельность. В соответствии со ст. 6 ФЗ № 125-ФЗ одной из целей создания религиозного объединения является распространение веры. Статья 28 Конституции РФ также гарантирует право не только исповедовать любую религию, но и распространять религиозные убеждения. Распространение веры является уставной целью каждого религиозного объединения, а также формой исповедания своей религии верующими. Поэтому внесение дополнений в ФЗ № 125-ФЗ в виде новой Главы III (ст. 8 ФЗ № 374-ФЗ от 6 июля 2016 г.), которая содержит определение и порядок осуществления миссионерской деятельности, было воспринято обществом крайне неоднозначно, так как затрагивает государственно-конфессиональные отношения и может затруднить диалог между государством, религиозными организациями и верующими многонациональной России. Дискуссия продолжается и, весьма вероятно, закончится обращением в Конституционный Суд. Важно при этом, чтобы стороны не забывали, что отсутствие понимания и насилие — это прямой путь к разрушению общественного согласия.

В. А. Ковалев,

*доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат исторических наук*

ВЕТВИ ДРЕВА ОДНОГО. ГОСУДАРСТВО В РИТУАЛЬНЫХ МАНИФЕСТАЦИЯХ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ: ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В традиционных обществах публичная власть в значительной степени воспринималась как власть ритуальная. Обладать властью значило демонстрировать власть, легализация и легитимация власти осуществлялись прежде всего путем определенных ритуальных действий. «Разделение между парадным мундиром власти и ее сущностью становится все менее ясным и даже менее реальным. Как масса и энергия они перетекают друг в друга», — писал знаменитый американский антрополог Клиффорд Гирц.

Из всех церемоний, окружавших монарха, особую роль в формировании власти и определении ее политической программы играл коронационный ритуал и тесно связанный с ним ритуал аккламации и адвента. Это вполне объяснимо, если принять теорию происхождения харизмы власти, предложенную Эдвардом Шилзом. Интерпретируя идеи Макса Вебера, он подчеркнул, что харизма связана с центрами социального порядка, которые являются местом, где происходит существенная концентрация социально значимых действий. Эти места состоят из точек в социальном пространстве, в которых его ведущие идеи соединяются с ведущими институтами. Таким образом, древние и средневековые государства оказывались одновременно тем полем, в котором разворачивалось укрепляющее власть символическое действие, и итогом символической деятельности власти.

Источником европейского ритуала королевской (царской, императорской) процессии были древнегреческая эллинистическая традиция *αλάντησις* и древнеримский триумф. Данные традиции вовсе не противоречили друг другу, поскольку обе были нацелены на обожествление монарха, однако римская традиция была более государственно-юридической, а греческая — религиозной. Ритуал *αλάντησις* изначально относился к торжественному шествию с несением статуи божества и внесения ее в храм, и только со времен Александра Великого произошло смещение акцента, когда место статуи занял царь, а шествие жрецов сменила армия. Впрочем, с учетом обожествления эллинистических царей различия были не столь уж велики.

Римский триумф также происходил из религиозного термина *triumpe* — громко возглашать, петь религиозный гимн, прославлять —

и обозначал пение арвальских братьев, то есть его связь с религиозным действием также не вызывает сомнений. При этом некоторые римские авторы, например Варрон, указывали на его греческую этимологию от слова θρίαμβος. Постепенно триумф становился все более сфокусированным на личности триумфатора, который являлся земным воплощением Юпитера Капитолийского. В I веке до н. э. были определены юридические основания триумфа: он мог быть дарован только магистрату, обладавшему *imperium*, победителю в законной и справедливой войне, на которой должно было быть убито минимум 5 тыс. врагов, война должна была быть полностью завершена. С установлением императорской власти складывается правило, по которому триумф мог быть дарован только императору, что сыграло важную роль в его последующем обожествлении.

В поздней Римской империи триумф сближается с *adventus* императора — торжественным въездом в город, максимально ориентированным на демонстрацию божественности правителя, образ которого все больше терял индивидуальные черты. В панегирике 291 года в честь приезда в Медиоланум Диоклетиана и Максимилиана императоры «прибывают на колесницах Солнца и Луны», а с их приездом «всю Италию залил ясный свет». На монетах времен Тетрархии и в первые годы правления Константина боги встречают императора как одного из божеств, а Виктория вручает ему сферу как знак божественного правления.

Император Константин также являлся подданным в божественном виде на Аррасском медальоне, где коленопреклоненный Лондиниум встречает императора как *Redditor Lucis Aeternae*, и на арке Константина, где колесницей императора правит Виктория, а над колесницей едет Солнце в образе Аполлона Кифареда, полностью повторяющее жесты императора (правая рука поднята в приветственном жесте, в левой — глобус).

Христианское влияние вовсе не уничтожило обожествления императора, а только творчески переработало его. Евсевий Кесарийский, например, употребляет в отношении императора эпитеты, аналогичные предикатам Христа: «...Константин с торжеством вступил в царственный город. Тотчас все — и члены сената, и другие высшие и знатные сановники, со всем римским народом, — как бы освободившись от оков, приняли его с веселыми лицами и сердцами, с благословениями и невыразимой радостью. В то же время мужья с женами, детьми и тьмой рабов громогласно и неудержимо провозглашали его своим избавителем, спасителем и благодетелем». Сближение императорского ритуала и христианства мы можем увидеть даже в текстах Нового Завета — апостол

Павел описывает приход Христа со свитой ангелов как великого правителя, совершающего отмщение врагам Бога, то есть повторяет титулатуру императора как *Redditor Lucis Aeternae* (2-е Фес. 1: 6–10). Иоанн Хризостом пишет, что нельзя никакими словами описать пришествие Иисуса Христа, поскольку мы с трудом находим слова для описания вступления в город императора во главе его блестящей свиты, в пурпуре и драгоценностях.

Неудивительно, что Византия сохранила ритуал римского триумфа, соединенного с императорским адвентом. Автор панегирика VI века в честь въезда императора Анастасия в Газу пишет об императоре и городе как о Христе и Церкви — «город ожидает императора, как страстная возлюбленная ждет своего жениха». Феофан, описывая адвент императора Ираклия в Константинополь в 629 году, сравнивает шесть лет войн, которые вел император, с шестью днями творения, а год мира — с седьмым днем отдыха. Императора встречали патриарх, священники, монахи и горожане, которые размахивали оливковыми ветвями и расстилали свои одежды, воспроизводя въезд Христа в Иерусалим в Вербное воскресенье. Тот же Ираклий в Тивериаде дарует в ходе шествия местному населению письменные гарантии защиты. В 688 году император Юстиниан II въезжает в Фессалоники, где его встречают местные жители и служители церкви с оливковыми ветвями и свечами, император едет в окружении военной свиты и дарует местной церкви Св. Деметрия доходы от соляной шахты.

В средневековой Западной Европе взаимодействие священной фигуры императора как носителя особой силы и сакральности и общины нашло свое отражение в процессиях в честь святых. Прибытие мощей не только позволяло позиционировать самого святого как носителя особой силы и сакральности, но и четко структурировать и установить границы городской общины. Именно в виде этих процессий структура императорского *adventus* была сохранена в Западной Европе, чтобы потом снова возродиться в культе божественного короля. Влияние римской традиции было как непосредственным: в 1198 году для папы Иннокентия III был устроен тщательно воссозданный античный триумф — папа ехал на коне, перед ним шли кардиналы, епископы и священники, за ним следовали представители города; улицы были украшены временными арками и цветами; в финале процессии папа помолился у гроба св. Петра; так и опосредованным, пришедшим в Европу из Византии через латинские княжества, образованные в Греции после Четвертого крестового похода. Великолепные выезды герцогов Ахайских и герцогов Афинских стали образцом для сеньоров Италии.

В итоге римско-византийская традиция обожествления монарха была полностью воспроизведена и даже усилена в Западной Европе позднего Средневековья. Образцовыми стали адвенты английских королей, начиная с Ричарда II и особенно Генриха V. В ходе адвента воспроизводился въезд Христа в Иерусалим в Вербное воскресенье, фонтаны начинали бить вином, король омывал ноги 12 нищим, над Стрэндом на канатах висел зеленый замок, изображавший Небесный Иерусалим, с которого спускался ангел и увенчивал короля небесным венком. Одновременно воспроизводился и контрактный элемент — король принимал хартии городских свобод и снова даровал их городу, выслушивал жалобы, распоряжался о строительстве.

Что касается Московского царства, здесь публичный элемент византийского наследия был ослаблен, но, вне всяких сомнений, сохранен. Ярким примером такого наследия является «Чин возведения на Великое княжение Дмитрия-внука». Хотя автор концентрирует внимание на событиях, происходивших внутри собора, мы видим ряд политических публичных действий. Это и разбрасывание монет дядей Дмитрия Юрием Ивановичем, повторявшее византийский обычай разбрасывания эпикомвий — кусочков ткани, в которые были завернуты монеты, и прокламация, которую зачитал Великий князь Иван III о законности венчания Дмитрия в соправители на основании права рождения, сближающаяся с западным обычаем провозглашения прокламации (например, на коронацию Эдуарда VI архиепископом Томасом Кранмером).

В целом тем не менее можно констатировать некоторую недостаточность публичной ритуальной политики в Московском царстве и приниженность фигуры правителя: например, на Пасху в XVII веке московский царь вел под уздцы лошадь патриарха, что было немислимо и в Византии, и на Западе. Итогом этого ограничения стали замедленные темпы складывания абсолютной монархии в России и слабость по сравнению с Западом центральной власти.

С. Ю. Крицкая,

*доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург),
кандидат филологических наук;*

А. В. Березкин,

*доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры
Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук*

«ПРЕДСМЕРТНЫЕ РЕЧИ» ОСУЖДЕННЫХ НА КАЗНЬ В ТАЙБЕРНЕ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Тайберн (Tyburn) — небольшая английская деревня рядом с Лондоном, где с 1196 по 1783 год проводились публичные казни. Там происходили: четвертование, сожжение на костре, колесование, расчленение, потрошение, утопление в реке Тайберн, отсечение головы и повешение, которое с XVI века являлось основным способом казни. В 1571 году там была построена виселица, представлявшая в плане треугольник, на каждой из трех балок которой можно было повесить по восемь осужденных. Так, 23 июня 1649 года были повешены сразу 24 человека. Эта виселица стала официальным символом правосудия и была названа «Тайбернским деревом» (*Tyburn Tree*), «тройным деревом» (*Triple Tree*), «трехногой кобылкой» (*Three Legged Mare*). Обычно публичные казни в Тайберне проводились восемь раз в году, и эти дни объявлялись нерабочими для лондонского простонародья. Народ жаждал представления и получал его: провоз осужденного по улицам Лондона, публичное выступление на эшафоте, которое сопровождалось бойкой торговлей на месте казни листками с «последним словом и признанием» приговоренного к казни.

В переводе названия этих листков (*Last Dying Speech and Confession* — последняя предсмертная речь и признание) не установилось единообразие: «эшафотная речь», «предсмертное слово», «последнее слово осужденного».

В XVII, XVIII и начале XIX века именно эти тексты предшествовали появлению криминальной хроники в газетах и жанра детективного рассказа.

Английская практика «последнего слова» имела свою специфику. В Англии XVII—XVIII веков большинство «предсмертных речей» осужденных писали не они сами, а монополизировавшие этот «промысел» священники Ньюгейтской тюрьмы. Именно священники и их помощники должны были для публикации листовки в срок связаться с печатником, найти выход на торговцев-распространителей, чтобы получить

доход от продажи, необходимый как самому смертнику, так и его наследникам.

Участие священников в создании предсмертных речей не могло не сказываться на их содержании. В описании генезиса преступления были обязательны два пункта. Во-первых, раскаяние в отсутствие личного благочестия. Преступник признавался, что в молодости пропускал субботные богослужения и был глух к евангельским проповедям. Во-вторых, здесь фигурировали или дурная компания, или распутная женщина, или все это вместе. В интересах осужденного было как можно ярче расписать именно эту часть внешних обстоятельств, используя правду и вымысел, чтобы переложить хотя бы часть вины на других и вызвать к себе сочувствие.

Главная идея предсмертных речей заключалась в концепции «хорошего конца жизни», «возможности умереть достойно» даже закоренелому преступнику, который за несколько часов до смерти осознал свою вину. Однако для стереотипических речей XVII века характерны понятия «спасение души», «признание греха в общих чертах», «обращение к Богу с просьбой о прощении греха», «самоуничужение перед толпой». Так, например, в последнем слове убийцы Томаса Сэвиджа, повешенного в Тайберне в 1668 году, описывается его типичный жизненный путь: «Первый грех, с которого я начал падение, был отказ от присутствия на субботней службе, затем я познакомился с дурной компанией и потому отправился в пивную и в бордель: там меня подговорили ограбить моего хозяина и также убить это бедное невинное создание, из-за чего я и пришел к этому позорному концу».

Но уже к концу XVII века становится важна индивидуализация преступления: на первое место выходит не греховность как основа злодеяния, а определенное преступление конкретной личности с подробностями — иногда в виде риторических фигур — жизни преступника и единичных этапов совершения правонарушения.

Уличные торговцы во весь голос расхваливали свой товар: «Вот подлинная и правдивая последняя речь и признание, включая рождение, происхождение и образование, характеристику жизни и поведения трех или шести, или десяти несчастных злоумышленников, которые были казнены этим утром в Тайберне (далее следовали имена казненных), а также копия письма, которое такой-то (имя) послал своей возлюбленной или жене в ночь перед казнью». В этих речах встречались обороты типа: «Свернув с изначальных путей, ведущих к добродетели и чистоте, где цветы невинности могли быть собраны, он заблудился среди распутства и развязности и стал разбойником с большой дороги... Он стал

хвастливым негодеем и завел знакомства с полудюжиной шлюшек, которые опустошали его карманы быстрее, чем он их наполнял».

Некоторые английские исследователи считают, что в намерении преступников умереть достойно, отраженном в их предсмертном поведении и последних словах, проявилось особое душевное качество — мужество, присущее англичанам и свидетельствующее об их моральном превосходстве над другими нациями. Так, в поэме Роберта Бернса «Макферсон перед казнью» (перевод Е. Фельдмана) преступник распевает:

Прощай, тюрьма! Мне в путь пора.
Ты не навек мне дадена.
Меня сегодня ждут с утра
Петля и перекладаина.

Эй, с дудкою, с погудкою
Кружился молодец.
На виселицу жуткую
Он шел, как под венец!

Предсмертные речи произносили не только протестанты, но и католики. Так, государственный изменник Маркетман, взойдя на эшафот, как добрый католик, обратился к толпе со словами из Второго Послания к Коринфянам (7: 9): «Я буду молить Господа о спасении, и хотя я величайший из грешников, я надеюсь, что Бог простит мои прегрешения. Кровь Христова, пролитая за нас, омоет кровоточащие раны грехов в моей душе. Я прощаю ваше невежество, ибо осудили на казнь невиновного, но на то Божья воля. Я молю Господа даровать вам Благодать, отпустить вам все грехи и спасти ваши души». После этого Маркетман стал читать по-латыни, что вызвало недовольные выкрики: «Пошел ты со своей папистской верой». Протестантские комментаторы писали о полемической направленности католических предсмертных речей, но порой покаянное слово католика доходило до сердца протестанта. Так, Шарп сообщает, что некто, кто видел казнь Монтфорда Скотта, заявил, что «он прибыл, ожидая увидеть изменника, но вместо этого встретил святого».

С прекращением публичных казней традиция предсмертных речей не исчезла бесследно, а трансформировалась в другие проявления свободы слова: последнее слово приговоренного к смертной казни, которое он произносит перед узко очерченной группой лиц, допущенных в качестве свидетелей исполнения наказания в странах общего права.

А. А. Ливеровский,*заведующий кафедрой конституционного права
Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
доктор юридических наук, профессор*

РАЦИОНАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

В современном прочтении методология науки — это не только совокупность принципов, приемов и способов научной деятельности, но и ее структура и логическая организация, а также конкретные закономерности познания, отнесенные к ее предмету и выявленные самой наукой. Согласно во многом новаторскому определению академика В. С. Нерсисянца, юриспруденция — наука, предметом которой является понятие права. Ученый проводит различие между познаваемым объектом данной науки — общественными отношениями и ее предметом — идеей (теоретическим смыслом, мыслительным образом, логической моделью и т. д.) познанного объекта. В определении отчетливо выявлена рационалистическая основа предмета юриспруденции — понятия права как абстрактной модели, созданной человеческим разумом. В ее центре находится человек — он объективно в ходе взаимоотношений с другими людьми создает право, право воздействует на государство, а государство рождает закон. В рамках данной модели прослеживается отделение объективного права от рожденного государственной властью закона и, что особенно важно, фиксируется человекоцентристская конструкция, свойственная конституционным моделям.

Обратимся к истории возникновения права как социального феномена и абстрактной модели, созданной человеком, и уточним его роль в регулировании общественных отношений. Известный армянский конституционалист профессор Г. Г. Арутюнян связывает возникновение права и его развитие в догосударственных этнических сообществах с этническими обычаями и традициями, моральными нормами, религиозными канонами, которые исполнялись и сохранялись как обязательные условия поведения для представителей конкретной социальной общности. Ценность данного определения состоит в том, что истоки возникновения естественного права связываются с комплексом принципов, имеющих религиозное, этническое, традиционное содержание, в основе которых лежат первичные человеческие ценности и прежде всего жизнь человека как высшая цивилизационная ценность.

Свидетельством способа регулирования общественных отношений в переходный период от первобытного социума к первым государствам

являются тексты священных книг. Обратимся к десяти заповедям, написанным, согласно Библии, на каменных скрижалях Богом и переданных Моисею. Для разрешения конфликтов обращающихся к нему людей Моисей — первый судья — не только принимал решения по конкретным делам, но и толковал заповеди. Заповеди и по форме, и по содержанию являются фундаментальными правовыми принципами. С определенной долей условности можно считать, что так «создавалось» развивающееся естественное право — Закон Божий, основными элементами которого также являлись правовые принципы — объективно действующие регуляторы общественных отношений.

Подобную конструкцию формирования естественного права предлагает и признанный авторитет в еврейском праве Менахем Элон: «В каждой юридической системе можно обнаружить некие фундаментальные принципы, на базе которых образовались все остальные. Эти основные принципы незыблемы и неизменны. <...> в еврейском праве это повеления Божьи в том виде, в каком они выкристаллизовались в Торе».

Отметим, что представленные мифологические идеи выделения из бесконечной совокупности принципов ограниченной базовой совокупности вплотную подводят к *рациональному* представлению о структуре права. В системе права отделяется основа, предпосланная Богом, а остальные принципы — предмет правотворчества человека.

В памятниках правовой культуры древних монархий уже можно выявить появление расхождения естественного права и закона, принимаемого органами государственной власти. В законах царя Хаммурапи (Древний Вавилон) отчетливо отделяются «идеальное право» — принципы, составляющие правовую доктрину, и конкретные законы, исходящие от призванного богами царя. При этом царь Древнего Вавилона настоятельно требует от будущих владык в своих установлениях обеспечивать справедливость государственного управления. Хаммурапи не формулировал само понятие «справедливость», но указывал, что основой нормативного регулирования является реализация принципа справедливости. Таким образом, можно выявить истоки «инструментального» использования важнейшего для общественных правоотношений понятия «справедливость» как фикции.

Древнегреческие мыслители совершили переворот в развитии цивилизации, сутью которого стало освобождение человеческого разума от безусловного подчинения обожествленным силам природы. Отметим, что их «свободные» от религиозных мифов размышления касались не только законов среды обитания, но и политики, и юриспруденции, формируя рациональный взгляд на окружающий мир. Методологию ра-

ционального познания в мир разума принесла математика. Достижение состояло во введении абстрактных понятий — чисел и фигур — объектов, являющихся идеализациями реальных объектов и отражающих наиболее содержательные их особенности. Следует понимать, что среди них были выделены исходные: целое число, точка, прямая.

В этот период сформировалась научно-рациональная структура познания — математическая методология и логика — «техника мышления». Их основы заложил античный философ Аристотель. Под математической методологией понимается метод дедуктивных выводов из ограниченной совокупности принципов, называемых аксиомами, истинность которых познается посредством безошибочной интуиции, выработанной человеческим разумом. Аксиомы связывают исходные понятия. В рамках геометрии Евклида эти абстракции (точка, прямая, плоскость), являются фикциями, то есть понятиями, которым отводится инструментальная роль в теории познания. Аристотель ввел понятие права как «универсалию», абстрагированную от реальности, но зависимую от человеческого разума, и на основании рациональной методологии разработал учение о естественном праве людей, заложив основы юриспруденции как науки.

Для определения логической организации структуры права как абстрактной модели введем отграниченное от законодательства понятие «право Конституции», определив его как совокупность конституционных принципов, связанных с конкретной Конституцией. Среди конституционных принципов можно выделить базовые правовые принципы. Базовые конституционные принципы, так же как математические аксиомы, строятся на основе исходных понятий, составляющих фундамент «права Конституции»: справедливость, свобода, равенство. Так же как математические исходные понятия, их следует считать фикциями. На них, так же как и на первичные понятия математики, распространяется «общественный договор» об их условно-субъективном понимании. Субъективно воспринимаемые в каждой конституционной культуре фикции, связывая нормативно определенные объекты, формируют объективные конституционные принципы.

Для решения вопроса о конституционности закона органы конституционного нормоконтроля, исходя из системы базовых конституционных принципов (толкая их в совокупности), создают правовые позиции, логически обусловленная последовательность которых приводит к исковому выводу — резолютивной части решения. Если определенная совокупность базовых конституционных принципов — структурная основа «права Конституции», то «выкристаллизовавшиеся» из нее правовые

позиции — новые конституционные принципы — можно считать элементами этого права, его развитием. Таким образом, основой для принятия судебного вывода, сформулированного в резолютивной части, являются не законоприменительные, а правотворческие действия органа конституционной юстиции по объективизации общественных отношений — созданию права в его «естественно-конституционном» понимании. Органы конституционной юстиции, в отличие от правоприменительных (законоприменительных. — *А. Л.*) органов — судов, следует считать правотворческими органами.

Применение рациональной методологии позволяет по-новому осмыслить конституционное правопонимание и предложить веские аргументы в дискуссии о дискреционных полномочиях Конституционного Суда РФ или при обсуждении расхождения его правовых позиций с судебными позициями высших судов.

Д. В. Лобок,

доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат исторических наук

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Перед современным профсоюзным движением России стоит задача — сохранить и упрочить свое влияние на происходящие в обществе процессы, стать равноправным партнером государства и работодателей. Изучение процесса эволюции взаимоотношений профсоюзов с государством и работодателями, несомненно, принесет существенную пользу разработке концепции развития социального государства в России, поможет глубже осмыслить опыт становления и функционирования системы социального партнерства в России.

От того, какое положение будут занимать профсоюзы в политической системе общества, зависит степень влияния трудящихся на разработку и реализацию социально-экономической политики государства.

В процессе становления профсоюзов основную роль сыграли стремление к защите достоинства рабочих и борьба за социальную справедливость. В этот период, как известно из истории, в условиях «дикого рынка» владельцы средств производства стремились к удлинению рабочего дня и урезанию заработной платы. Это приводило к беспощадной эксплуатации рабочей силы. Избыток рабочей силы и безработица заставляли изолированного рабочего беспрекословно принимать условия, диктуемые предпринимателем.

Многие достижения современного общества, связанные со свободой человека, обязаны именно профсоюзному движению. Профсоюзы своей активной деятельностью добились пересмотра казавшихся незыблемыми социальных норм. Крупнейшие стачки конца XIX — начала XX века, организованная борьба рабочих за улучшение условий своего труда вынудили правительства европейских стран признать невиданные доселе политические свободы для трудящихся. Это стало следствием качественных перемен в социальной жизни общества. Профсоюзы исходили из представления, что равенство в политических правах и предоставление всем классам общества возможности широкого образования неизбежно повлечут за собой установление экономического равенства.

В течение всего периода развития профсоюзного движения между различными политическими силами шла постоянная дискуссия о месте и роли профсоюзов в обществе. Это было неслучайно, так как от этого зависело будущее Российского государства. Дискуссии о взаимоотношениях трудящихся с властью и предпринимателями продолжаются и в настоящее время.

В условиях построения правового государства важно добиться сбалансированности в отношениях между сторонами социального партнерства, которые представляют собой важный горизонтальный пласт интересов, мнений, позиций, ожиданий, надежд различных слоев населения. Признание за трудящимися, объединенными в профсоюзы, достойного места в системе политических отношений правового государства, статуса равного партнера в отношениях с государственными органами и предпринимателями должно стать органическим элементом существования современного общества.

В уставах и программных документах современных профсоюзов отражаются наиболее понятные, необходимые и привлекательные для членов союза ценности. Следует отметить, что даже самые понятные для всех людей ценности по-разному осмысливались в разные исторические периоды и по-разному осмысливаются сейчас в разных странах и регионах и социальных группах одной и той же страны. Так, содержание понятия «взаимопомощь» довольно ощутимо различалось в разные исторические периоды, например в XVIII и XX веках. Оно по-разному осмысливается и сейчас трудящимися и предпринимателями. Но как лозунг и принцип деятельности профсоюзов это понятие должно отразить наиболее существенные и понятные большинству людей элементы своего содержания.

Эволюцию содержания основных ценностей можно наблюдать с момента зарождения и по сегодняшний день профсоюзного движения.

Появление профсоюзов как социального института принято относить к XVIII веку, а в географическом отношении — к региону Западной Европы, прежде всего к Англии, Германии и Франции. Зарождение профсоюзов имело две стороны: во-первых, профсоюзы формировались как социальный институт со специфической системой ценностей и норм; во-вторых, начался процесс установления соответствия между этой системой и нормативно-ценностной системой, характерной для общества в целом, для той сети социальных институтов, в которую встроены профсоюзы.

Взаимоотношения между обществом и профсоюзами можно представить как взаимообмен. Профсоюзы получают поддержку со стороны общества и дают ему то, что оно считает важным и полезным. Один из важных моментов, которые могут дать обществу профсоюзы, — оказание содействия в достижении социальной справедливости. Такое содействие обусловлено тем, что в ряде стран мира, в том числе в Российской Федерации, именно профсоюзы формируют повестку дня в обсуждении итогов и перспектив социальной политики государства.

Профсоюзы — это крупный самостоятельный социальный институт общества, от функционирования которого во многом зависят формирование рыночных отношений, становление социального государства, развитие экономической демократии.

Значение профсоюзов и процесса их институционализации заключается в том, что спонтанное, беспорядочное, экспериментальное поведение заменяется поведением моделируемым, предсказуемым, регулируемым. Например, стихийное выражение протеста рабочими в их отношениях с капиталом, характерное для прединституциональной фазы развития, заменяется организованными формами выражения требований (забастовки), типичными уже для институциональной фазы. В первом случае поведение рабочих было непредсказуемо с точки зрения последствий и результатов, во втором случае конечная, результирующая часть поведения может быть смоделирована достаточно определенно.

Благодаря профсоюзам удалось во многом снять дестабилизирующие дифференциации, особенно в оплате труда, направить разрушительные социальные конфликты в конструктивное русло и в значительной степени уменьшить их остроту, улучшить условия труда больших отрядов наемных работников и в целом условия продажи рабочей силы.

Идеология и политика социального государства в различных современных модификациях должны быть направлены в первую очередь на ослабление противоречий между трудом и капиталом, согласование интересов наемных работников и предпринимателей, дости-

жения на этой основе социального мира и политической стабильности в обществе. Безусловно, в пропаганде справедливости, гуманности, демократизма социального мира все участники партнерских отношений стремятся добиться укрепления своих властных полномочий, бесперебойного, бесконфликтного, политически стабильного функционирования общественной системы. Степень результативности социального партнерства во многом зависит от заинтересованности сторон в сотрудничестве, взаимодействии и кооперации усилий, в их способности и стремлении идти на определенные уступки и компромиссы.

Лю Юйнин (Китайская Народная Республика),
*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар)*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР ЗАПАД–ВОСТОК

В современных условиях взаимодействия государств наблюдаются процессы интенсификации культурных, правовых и деловых связей Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В связи с этим актуальными становятся научные исследования, способствующие глубинному пониманию правовых традиций обоих государств.

Подобные исследования носят междисциплинарный характер. Представляется, что наиболее результативными являются культуролого-правовые исследования, поскольку они помогают объяснить глубинные мотивы моделей правового поведения представителей различных правовых систем.

И в России, и в Китае культура является доминирующей категорией в понимании историко-правового и теоретико-правового путей развития этих государств, на основании чего мы можем прийти к выводу, что именно духовно-нравственные идеалы, ценности, принципы социальной организации выступают своеобразным культурно-генетическим кодом их культурного взаимодействия.

Решая различного рода экономические и геополитические задачи, нельзя забывать и о духовности, так как это такой же, если не более мощный, источник исторического движения общества, как и иные факторы экономического и социального развития. Духовная составляющая влияет на выбор целей и способов их достижения.

Разные по духовности и культуре государства принято рассматривать в дихотомии Восток–Запад как антагонистические по отношению друг

к другу. Вместе с тем осмелимся предположить, что даже если противоречия и межкультурные конфликты между культурами Востока и Запада в реальности имеют место, то на уровне теории они дополняют друг друга, создавая единую мировую культуру, характеризующуюся единством и разнообразием. В современных условиях взаимодействия государств распространены толерантные взгляды на отличную от своей культуру, что позволяет разнообразию культур, их разновекторной направленности в целом обогащать и укреплять общечивилизационную культуру. Это происходит в результате определенного диалога, а этот диалог и есть необходимое условие культуры, так как «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры». «Диалог, понимаемый в идее культуры, — это не диалог различных мнений или представлений, это всегда диалог различных культур».

Рассмотрение Китая и России в контексте дихотомии Восток–Запад показывает совершенную несхожесть их культурно-правовых позиций. Так, культурная традиция Китая проявляет себя как характерный представитель Востока, так как многие черты, свойственные традиционному Востоку, обнаруживаются в Китае. История развития России подтверждает неоднозначность ее позиции в рамках названной дихотомии. Сегодня во всем мире зреет понимание, что Россия не просто государство, а культурно-исторический мир, цивилизация, которую именуют «цивилизацией Третьего Рима». У России другое начало цивилизации; российский народ в сложнейших природных и исторических условиях сумел создать самобытную и высокоразвитую цивилизацию. У русской цивилизации имеются свои идеалы и нравственные ценности, свое понимание мироустройства, свое представление о будущем человечества.

Находясь на границе между Востоком и Западом, Россия представляет собой яркий пример плодотворности сочетания западных и восточных элементов в культуре, притом что последняя — не механическое сочетание элементов, а новое, самодостаточное и своеобразное явление.

Этот уникальный культурно-правовой опыт российской правовой системы имеет определенную ценность и значимость для Китая, так как китайская интеллигенция также искала ответ на вопрос о путях развития государства и его ценностных ориентирах. Высказывались различные точки зрения и предпринимались разные попытки совмещения западных и присущих Китаю ценностей. Примером таких взглядов являются работы историков и философов китайской мысли Фэн Юланя и Хэ Линя.

В настоящее время, когда всем цивилизованным народам стало очевидно, что происходящие в мире процессы глобализации, конвергенции и культурного взаимодействия не могут игнорироваться, культурно-

правовая политика Китая стала основываться на диалогической концепции взаимодействия, стремлении к осознанию собственной специфики и значимости через другую правовую систему, через принятие элементов других культур, обогащающих китайскую культуру, но не наносящих ущерба национальному духу.

Исследования российско-китайских отношений в различных сферах показывают, что они имеют долгую историю развития, свидетельствующую о взаимовыгодных и взаимно обогащающих культуры обоих государств связях, за счет привнесения в каждую из культур новых элементов. Такое плодотворное сотрудничество оказалось возможным в результате политики толерантности и диалога, которые являются самым продуктивным способом взаимодействия между культурами.

В контексте дихотомии Запад–Восток взаимодействие между правовыми системами России и Китая строится на основе равноправия, в духе уважительного сотрудничества двух участников общемирового культурного процесса. При этом диалог культур одновременно выступает и моделью наиболее плодотворного развития общецивилизационной культуры, и способом ее выживания, сохранения и развития.

Е. А. Морозова,

*старший преподаватель кафедры юриспруденции
Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан)*

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ИДЕЙНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ТЕРРОРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

С точки зрения идеологических позиций терроризм представляет собой тактику борьбы со всеобщими социально-культурными ценностями и демократическими политическими взглядами. При этом как основной двигатель идей террористических организаций широко используется мотивация ее членов. Следует отметить, что последняя напрямую зависит от их идеологической направленности, поскольку терроризм многолик и далеко не всегда является религиозным явлением.

С точки зрения права террористическим актом признается совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступление иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Одной из предпосылок появления терроризма в Казахстане послужили распад СССР и негативные последствия, связанные с трудностями формирования основ новых государственных систем в условиях абсолютного экономического и политического кризиса. Обычно предтечей террористических организаций называют организации радикального толка. В Казахстане такой процесс был несколько замедлен благодаря политике общественного согласия и межнациональной солидарности, проводимой в стране на самом высоком уровне. Однако географическое положение Республики Казахстан, непосредственное соседство с государствами, считающимися «мировыми поставщиками терроризма», переориентация многих националистических организаций на принятие и распространение некоторых террористических идеологий привели к возможности появления в стране радикально настроенных и откровенно террористических организаций.

Согласно Конституции Республики Казахстан, на территории страны запрещаются создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение конституционного строя. В целях пресечения действий террористического и экстремистского характера и обеспечения национальной безопасности Верховным Судом РК по заявлению генерального прокурора признаны террористическими и запрещена деятельность ряда следующих международных организаций: «Аль-Каида», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Курдский народный конгресс», «Исламское движение Узбекистана», «Асбат аль-Ансар», «Братья мусульмане», движение «Талибан», «Боз Гурд», «Жомаат моджахедов Центральной Азии», «Лашкаре-Тайба», «Общество социальных реформ», ИГИЛ.

Активизация формирования и распространения таких организаций, быстро набирающая силу идеологическая пропаганда с их стороны привели к формированию в Казахстане новых правовых подходов и установок по борьбе с данным страшным явлением.

Прежде всего Казахстаном был принят комплекс государственно-правовых мер, направленных на всемерную борьбу с феноменом терроризма как такового. Ежегодно в Контртеррористический комитет ООН представляется Национальный доклад о проделанной антитеррористической работе. Важным шагом в борьбе с терроризмом явилось присоединение Казахстана к основным базовым международным универсальным конвенциям по борьбе с терроризмом. В настоящее время ратифицированы четыре из них, в том числе:

— Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности;

— Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма;

— Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;

— Конвенция Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма.

С 2005 года Казахстан столкнулся с активным проявлением фактов террористической деятельности, что привело к росту числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за создание террористических организаций и участие в их деятельности. Одновременно с этими актами в Казахстане стали набирать силу явления террористического трафика, экспорта и импорта террористических идейных инструментов, людского потенциала и технико-технологических методик. Особенное место в данном негативном процессе, по результатам статистических данных, занимают южные регионы страны.

Этапы формирования антитеррористического национального законодательства Республики Казахстан можно условно разделить на две стадии:

1) начало 1990-х годов: поскольку Казахстан не сталкивался с проблемой терроризма, эта тематика не была актуальной и законодательство было достаточно либеральным;

2) начало 2000-х годов: введение кардинально новых правовых и политических подходов в борьбе с терроризмом, усиление правоохранительными органами мер пресечения деятельности ряда организаций. Важным шагом в данный период стало присоединение страны к Международной конвенции по борьбе с финансированием терроризма (Закон РК от 2 октября 2002 г. № 347) и ратификация Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Закон РК от 18 апреля 2002 г.).

Причиной перехода к новому этапу борьбы с терроризмом в Казахстане послужили многочисленные факты преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РК, — пропаганда терроризма или публичные призывы к совершению террористического акта. В настоящий момент около 90 дел данной категории находятся в производстве, причем по ч. 2 ст. 257 УК РК (участие в деятельности террористической группы или в совершаемых ею актах терроризма) рассматриваются 75 дел.

Таким образом, правительству на государственном уровне необходимо принять ряд мер, направленных на совершенствование законов в отношении лиц, привлеченных к ответственности за террористические

действия, и лиц, замеченных в приверженности к радикальным международным террористическим организациям, запрещенным в нашей стране.

О. А. Никифоров,

магистрант III курса юридического факультета СПбГУП

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Понятия «государство» и «право» тесно взаимосвязаны. В основе взаимосвязи лежит процесс, направляющий и контролирующий совместную деятельность, отношения людей, общественных групп, классов и ассоциаций. С точки зрения Н. И. Матузова, государство представляет собой центральный институт власти в обществе и концентрированное осуществление этой властью политики.

Государство, организовывая политическую власть, располагает специальным аппаратом (механизмом) управления обществом для обеспечения его нормальной деятельности. Основными признаками государства являются территориальная организация населения, государственная суверенитет, сбор налогов, законотворчество. Одним из явлений, вызванным влиянием государства на общество, является формируемая модель взаимодействия между людьми и социальными группами. Социальная политика, формируемая государством, является составной частью общей стратегии развития любого государства.

Связь между государством и правом очевидна. Государство не обходится без права. Роль права объективно необходима для обеспечения подлинного народовластия в стране, установления и охраны институтов демократии. По мнению Г. В. Мальцева, право является совокупностью правил поведения, выгодных государству и одобренных им посредством принятия законодательства. Право служит своему государству, обеспечивает его интересы. В свою очередь, право не может возникнуть помимо государства, поскольку лишь государственные законодательные органы могут принять общеобязательные правила поведения, требующие их принудительного исполнения. Государство вводит меры принуждения к соблюдению норм права.

В настоящее время право функционирует в обществе как социальный институт, оказывающий огромное влияние на все сферы общества. В каждом обществе правовая система является его составной частью, неотделимой от его истории и культуры. Государство вопреки его объ-

ективному предназначению наделяют функцией творца права, а процесс взаимовлияния фундаментальных идей права и социальных процессов является социокультурным. Правовая система, сформированная в государстве, оказывает влияние на качество социокультурной среды, формируя эталоны-ориентиры правового поведения, доминирующие в обществе, являясь фундаментальной основой правовой социализации.

Государство и право формируют модель взаимодействия между людьми и социальными группами. Чем точнее право отражает объективные потребности общественного развития, тем в большей мере оно связывает государство. В правовом государстве в центре находится человек в его социальном аспекте. Отсутствие права в отношениях государства и личности оборачивается против личности, затрагивает человека и его свободу.

Социокультурные явления, вызванные в обществе под влиянием государства и права, могут быть различными (правотворчество, политика, образование и многое другое). Все они выполняют различные социальные и культурологические функции. Культура, сформированная под влиянием государственно-правовой системы в обществе, выступает средством аккумуляции, хранения и передачи человеческого опыта посредством выполняемых ею функций. Социальная культура определяет поведение людей в обществе и их социальные взаимоотношения.

Право регулирует общественную жизнь, является наиболее концентрированным и жестким социальным регулятором. Государство и право составляют основу социальной жизни общества. Именно они имеют своим непосредственным предназначением регулирование социальных отношений. Право является одним из векторов, которым государство воздействует на жизнь общества.

К. С. Остапчук,

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар)*

НОВАЯ ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Лео Штраус в 1953 году во введении к книге «Естественное право и история» констатировал, что «вопрос о естественном праве представляет собой сегодня вопрос партийной лояльности. Оглядываясь вокруг, мы видим два враждебных лагеря, сильно укрепленных и строго охраняемых. Один занят либералами различных сортов,

другой — католическими и некатолическими последователями Фомы Аквинского». Спустя четверть века Джон Финнис отметил тот факт, что «вещи изменились за прошедшие двадцать пять лет, и дебаты больше не должны расцениваться так поляризованно».

Важным стимулом для этого изменения явились работы Жермена Гризе, общий подход которого к теории естественного права был поддержан и усовершенствован такими учеными, как Джон Финнис, Джо-зеф Бойл и Роберт П. Джордж.

Поскольку этот подход содержит определенные элементы, кото-рые, как правило, не свойственны традиционному естественному пра-ву, то необходимо их отличить от традиционного понимания. Представ-ляется, что к их взглядам на естественное право необходимо отнестись как к новой теории естественного права и кратко предоставить обзор важных составляющих этой новой теории. Научная литература, име-ющая отношение к этому подходу, пространна, поэтому будут проана-лизированы прежде всего наиболее известные источники: «Естествен-ное право и естественные права» Дж. Финниса наряду с оригинальной статьей Ж. Гризе, Дж. Бойла и Дж. Финниса под названием «Практиче-ские принципы, моральная правда и окончательные итоги».

В ответ на суждения ряда представителей естественного права о том, что любая теория естественного права обязана так или иначе оправдать происхождение «должно» из «является», Дж. Финнис отрицает все суж-дения как невозможные. При этом он соглашается с различием фактов и ценностей. Вместе с тем утверждает, что первые принципы новой тео-рии естественного права «не выведены из метафизических суждений о человеческой натуре, или о природе добра и зла, или о функции чело-века, и при этом они не выведены из целенаправленной концепции при-роды или любой другой концепции природы». Дж. Финнис полагает, что из этого следуют два вывода. Во-первых, «самый популярный об-раз естественного права должен быть забыт». Во-вторых, «соответству-ющие и самые популярные возражения по поводу теории естественно-го права должны быть забыты. И весь вопрос о естественном праве дол-жен быть продуман заново».

Если первые принципы естественного права не выведены и не полу-чены из каких-либо ранее известных фактов, то ученый надеется пред-ставить теорию естественного права вне зависимости от метафизики, телеологии или теории природы, тем самым обходя большинство аргу-ментов против теории естественного права. Правовая теория понимается им лишь как небольшая часть общего мировоззрения.

По мнению Ж. Гризе, Дж. Бойла и Дж. Финниса, основные человеческие ценности известны непосредственно и независимо от любых предшествующих условий или информации. Они определяют семь основных человеческих ценностей (благ): жизнь, знание, игра, эстетический опыт, общительность (дружба), практическая обоснованность и религия. Эти основные блага самоочевидны.

При этом Дж. Финнис признавал, что в дополнение к семи основным благам есть бесчисленные хорошие цели и формы, но они выступают лишь способами достижения одного из семи канонических форм ценностей или их некоторой комбинации. Таким образом, моральное действие, которое «касается рационально мотивированных действий», должно начинаться с этих семи моральных ценностей. Важно не перепутать другие блага с этими семью основными ценностями. При этом исследователь выдвигал тезис несоизмеримости, согласно которому каждая из ценностей основная, нет никакой объективной иерархии среди них. Однако, отталкиваясь от этого понимания, замечал он, неправильно делать вывод о том, что к каждой из семи основных ценностей необходимо стремиться с равной энергией. Очевидно, что, если бы человек принял решение достичь каждого блага из списка одинаково и не показал субъективного предпочтения, он не добился бы успеха ни в одном из них. Например, если человек желает быть ученым и посвящает свою жизнь получению знания, он обязательно пожертвует стремлением стать профессиональным спортсменом.

Ж. Гризе, Дж. Бойл и Дж. Финнис видели три пути, по которым «основные блага вовлечены в важные иерархии ценностей». Во-первых, любое основное благо превосходит любое инструментальное благо, поскольку основное благо — это аспект действия, выполняемого людьми, в то время как инструментальное благо — нет. Во-вторых, любое основное благо «является аспектом выполнения действий человека как такового, и таким образом превосходит разумные блага, каждое из которых может выполнить только разумная природа человека». В-третьих, «любое нравственно правильное действие для любого из основных благ превосходит каждое нравственно неправильное действие, потому что нравственно правильное действие способствует интегральному выполнению действий людей и сообществ, в то время как нравственно неправильное действие предотвращает это».

Таким образом, в то время как действительно основные блага одинаково основные в объективном смысле, «каждый из нас обоснованно может придавать большее значение одной или нескольким ценностям

в его жизни». В итоге с точки зрения индивидуального выбора «у каждого из нас есть субъективная иерархия среди основных ценностей».

Стремления Дж. Финниса по-новому сформулировать и привести в соответствие способы юридической аргументации и нового объяснения содержания естественного права привели его к формулировке принципов практической рациональности. Первый принцип основан на понятии блага. Благо — это то, чего ищут все. Следовательно, первое предписание права: необходимо делать только хорошее, а зла нужно избегать.

Как закон непротиворечия, первый принцип практической рациональности не служит предпосылкой для моральных аргументов: вместо этого он обеспечивает очевидный принцип, посредством чего моральному аспекту уделяют внимание.

Перечень разнообразных основных благ, их альтернатива и отсутствие иерархии, выбор основного блага или комплекса благ — все эти проблемы требуют применения конкретных принципов отбора. Вследствие этого движение от основных благ к моральному выбору происходит через серию опосредующих принципов, называемых «основными требованиями практической разумности». Основной и на первый взгляд противоречивый сформулирован так: «никогда не следует действовать непосредственно против основного блага», даже независимо от выгоды, которую можно получить. Иными словами, цель никогда не оправдывает средства, если выбранные средства вредят основному благу. Среди опосредующих также выделяется принцип, согласно которому человеку необходимо иметь рациональный план жизни, не совершать произвольного выбора, содействовать общему благу общества, а также отказаться от необоснованных предпочтений основных благ.

Формулируя принципы практической рациональности, исследователи тем самым по-новому объяснили содержание понятия «естественное право» и четко определили цели и средства правового регулирования, при этом обосновав идею «общего блага» в политическом обществе.

Так, например, естественное право в целом, по мысли Дж. Финниса, выступает как «совокупность основных практических принципов, которые определяют основные формы человеческого процветания как благ полученных и реализованных». Естественнo-правовая теория, определяя список основных ценностей, устремляет людей к эффективной реализации потребностей в основных благах и на основе понимания ценностей мотивирует их к наилучшему жизненному и общественному устройству.

Право в его трудах выступает способом повышения эффективности определенных благ, например социальных, требующих координа-

ции многих людей, а также способом облегчения доступа к иным благам. Из этого становится очевидной позиция автора о происхождении права и правовой теории из этических постулатов.

Кратко характеризуя новую теорию естественного права, следует отметить, что она не полагается на бога или теорию природы или телеологии. Вместо этого она начинается с того, что ее сторонники определяют в качестве самоочевидных основных ценностей технические требования предморального первого принципа практической рациональности. Явно моральный компонент этого подхода на первый план выдвигает принцип морали, которая получена в итоге рассуждения о том, что нужно «быть совершенно разумным» в действиях. Таким образом, Дж. Финнис и его сторонники основывают концепцию естественного права на отличных от прежних методологических основаниях.

Причина также играет важную роль в этом подходе к моральному знанию. Предполагается, что то, что является нравственно правильным, соответствует тому, что разумно. На самом деле понятия определяются образом, который делает их взаимозаменяемыми: выдвигаются требования соответствия нравственного акта разумному акту. Причина — это то, что разделяет всех нормально функционирующих лиц таким образом, что все они исключительно на основе своих рассуждений способны различать содержание естественного права.

В конечном счете, заметил А. Б. Дидикин, мнение которого мы разделяем, современные концепции естественного права в значительной степени решают практическую задачу построения справедливого общества на основе социально ориентированного распределения общественных благ, что, безусловно, отсутствовало в классической традиции изучения естественного права.

Р. А. Ромашов,

*профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ*

ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР РОССИИ И ЗАПАДА

1. Рассматриваемое в рамках культурологического дискурса право представляет собой сегмент национальной правовой культуры. Принимая за основу дальнейших рассуждений историческую школу права (Ф. Савиньи, Г. Пухта) и концепцию реалистического позитивизма (Р. Ромашов), полагаю возможным утверждать, что природа права,

в плане его юридической силы и юридической техники, непосредственным образом зависит от национальной культуры и национальной традиции. Будучи подобным языку межнационального общения, право представляет собой продукт общественного развития, подверженный влиянию различных факторов и вместе с тем достаточно устойчивый как к внешним, так и к внутренним изменяющим воздействиям. Так же как язык, право вбирает в себя иностранные конструкции и творит собственный национальный «новояз». Государство, как бюрократический аппарат и пространство юрисдикции, безусловно, оказывает влияние на право, однако не обладает абсолютной властью ни в области правотворчества, ни в сфере правореализации. Из сказанного следует, что сам по себе факт нормативного закрепления тех или иных принципов права не означает их восприятия в качестве общезначимых и практической реализации. История российской государственно-правовой системы свидетельствует, что на всех этапах своего существования главенствующим принципом формирования и функционирования государства и права являлся принцип государственной целесообразности. Его суть в наиболее общем представлении сводилась к приоритету «государственного целого» по отношению к любой из его «частных деталей», в число которых входят в том числе «человек, его права и свободы».

2. Государство в том смысле, который вкладывается в это понятие в русском языке, представляет собой политико-социальную форму организации общественной жизни и осуществления публичной власти в отношении населения, строящуюся по принципу вещного владения. В таком понимании государство в лице государственной бюрократии, «замкнутой» на персонифицированного главу государства, представляет субъект власти, а земля (территория) и народ — объект властного воздействия. Суть государства — в его патримониальной природе. Реформирование государства всегда осуществляется «сверху», при этом исходящие от государственной власти преобразования основываются на воле достаточно узкого круга лиц, представляющих государственную власть, а точнее, само государство. В патримониальном государстве в силу его моноструктурности не может существовать официальной оппозиции, разделения властей, федерализма. Личность в государстве обладает правовым статусом не в силу наличия у нее естественных прав, а постольку, поскольку государство посчитает целесообразным либо нецелесообразным говорить как о самом правовом статусе, так и о его объеме и содержании. При этом государство безгранично в своей возможности ограничения и изъятия личных прав.

3. Западная политико-правовая культура, основанная на ценностях свободы и частной собственности, развивается по принципу циклической спирали. В истории западной культуры можно выделить культуру полиса, культуру республики (общего дела), культуру патримониального государства, культуру публично-правового порядка (*state*). Данные этапы представляют собой замкнутые циклы, минующие в своей динамике стадии зарождения и становления, прогрессивного развития, стабилизации, стагнации, кризиса и распада. При этом завершающие стадии предшествующего цикла одновременно являются начальными для последующего. Западная политико-правовая культура возникает в античный период в древнегреческих городах-полисах, трансформируется в Римскую империю, распад которой обусловил возникновение европейского государства с их последующим преобразованием в “*state of love*” — публичные правовые порядки, основанные на признании человека, его прав и свобод основной ценностью и целью публичной правовой политики.

Государственная целесообразность в рамках политико-правовой культуры Запада определяется публичным интересом *state* как формы социального партнерства, в рамках которого публично-правовой порядок организации общественной жизни и управления обществом складывается из совокупности личных и корпоративных свобод субъектов, являющихся собственниками как самих себя, так и продуктов, возникающих в результате их преобразовательной (культурной) деятельности. Государство-*state* объединяет, но не поглощает человека подобно гоббсовскому Левиафану. Место личности в системе *state* определяется не «высшей волей» государства, представленного государственной бюрократией, а правовым законом, в равной степени обязательным для личности, независимо от ее должностного положения, социальной корпорации, самого *state*.

4. Российское государство и общество представляют собой процессуальный продукт российской культуры, которая не может быть отнесена к европейской (западной). В истории российской культуры также можно выделять циклы, однако, в отличие от культуры Запада, данные циклы являются не спиральными, а круговыми (повторяющимися). На всех этапах развития российская культура является государственной, определяемой и задаваемой государственной волей. В качестве циклов Российского государства можно выделить удельно-княжеский и централизованный (собственно государственный), при этом формирование России как государства происходит в результате процесса «собираения земель русских», объединяемых под властью московских (российских) государей, а дальнейшее историческое развитие носит сугубо формальный

характер. При этом государственная сущность Российского государства на всех исторических этапах остается неизменной.

Для российской культуры не характерно западное понимание свободы и собственности. Личная свобода отождествляется с личной волей и понимается как независимость от каких бы то ни было обязательственных отношений. Иными словами, «свобода по-русски — это свобода от...» В силу иерархичности государственной структуры объем свободы непосредственным образом зависит от места субъекта в системе властной иерархии. Чем выше положение лица в «вертикали власти», тем большей степенью свободы в отношении подвластных он обладает. Абсолютной свободой обладает глава государства, отвечающий за свои поступки исключительно перед «собственной совестью и Богом».

Понимание государства как предмета собственности (патримонии) главы государства (государя) исключает наличие частной собственности, равно как и других форм частного права. Все без исключения, что есть в государстве, в том числе объекты и предметы, находящиеся в личном владении и пользовании, первоначально является собственностью государства-государя, который обладает прерогативами в сфере распоряжения собственностью, не зависящими от желаний фактических владельцев.

5. Применительно к государству понимание интереса основывается на стремлении государственного аппарата к сохранению государственного порядка, выраженного в вертикали власти. При этом отношением к государству как к собственности предопределяется постоянное желание лиц, обладающих властными полномочиями, эти полномочия сохранить. Возникает коллизия между субъективным интересом лица — главы государства, а точнее — государственной бюрократии, стремящегося удерживать государство-«вещь» в своем владении, и публично-правовым интересом государства как объективного социально-политического явления, существующего независимо от конкретных государственных деятелей, являющихся живыми людьми и подверженных физическим болезням и смерти. Независимо от формы правления, действовавшей в Российском государстве на разных исторических этапах его развития, существовали две тенденции разрешения вышеназванной коллизии, а именно — передача верховной власти по закону и по воле самого государя.

В условиях российской монархии эти тенденции были закреплены в Уставе «О наследии престола», подписанном Петром I (1722), и в «Акте о престолонаследии», обнародованном в день коронации Павла I (1797) и содержащем правовые механизмы наследования император-

ской власти — «дабы наследник был назначен всегда законом самим». Печальная судьба автора Акта, ставшего жертвой дворцового переворота, наглядно свидетельствует о том, что в российской практике организации высшей государственной власти волонтаризм, безусловно, довлел над правом.

В советской и постсоветской России была установлена республиканская форма правления, формальными признаками которой были выборность и сменяемость властных структур. Однако на практике формирование власти подчинялось не правовым, а волонтаристским принципам. При советской власти такой волонтаризм был выражен в политических интригах на уровне членов Политбюро ЦК КПСС, в условиях современной России можно говорить о модели «преемственности высшей государственной власти», когда кандидатура последующего главы государства определяется его предшественником. При этом основным условием передачи власти «правопреемнику» является обеспечение им личной безопасности в отношении «правопредшественника».

Государственная целесообразность в рамках российской политико-правовой культуры представляет собой форму закрепления и выражения публично-правовых интересов, которые как с теоретической, так и с практической точки зрения являются интересами государства как целостной социально-политической системы, а на практике представляют субъективные интересы лиц, обладающих реальными властными полномочиями. Очень часто государственные чиновники называют себя «государевыми людьми — слугами народа». Такое сравнение является оксюмороном, подобным ленинской фразе о «диктатуре пролетариата как высшей форме демократии». Государев человек служит не государству, а государю и в этом смысле действительно является слугой, только не народа, а именно государя. При этом, как и любой другой слуга своего господина, «государев человек» в своей деятельности руководствуется не абстрагированным от конкретных лиц законом, а волей своего руководителя.

В таких отношениях именно «приказ начальника является законом для подчиненного». То, насколько «приказ сверху» соответствует юридическому закону, имеет значение только в том случае, когда либо «государев человек», либо сам «государь» «выпадают» из существующей «вертикали власти». В этом случае «включается» механизм правового преследования и декларируется «равенство всех перед законом». Подчинение публично-правовых интересов государства субъективному волонтаризму отдельных представителей государственной бюрократии обуславливает зависимость и подчиненность содержательной

составляющей принципа государственной целесообразности, конкретным волеизъявлениям конкретных лиц. Это, в свою очередь, может приводить как к системным «перезагрузкам», так и к государственным переворотам, в результате которых происходит принудительное смещение носителя той или иной волюнтаристской позиции без изменения самого волюнтаристского принципа «государственной целесообразности», являющегося главенствующим в политико-правовой организации российского общества.

Е. Г. Самохина,

доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук;

А. Д. Виноградова,

магистрант II курса юридического факультета СПбГУП

ОБРАЩЕНИЕ К СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК К КУЛЬТУРНОМУ ТОПОСУ В РАМКАХ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

По мере перехода общества в индустриальную эпоху, а культуры — в эпоху постмодерна с характерным для нее обращением к различным социальным явлениям как к феноменам культуры, сознания и языка культурологическое измерение права стало описываться при помощи категории нарратива.

При этом наметившееся еще в работах Хаима Перельмана постепенное движение в сторону отказа от универсализации в языке и сознании понятий, описывающих социальные ценности, во второй половине XX века получило широкое развитие в работах философов-постмодернистов (например, Жак Деррида, Жан-Франсуа Лиотар).

Наиболее популярным понятием, над универсализмом которого рассуждали философы и правоведы, является понятие справедливости. В работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» справедливость относится к «легитимирующим» макронарративам, целью которых является обоснование господства существующего политического строя, законов, моральных норм, присущего им образа мышления и структуры социальных институтов.

Справедливость, таким образом, является категорией, способствующей установлению метанарратий в качестве «истинных», «законных», «имеющих право на существование». Справедливость играет важную роль в обосновании и оправдании социальных институтов, форм правления, законов и пр. Такой способ мышления (основанный на легити-

мации метанарративов посредством макронарратий) с позиции философии постмодерна таит в себе тоталитарные тенденции и нуждается в переосмыслении.

Это качество категории справедливости отмечал также Бертран Рассел в своей работе «Почему я не христианин»: «приверженцы христианства утверждают, что существование Бога необходимо для того, чтобы утвердить в мире справедливость. В известной нам части Вселенной царит великая несправедливость... но если вы хотите, чтобы справедливость восторжествовала во всей Вселенной, то вы должны допустить существование загробной жизни, где равновесие жизни, прожитой здесь, на Земле, окажется восстановленным. Таким образом, приверженцы христианства заявляют, что должен существовать Бог и должны существовать рай и ад, чтобы в конечном счете справедливость могла восторжествовать». Это очень показательное положение Рассела говорит о том, что если существование Бога так или иначе может подвергаться сомнениям в современном мире, то существование справедливости хотя бы в таком примитивном ее качестве (описываемом Х. Перельманом), как «воздаяние каждому должного», оспаривается только в самом крайнем случае.

Для эпохи постмодерна характерным было переосмысление всех прежних оснований науки и прежде всего тех метанарративов, на которых строились знания и социальные институты. Такое стремление появилось еще до оформления так называемой постмодернистской философии (например, в работах Х. Перельмана и М. Хайдеггера по философии и Г. Радбруха по юриспруденции) и было связано в первую очередь с дискредитацией таких метанарративов, как «познаваемость всего научной», «естественное право», «всеобщая свобода», «равенство» и тому подобных, в глазах человечества в связи с событиями Второй мировой войны. Подобные макронарративы утратили свою легитимирующую силу в связи с тем, что проявили себя как пустые (или «запутанные» — в терминологии Х. Перельмана) понятия, в которые можно вложить произвольное содержание, что и было сделано идеологами нацизма.

При этом интересно отметить, что категория справедливости при всей своей «запутанности» не исчезла из философского, а самое главное, из юридического дискурса. Из проблематичности понятия справедливости довольно элегантно вышел Х. Перельман, творчество которого еще не относилось к эпохе постмодерна, но подготовило для нее благодатную почву. Рассуждая о справедливости как о нормативной системе общества, Х. Перельман оговаривал то, что в ее основе должны лежать разумные основы человеческого общежития. Теория справедливости

Х. Перельмана получила очень подробное обоснование и развитие, в связи с чем в ней сложно отыскать какие-либо «подводные камни». Теория справедливости Х. Перельмана и его неориторика предвосхищают отказ от универсализации и обобщения в науках о должном в эпоху постмодерна.

Что касается подхода к справедливости Ж.-Ф. Лиотара, то он в настоящее время вызывает много споров и комментариев, связанных в первую очередь с тем, что если ученый провозглашал «крах макронарративов», то последний неизбежно привел бы к краху этики, покоящейся как раз именно на них (добро, зло, свобода, справедливость и пр.). Кроме того, развенчание макронарративов приводит к формированию новых нарративов — конкретных нарративов любого и каждого индивида, — что неизбежно приведет к разобщению членов общества и распаду общества на отдельных индивидов.

Этические концепции тяготеют к универсализму, обосновываются существованием единого закона, связывающего людей между собой (подобно категорическому императиву И. Канта). То же касается и концепций справедливости. Объясняя эту шероховатость своей теории, Ж.-Ф. Лиотар говорит о корректности категорий справедливости и несправедливости в эпоху постмодерна. В работе “Differend” (которая до сих пор не переведена на русский язык) для обоснования своей этической концепции Ж.-Ф. Лиотар обращается к витгенштейновой теории «языковых игр» и объясняет справедливое/несправедливое через этику: если несправедливое применяет правила одного «фразового режима» во взаимодействии с другим, то этическое поведение — то, которое является чутким к этой несправедливости и рассматривает феномены в их конкретности и особенности.

Понятие справедливости играет важную роль в юридическом дискурсе, а также юридической практике (при вынесении судьей решения). Осуществление справедливости, построенной на основе риторики, предполагающей использование неформальных приемов аргументации и обращение к ценностным категориям, является очень важным, так как данная ценность воспринимается российским обществом как основная и достаточная для принятия объективного решения по тому или иному делу.

Н. И. Сверчков,*доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
кандидат юридических наук*

МОРАЛЬ И ПРАВО ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Проблема определения воззрений древних славян на взаимосвязь моральных и правовых сторон жизни связана с тем, что, во-первых, ряд исследователей неохотно признают факт существования русской ведической философии в какой бы то ни было форме, а следовательно, имеется лишь незначительное число исследований, посвященных морально-правовым аспектам жизни наших далеких предков; и, во-вторых, существует незначительное число источников, содержащих какие бы то ни было сведения о подходах к пониманию морального и правового. Генезис отечественной культуры и возникшей в ее лоне протофилософской мысли уходит в глубины дохристианской Руси, где трудно установить начальную точку отсчета. Языческая модель мироздания, ставшая итогом многовекового предшествовавшего пути, приняла к X веку окончательные формы.

К сожалению, громадный пласт ведической культуры был уничтожен во время насильственной христианизации Руси. И лишь в последние годы буквально по крупницам собираются материалы по ведической философии древних славян. В первую очередь необходимо отметить колоссальную работу комиссии под руководством А. А. Клесова по экспертизе Велесовой книги, труды российских исследователей Л. Р. Прозорова, М. Л. Серякова, С. А. Алексеева, шведской исследовательницы Л. Грот и др.

Философия древних славян в своей основе имела три основных составляющих: Явь — мир видимый, материальный, Навь — мир полевой, где обитают боги и души пращуров, Правь — высшая истина, или законы Сварога, верховного бога, по которым миры существуют и взаимодействуют. Закон Прави был высшим законом славян. Основой мироощущения наших пращуров были упомянутые законы Сварога. Первым из них было требование познавать Явь, Навь и Правь, чтобы сверять свою жизнь с законами мироздания. Законы Сварога требовали быть честным, не лгать, ибо ложь искажает действительность. Ложь, по убеждению древних славян, уводит с пути Прави и может дорого обойтись как самому солгавшему, так и всему роду. Одной из стержневых основ религиозно-философского восприятия древних ведийцев был культ чистоты — духовной и телесной. Этот культ был настолько важным, что за этой функцией наблюдал специальный бог — Купала. Отношение

к своей земле строилось на понимании того, что она — не только территория проживания, но прежде всего мать (мать сыра земля). С почитанием матери связывалось и почитание богов, отцов, матерей, а также памяти умерших предков. «Вспомним о том, — говорит Велесова книга, — какими были отцы наши, которые ныне из Свраги синей смотрят на нас и по-доброму улыбаются нам. И так мы не одни, а вместе с отцами нашими». Залогом силы славянского сообщества законы Сварога считали любовь, ибо только она приумножает Род и дает ему силу. Законы призывали к умеренности в жизни, поскольку, живя по законам Правы в единении с природой, было нельзя нарушать, говоря современным языком, природный баланс. Все лишнее, по верованиям славян, превращало этнос в паразитически-потребительский, наносящий вред окружающей среде и, как следствие, ведущий к разложению и неминуемой гибели человеческого социума.

Рассмотренные нами славянские законы Сварога (или Великий вселенский закон) являлись одним из важнейших понятий русского языка, на котором и базировались правовые понятия древних славян.

В славянской философии эти законы носили наименование «рота». Этот термин нам знаком и неоднократно встречается в памятниках древнего права и древнерусской литературы. В XIX и XX веках его переводили как «клятва» или «присяга». Именно такой вариант перевода и укоренился во всей отечественной историографии. Но если рассмотреть этот термин более внимательно, то оказывается, что его перевод далеко не бесспорен. Термин «клятва» был хорошо знаком автору «Повести временных лет» и употреблялся в тексте наравне со словом «рота».

На значение роты как Великого вселенского закона, а не простой клятвы либо присяги указывает срок ее действия, указанный в договоре 945 года. В соответствии с этим текстом мир, основанный на роте, заключался на вечные времена, на все время существования Вселенной.

Рота была способна самостоятельно, без вмешательства богов покарать нарушившего ее человека, отдав его в руки противоположной стороны, соблюдающей ее принципы. Именно в этом видится проявление самостоятельной силы мирового закона даже по отношению к тем, кто его охраняет, — богам.

Пример представлений о силе роты донесла до нас летопись, повествующая о походе русских князей на половцев в 1103 году. Поход был удачным, половцы были разгромлены, а русские рати захватили богатую добычу и множество пленных, среди которых был и хан Белдюзь, которого Святополк отправил к Владимиру Мономаху.

Обращает на себя внимание термин «расекоша», который употребил летописец. Термин, видимо, он выбрал не случайно. Ключ к пониманию этого мы можем найти в сочинении ибн Фадлана, который, описывая нравы руссов, отмечал, что прелюбодеев и воров они рассекают на части.

Логично предположить, что поскольку трупы казненных не подлежали кремации, а развешивались на деревьях и, следовательно, не попадали в рай, их души обрекались на вечное рабство в загробном мире.

И если провозглашение роты усиливало космический закон, то нарушение неизбежно его ослабляло. И тогда, чтобы восстановить силы вселенского закона, требовалось особое человеческое жертвоприношение, где жертвой был сам нарушитель.

К. Е. Сигалов,

*директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений
Института проблем эффективного государства и гражданского общества
Финансового университета при Правительстве РФ (Москва),
доктор юридических наук, профессор*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В ПОЗНАНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Подлинные закономерности общественных форм бытия права познаваемы исключительно в полномерной связи права с другими основополагающими сферами человеческого существования — политикой, религией, моралью, культурой. При этом право как многоаспектное гуманитарное явление может выступать в роли всеобъемлющего интегратора. Подобная «претензия» не покажется чрезмерной, если, во-первых, вспомнить, сколь значимую роль играет право в культурном коде ряда цивилизаций, и, во-вторых, отказаться от некоторых устаревших методов исследования. Право следует рассматривать как «организм» социального целого, а для получения достоверного научного знания о нем, его естественной динамике вполне возможно отказаться от устаревших представлений и «задать» праву большую значимость. При этом возможны и проектное мышление, и разработка, и реализация специальных программ, регулирующих и направляющих социальные процессы и исторические тенденции. С помощью познания факторов социальной динамики и исторического прогресса возможно искусственное стимулирование естественных процессов как в ситуации неуверенности общественного развития, так и в состоянии исторического выбора, «снятия»

его политического драматизма. Динамика правовых процессов обуславливает закономерности и условия основных типов глобальных трансформаций права в различных масштабах пространства и времени: в связи с изменением социально-экономических и культурных условий жизни меняется характер правового регулирования общественными процессами от частноправового регулирования на уровне внутрисемейных отношений до международно-правового регулирования отношений между странами и группами стран. В результате должна получиться теория, позволяющая не только объяснять, но и предвидеть существенные трансформации в праве во всех масштабах внутри каждой цивилизации и правовой культуры и в пространстве различных цивилизаций и правовых культур. «Рассмотрение мира как системы взаимодействующих и взаимопроникающих культур актуализирует проблему их типологии и сосуществования цивилизаций с различными культурными идентификационными кодами».

Как отмечает А. В. Поляков, «право — явление многообразное, полифоническое, существующее в разных формах и видах. Оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, и лишь маленькая часть гигантского правового “айсберга” находится на виду государства и активно контролируется им, но эта часть является и наиболее важной для нормального существования общества». Наиболее важное, но не единственное. Да — это суть, итог, «плод» права в целом, но как невозможно только по яблоку понять, что собой представляет яблоня в целом, так и по исключительно формальным государственно-правовым феноменам невозможно понять существо права в целом. Л. Фридмэн поясняет: «“право” — слово для ежедневного употребления, часть разговорного словаря. Но оно имеет большое количество значений, хрупких, как стекло, неустойчивых, как мыльный пузырь, неуловимых, как время. Невозможно говорить о точном значении слова “право”, как если бы право было конкретным объектом в окружающем нас мире, чем-то, что мы бы могли потрогать, как стул или собаку». Право невозможно понять не только без его многочисленных воплощений, но и без той почвы, откуда оно «произрастает», в каком «окружении» оно живет и развивается — то есть без его среды, без того «культурного слоя», который право характеризует, ходом развития которых обусловлены все государственно-правовые явления.

Любые перемены в общественной жизни должны вызреть, быть своевременными. В первую очередь это касается государственно-правовых феноменов. Так, согласно теории Т. Скочпол, социальные революции — это комплексный феномен, под который подпадают считан-

ные исторические случаи. Социальные революции — это не мятежи и восстания (нет структурных изменений государства), не политические революции (нет превращений социальных структур), не индустриальные революции (нет быстрых политико-структурных изменений). Должны быть действительное изменение всех параметров жизни общества, всемерный его переход на совершенно новый уровень развития. «В каждой политической культуре устойчивые политические стереотипы, формирующиеся в ходе процесса цивилизации, в конечном итоге определяются существующими в данной культуре высшими ценностями. Их совокупность и образует специфический каркас, который характеризуется колоссальным запасом исторической стабильности и прочности. Этот феномен объясняет один из парадоксов социальных революций. Они выводят общество на новый исторический виток только в том случае, если в его недрах созрела новая политическая субкультура, которая занимает впоследствии доминирующее положение в обществе. Если этого не происходит, то разорвавшаяся социальная ткань собирается вновь в прежнем или почти прежнем виде, отторгая неукрепившиеся новые субкультуры и восстанавливая традиционный ценностный каркас. Высшие ценности, таким образом, являются стержнем цивилизационной парадигмы. На их периферии творится будущая история, зарождаются новые ценности и субкультуры, которые начинают замещать, вытеснять или трансформировать доминантную структуру. Если этот процесс завершается успешно, то открывается новая парадигма». Это исключительно редкое явление, чаще всего происходит лишь смена правящих элит, глубинные изменения, которые случаются как результат так называемых революций, совершаются в исключительных случаях.

«Культурологическая методология относится к методологиям, обеспечивающим получение знаний о праве и государстве в его конкретности. Однако особенностью данной методологии является то, что эмпирический материал, на оперировании которым она построена, придает получаемому знанию содержательность неэмпирического уровня (знакового по своей природе)». Вопрос о том, каким образом понимать право и государство через феномены культуры, не так нов, как порой представляется. Правовая культура есть правовая среда обитания людей, существенная составляющая духовности той или иной цивилизации, определяющая условия бытия общества. Ментальность той или иной цивилизации, пространственно-временное восприятие мира, формы собственности, тип цивилизации выражены не только в самих феноменах материальной и духовной культуры, но и в способах их

интерпретации, в способах прочтения на разных исторических этапах развития общества.

Конечно, духовная культура общества есть феномен собственного интеллектуального развития, но прежде всего это отражение того материального, производственно-технологического базиса, который и составляет существо каждой цивилизации. Важно понять, как за современным правовым разнообразием, за обилием правовых артефактов увидеть подлинные основания, причины возникновения настоящих и ушедших правовых феноменов.

Культурологическая методология позволяет вскрыть определенный «пласт» существа проблемы — увидеть «мир права» той или иной цивилизации в «зримых», узнаваемых, по крайней мере интеллектуальной элитой, образах. Более того, трансляция права в пространстве, времени и социальном движении, его межпоколенная трансмиссия осуществляются прежде всего посредством господствующей в обществе культуры и ее основополагающих феноменов.

В. Н. Сидорова,

доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук

**ПРАВО И РЕЛИГИЯ: ЦЕРКОВНЫЕ И КАНОНИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ
КАК ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
(На примере конкретного дела об истребовании культовых ценностей
из владения религиозной организации)**

Взаимосвязь между нормами права и нормами религии более сложна, чем взаимосвязь сфер морали и социальных соглашений. Анализируемое дело является беспрецедентным примером из судебной практики. Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что суть спора сводится к тому, что территориальный орган Росимущества истребует мощи (костные останки) святых у религиозной организации, определяя их как имущество, относящееся к федеральной собственности и являющееся общекультурной ценностью.

Для правильного разрешения указанного спора необходимо наличие специальных познаний, в частности назначение комплексной религиозно-культурологической экспертизы, заключение которой могло бы указать на индивидуально-определенные признаки костных останков (мощей), а также решить вопрос об отнесении их соответственно к объектам общекультурных ценностей или к объектам культовых цен-

ностей религиозного характера. Представителям ответчиков суд отказал в удовлетворении ходатайства о назначении указанной экспертизы.

В процессе проведения системного анализа современной гражданско-правовой доктрины, действующего законодательства, правоприменительной и судебной практики, а также норм канонического права и материалов дела автором был выявлен ряд серьезных материально-правовых и процессуально-правовых проблем, связанных с гражданско-правовым оборотом церковных и канонических ценностей. В рамках данных тезисов представляется возможным обозначить лишь некоторые из актуальных проблем.

Проблема расширительного толкования ст. 128 Гражданского кодекса РФ «Объекты гражданских прав». Доктрина, правоприменительная и судебная практика дают этой статье расширительное толкование. Одной из причин этого является включение законодателем в понятие вещи термина «иное имущество», в том числе «имущественные права», что допускает правовую неопределенность в правоприменительной и судебной практике. Так, в ст. 128 ГК РФ выделены четыре группы объектов, а в доктрине — шесть групп. Гражданско-правовая доктрина, расширительно трактуя ст. 128 ГК РФ, исключает «иное имущество» из понятия «вещи» и выделяет его в качестве самостоятельной группы объектов гражданских прав наравне с «вещами».

Проблема правовой неопределенности в вопросе о том, соответствует ли ст. 128 ГК РФ Конституции Российской Федерации. Общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом; из конституционных принципов равенства и справедливости. Требование правовой определенности образует «один из основополагающих аспектов принципа верховенства права».

Согласно ст. 14 Конституции РФ 1993 года (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ), «1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Однако «отделенные от государства» религиозные организации включены законодателем в гл. 4 ГК РФ в качестве субъектов гражданского права, поэтому в материалах судебной практики Высший Арбитражный суд Российской Федерации предписывает судебным приставам-исполнителям в случае необходимости обращения взыскания на имущество религиозных организаций

«самостоятельно в каждом конкретном случае решать вопрос об отнесении этого имущества к религиозному имуществу богослужебного назначения, исходя из его функциональных признаков и фактического использования».

По сути, определением ВАС РФ от 13 апреля 2010 года № ВАС-3811/10 приставам-исполнителям предписывается применять по аналогии закона нормы церковного (канонического) права, что противоречит ст. 14 Конституции РФ и создает неопределенность в вопросе о том, соответствует ли ст. 128 ГК РФ Конституции РФ.

Проблема гражданско-правовой классификации церковного имущества. Исключительное значение для качества гражданско-правового регулирования оборота церковных ценностей имеет тот факт, что в каноническом праве церковное имущество принято разделять на вещи священные (*res sacrae*) и вещи церковные. Представляется правильным ограничить в гражданском обороте имущество, служащее церковным целям (вещи церковные), и полностью изъять из гражданско-правового оборота священные и освященные вещи, внося в ГК РФ соответствующие изменения.

Проблема определения гражданско-правового режима мощей. В действующем российском законодательстве юридико-технически отсутствует формальная правовая норма, которая бы указывала на принадлежность мощей к объектам (в том числе вещам, имуществу), оборот которых регулируется государством. Однако доктрина, правоприменительная и судебная практика не исключают возможность отнесения мощей к «иному имуществу» (вещам) и соответственно к объектам гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) с неосновательным предоставлением заинтересованным лицам права предъявления виндикационного иска на их изъятие «из чужого незаконного владения». Представляется, что по основаниям юридической логики и нормам формального права мощи не являются имуществом, не относятся к объектам гражданских прав, в том числе вещам, не имеют имущественно-стоимостной характеристики, а являются костными останками субъектов (ранее живших физических лиц).

По нормам церковного (канонического) права к мощам неприменима экономическая (имущественно-стоимостная) характеристика. Мощи не имеют стоимости и не учитываются ни на балансе, ни на забалансовом учете религиозных организаций.

Анализ правовых норм Федерального закона РФ от 12 января 1996 года № 8-ФЗ (ред. От 28 июля 2012 г.) «О погребении и похоронном деле» также позволяет сделать вывод о том, что умершие и их останки

не могут быть ни объектами гражданского права (вещами, имуществом), ни объектами гражданских правоотношений.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1) постановления судов по анализируемому делу об истребовании канонических ценностей (мощей) из владения религиозной организации являются незаконными, необоснованными, несправедливыми и подлежат отмене;

2) костные останки человека, в том числе мощи ранее живших людей (физических лиц, субъектов), не могут быть объектами гражданских прав (вещью, имуществом);

3) костные останки животных (объектов гражданских прав, имущества — ст. 137 ГК РФ) продолжают оставаться объектами (имуществом) и после их смерти;

4) фактическое и юридическое смешение правового режима этих предметов бытия: костных останков человека (бывшего субъекта) и костных останков животного (бывшего объекта) — недопустимо, незаконно, неконституционно, безнравственно и находится за пределами понимания «добра и справедливости», провозглашенными в Преамбуле Конституции РФ;

5) для устранения отмеченных проблем необходимо внести соответствующие изменения в ст. 128 и 123.28 ГК РФ, а также в иные специальные нормативные акты.

А. В. Стремоухов,

*профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук,
почетный работник высшего профессионального образования РФ*

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Теория основных прав человека, как и общая теория права, имеет свои характеристики. Если характеристики права как сферы общественного сознания и культуры достаточно полно разработаны юридической наукой, то о понятии и содержании характеристик основных прав человека этого сказать нельзя. Цель настоящей статьи — заострить внимание юристов-исследователей на этом обстоятельстве.

Наука знает такие характеристики, как свойства, качество, признаки (черты). Все они являются плодом культуры общества, социальной группы, ученого. В философии категории «качество» и «свойство» — древнейшие философские категории.

«Качество, — пишет А. Ф. Назаренко, — это внутренняя, существенная определенность предметов, представляющая собой единство его важнейших (существенных) свойств и выражающая его основные отличия от всех других предметов и явлений. В качестве, таким образом, воплощена неразрывная связь всех основных свойств предмета». Важным моментом качества является некоторая целостность, определенность предмета, тождественная с его бытием: теряя свое качество, предмет перестает быть тем, чем он является. Качество предмета, как правило, не сводится к отдельным его свойствам. Качество прав стоит выше, чем свойство, и соотносится с ним как целое и часть.

Приведенные выше точки зрения существенно обогатил С. С. Алексеев. Он полагал, что качество — это внутренняя, органическая особенность права как социального образования, а свойство — внешнее его проявление в процессе функционирования прав. По мнению автора, качеством или существенной внутренней определенностью основного права является возможность человека обладать жизненно важным для него благом. Благо — это предмет или явление, удовлетворяющее определенную человеческую потребность, отвечающее интересам и целям человека. Без возможности удовлетворять какое-либо благо нет основного права человека. Л. Д. Воеводин считал, что возможность — это то, что при наличии определенных условий может превратиться в действительность. «Это свойство возможности в полной мере присуще всем записанным в Конституции и законах правам и свободам личности». Человек может распоряжаться заключенной в праве возможностью, опираясь на активное содействие государственных органов и общественных объединений. Возможность обладать социальными благами предполагает и возможность требовать содействия в реализации основного права, помощи и невмешательства других лиц.

Под свойством в философии обычно понимают такую категорию, которая отображает то, что характеризует какую-либо сторону предмета и что выявлено во взаимоотношении данного предмета с другими предметами или явлениями. Категория «свойство» обладает способностью обнаруживать те или иные стороны в отношениях с другими предметами и явлениями. По Гегелю, вещь обладает свойствами, которые характеризуют ее определенные отношения с другими вещами.

Общее между качеством и свойством основных прав заключается в том, что свойство может выступать в роли качества (качественного признака), то есть качество — категория более широкая, включающая в себя и свойство. Качество прав не является их свойством. Изучение отдельных свойств предметов служит ступенькой к познанию их качеств.

Таким образом, свойство основного права человека — это внешняя сторона сущностного качества права человека, которая проявляется в его взаимоотношениях с государством и другими субъектами права. Свойство основных прав человека не возникает из их отношений с другими субъектами права, а лишь обнаруживается в таких отношениях. Исследование философско-юридической и правовой литературы позволило к свойствам основных прав человека отнести наиболее ценные с точки зрения их практического приложения свойства: приращенность, неотчуждаемость, верховенство, прямое действие, всеобщность и равенство.

Каждое свойство обладает признаками. Ибо, как писал Гегель, отчетливое понятие — это такое понятие, признаки которого могут быть указаны. Поэтому С. И. Ожегов однозначно характеризует признак как показатель, примету, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь.

Так, например, автор считает, что содержание такого свойства, как прямое действие основных прав, можно раскрыть через следующие его признаки: отсутствие необходимости получать разрешение на пользование человеком своими правами и свободами; правомерность поведения человека, если он руководствуется правами и свободами, закрепленными в Конституции РФ; непрерывность действия основных прав и свобод человека, невозможность их использования до конца однократным претворением в жизнь и некоторые другие. Следовательно, являясь компонентом свойства основного права, признак выступает как наиболее конкретное проявление части его содержания.

Л. А. Тхабисимова,

*заместитель директора по научной работе Юридического института
Пятигорского государственного университета, доктор юридических наук, профессор*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируя социально-политические тенденции последних лет, можно определить основные детерминанты и факторы становления гражданского общества в России: наличие исторических традиционных предпосылок (общинность, коллективизм, коммуналистическая мораль); воплощение новационных политических реалий эпохи ускорения, перестройки, постперестройки, реформирования и демократизации

(разделение властей, гласность, многопартийность, правозащитные организации, независимые СМИ).

Выраженным трендом гражданской институционализации является учреждение организаций по этнокультурному признаку, создание национальных общественных объединений, союзов, ассоциаций, центров, конгрессов, советов. В связи с этим заслуживает внимания опыт создания и работы в Северо-Кавказском федеральном округе (далее — СКФО) общественных палат, общественных советов при органах власти и управления на всех уровнях.

Одной из таких организаций является Этнический совет — это экспертно-консультативный орган по вопросам жизнедеятельности национально-культурных автономий, общественных организаций и казачества. В состав Этнического совета входят представители национально-культурных и казачьих общественных организаций и объединений, представители органов государственной власти и местного самоуправления. Этнический совет в своей деятельности взаимодействует с органами местного самоуправления, а также с общественными организациями и учреждениями, деятельность которых связана с проблемами этнических групп и казачества.

В условиях полиэтничного и поликонфессионального российского общества его гражданское структурирование невозможно без национально-культурных общественных объединений (далее — НКОО) и национально-культурных автономий (далее — НКА). Этнокультурное ассоциирование внутри общего гражданского процесса является одним из отличительных признаков формирования гражданского общества в России на федеральном, региональном и местном уровнях. В формировании и строительстве основ гражданского общества в России неизбежно проявляется полиэтничный и поликонфессиональный состав страны.

В Российской Федерации осуществляется не только этнокультурная самоорганизация как таковая, но и регламентация национально-культурного самоопределения наряду с административно-территориальным, национально-государственным и национально-территориальным. Другими словами, этнокультурное ассоциирование является важнейшим вектором объединения гражданских групповых интересов. Закономерно, что органы власти и управления должны учитывать участие НКОО и НКА в формировании гражданского общества, социального и политического имиджа региона и страны. В связи с этим политически значимыми являются проблемы взаимодействия органов власти и управления с НКОО и НКА, вовлечения национально-культурных объединений

в систему общественных мероприятий и акций, участия национально-культурных организаций в процессе принятия властно значимых решений в области национальных отношений, национально-государственного и национально-культурного самоопределения.

Деятельность национально-культурных организаций, национально-культурных автономий в рамках региональных концепций национальной политики субъектов Российской Федерации СКФО и соответствующих комплексных программ гармонизации межэтнических отношений отличается собственное содержание. Магистральным направлением данной работы является стабилизация межэтнических отношений. Развивается взаимодействие органов власти и управления с национально-культурными общественными объединениями как с институтами гражданского общества в его этнокультурной модели. Это в полной мере соответствует демократизации межэтнических, национальных и федеративных отношений в условиях модернизации всех сторон жизни общества.

Главными целями институтов гражданского общества на Северном Кавказе (в его этнокультурной модели) являются достижение этнокультурной безопасности как составляющей человеческой безопасности, а также благополучного этнокультурного самочувствия и этнокультурного комфорта проживающих здесь народов и этнических групп. В субъектах Российской Федерации, входящих в СКФО, большое внимание уделяется сохранению этнической идентичности в контексте диалога между властью и обществом, выработке либеральной культуры споров, защите индивида от произвола властей в плане дискриминации по этническому и конфессиональному принципам. Типичными тенденциями гражданского структурирования в регионе выступают привлечение национально-культурных инициатив к политическому дискурсу, определенный контроль над гражданским обществом со стороны государственной власти и высокая степень зависимости гражданского структурирования от субъективного отношения глав муниципальных образований.

В субъектах Российской Федерации актуальны проблемы террористического воздействия, этнической миграции, ксенофобии, проявлений бытового национализма, конкуренции представителей этнических групп. Этим процессам и реалиям может успешно противостоять этнокультурный вектор, обеспечивающий перевод межэтнического диалога в сферу культуры. При этом реализуются эффективные механизмы широкого общественного дискурса, среди которых выделяются: поддержка органами местного самоуправления советов старейшин, этнических советов, домов и центров дружбы, НКО и НКА различных

этнических групп в совместной работе по предупреждению межэтнической напряженности, предотвращению межэтнических конфликтов, поддержанию стабильности; привлечение этнокультурных неправительственных организаций (НПО) к разработке нормативно-правовых актов по вопросам национальных отношений и реализации региональных комплексных программ гармонизации межэтнических отношений; вовлечение этнокультурных НПО в систему практического миротворчества, включающую предупреждение межэтнических противоречий, урегулирование межэтнических конфликтов и постконфликтную реконструкцию; повышение квалификации руководителей и представителей НКО, НКА работников СМИ, молодежных общественных объединений в плане расширения информированности, воспитания терпимости, толерантности, распространения компромиссных диалоговых практик.

В субъектах СКФО наблюдается опасная политизация деятельности национально-культурных объединений, связанная с межэтническими и этнополитическими конфликтами, «залповой» миграцией, ускоренным пополнением определенных этнических групп, изменением пропорций представленности народов в составе населения. Выделяются и иные проблемы, среди них — неоднозначное восприятие общественными организациями европейских практик по правовой и политической защите прав человека и гражданина в части этнокультурных интересов; искаженное понимание содержания национально-культурного самоопределения и назначения национально-культурной автономии; слабая скоординированность действий общественных объединений; недостаточная правовая и политическая осведомленность организаций и их лидеров; недооценка сотрудничества с органами власти и управления; высокая зависимость деятельности общественных организаций от субъективного фактора, персонафицированного в руководителях НКО, НКА, а также в лицах органов государственной власти и местного самоуправления.

В целом, исторически сложившаяся многонациональность СКФО, тенденции и проблемы национально-государственного и национально-культурного строительства актуализируют роль гражданского общества в сфере национальных отношений.

Реализация государственной национальной политики и региональных стратегий этнокультурного развития должна соответствовать стратегическому приоритету по обеспечению прав и свобод граждан в части развития институтов гражданского общества и этнокультурного развития, задаче развития потенциала государственного управления в обла-

сти повышения эффективности деятельности системы федеральных органов исполнительной власти.

Противодействие геополитическому, религиозному и политическому экстремизму, снижение уровня конфликтности в межнациональных и этноконфессиональных отношениях должны соответствовать таким приоритетам социально-экономического развития России, как повышение уровня национальной безопасности через снижение угрозы террористических актов, связанных с этническим и религиозным фактором, и развитие потенциала государственного управления через повышение эффективности деятельности системы федеральных органов исполнительной власти.

Д. И. Балибалова,

профессор кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат экономических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ

Правовой нигилизм — разновидность социального нигилизма как родового понятия. Его сущность заключается в негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву. Одним из ключевых моментов выступает пренебрежительное восприятие права как чего-то второстепенного среди человеческих ценностей.

Корни правового нигилизма уходят в далекое прошлое. Идея закона ассоциировалась с главой государства. В общественном сознании утвердилось понимание права как указания государственной власти. Это характерно и для финансового права, где основным методом правового регулирования выступает метод властных предписаний.

В истории нашей страны был период (с 1929 по 1938 г.), когда финансовое право было отменено и не преподавалось в вузах. Финансовая деятельность государства регулировалась административными распоряжениями. Даже в современной России в 1990-х годах государственные налоговые органы более значимыми считали инструкции Министерства финансов РФ, нежели федеральные законы о налогообложении. Причем нормативно-правовые акты скрывались от налогоплательщиков либо проводились платные семинары, до тех пор пока не был принят Налоговый кодекс РФ, в котором прописаны (ст. 32) обязанности налоговых органов бесплатно информировать налогоплательщиков о законодательстве о налогах и сборах и принятых в соответствии с ним нормативно-правовых актах, а также разъяснять порядок исчисления налогов и заполнения налоговых деклараций.

Наиболее распространенными формами правового нигилизма в финансовой сфере являются:

— умышленное нарушение действующих законов (широко распространенное в налоговой сфере явление, особенно при обороте алкогольной продукции, где нередко подделка акцизных марок);

— издание противоречивых или даже взаимоисключающих правовых актов, которые как бы нейтрализуют друг друга. Так, п. 1 ст. 236 Бюджетного кодекса РФ «Размещение бюджетных средств на депози-

тах, передача бюджетных средств в доверительное управление» гласит: «Размещение бюджетных средств на банковских депозитах... не допускается». Часть 2 этой же статьи разрешает это делать при определенных условиях. Все это принимает возрастающие масштабы. Каков же результат?

Об этом говорит в интервью председатель Счетной палаты РФ Т. А. Голикова (Известия. 2016. 7 сент.). Она отмечает, что только в госкорпорациях «Ростех», «Росатом», «Фонд реформирования ЖКХ» и «Автодор» свободные остатки средств, размещенных на депозитах, за год выросли с 70 до 130 млрд руб. За такое «инвестирование» выданных государством денег эти госструктуры получили 10 млрд руб. дохода. Она также заявила, что федеральный бюджет мог бы иметь дополнительно 1 трлн руб. при условии более эффективного использования средств, которые не учитываются из-за неиспользования остатков бюджетных средств и недостатков системы управления. Пока же дефицит бюджета планируется в сумме более 2 трлн руб.

В налоговое законодательство после принятия Налогового кодекса (НК) в 1998 году было внесено более 50 поправок. Внося поправки в налоговое законодательство, Правительство РФ ставит своей целью создание эффективной и стабильной налоговой системы и обеспечение бюджетной устойчивости. Однако практика внедрения новаций не всегда дает нужные результаты.

Так, с 2012 года Налоговый кодекс РФ разрешил создавать консолидированные группы налогоплательщиков по налогу на прибыль. Статья 25.1 НК РФ гласит: «Консолидированной группой налогоплательщиков признается добровольное объединение налогоплательщиков налога на прибыль на основе договора... в целях исчисления и уплаты налога на прибыль организаций с учетом совокупного финансового результата хозяйственной деятельности указанных налогоплательщиков...» Члены группы заключают между собой соглашение на срок не менее двух лет, выбирают ответственного участника, который уплачивает этот налог. При определении суммы налога на прибыль суммируются прибыли и убытки всех участников группы, а налог уплачивается от имени одной компании — ответственного участника. Это позволяет консолидированной группе налогоплательщиков исчислять и уплачивать единый по группе налог на прибыль организаций и представлять единую налоговую декларацию в налоговый орган по месту регистрации. Все девять консолидированных групп, созданных в 2013 году, были поставлены на налоговый учет в Москве.

Ученые Института социально-экономического развития территорий РАН исследовали правоприменительную практику и пришли к неутешительному выводу: прибыли у всех консолидированных групп налогоплательщиков уменьшились, налоговые поступления в федеральный бюджет сократились, а бюджеты субъектов недополучили значительные суммы этого налога. Так, «КарелИнформ» сообщает, что вступление в консолидированную группу налогоплательщиков «Северсталь» горнорудной организации «Карельский окатыш» в городе Костомукша лишило республику существенной части налога на прибыль, ранее поступавшего от этого предприятия в бюджет республики. Бюджет Вологодской области за пять лет недополучил 18,3 млрд руб. налога на прибыль от «Северстали». В то же время состояние владельцев корпораций увеличилось.

В поисках дополнительных источников доходов местных бюджетов приняты законы об изменении порядка определения налогооблагаемой базы по налогу на имущество физических лиц. В ее основу положена кадастровая (рыночная) стоимость. На основе Федерального закона «Об оценочной деятельности в РФ» от 29 июля 1998 года решение о проведении государственной оценки принимают региональные органы, они же выбирают независимого оценщика и заключают с ним договор. Оценщик сам устанавливает методику определения кадастровой стоимости объекта недвижимости. В результате кадастровая стоимость приватизированного жилья оказалась завышенной, потому что не учитывался уровень износа жилья. Сумма налога резко возросла. Начались конфликты, дела о перерасчете стоимости должны решаться в суде. Президент РФ во время телевизионной встречи с гражданами России пообещал произвести переоценку стоимости жилья госорганами, но для этого нужно внести поправки в закон (процесс принятия поправок или нового закона занимает несколько лет).

Представляется, что необходимо не только повышать правовую культуру, но и усилить персональную ответственность граждан за неисполнение законов, а также экспертов, осуществляющих предварительный финансовый контроль проектов законов.

Т. Л. Баталова,

*директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
профессор кафедры юриспруденции*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ЧАСТНЫХ ПРАВ

Особенности реализации частных прав физических и юридических лиц как в современной России, так и в Казахстане всецело зависят от правовой культуры государства, общества и отдельного частного субъекта.

Все направления в развитии правовой системы России и Казахстана прежде всего нацелены на построение гражданского общества, обладающего высокой степенью правовой культуры. Именно на это обращено внимание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева, указывающего, что «при вхождении в число 30 развитых стран мира нам необходима атмосфера честной конкуренции, справедливости, верховенства закона и высокой правовой культуры».

Если говорить о некоторых аспектах правовой культуры современного общества, то прежде всего нужно обратить внимание на то, что она является составной частью всей культуры общества и личности и служит показателем развитости культуры. Это одна из сторон социально-нормативной системы, показывающей нравственно-правовой уровень общества в целом, его отношение к праву и правоприменению.

Отдельные авторы считают, что содержание правовой культуры составляют права, свободы и обязанности граждан. С нашей точки зрения, содержание правовой культуры относится к правосубъектности граждан. Другие же, считая право важнейшей частью культуры, одним из главных ее компонентов, правовую культуру представляют как компонент общечеловеческой культуры, воплотившийся в праве и юридической технике и не имеющий собственной предметности. На наш взгляд, правовая культура является основой реализации всей системы права и ее составных частей: публичного и частного.

Именно вопросы правовой культуры сегодня ставятся во главу процесса реализации любых правовых норм и частного права особенно, так как большинство норм частного права реализуется при помощи диспозитивного метода правового регулирования. Другими словами, реализация частных прав одного субъекта нередко зависит от модели поведения другого субъекта, то есть от его правовой культуры, действия его в рамках свободы в реализации своих прав в той степени, пока он не нарушит прав другого субъекта. С нашей точки зрения, только степень

правовой культуры общества, государства, отдельного индивида позволит всем субъектам беспрепятственно реализовывать свои права и свободы в полном объеме.

Правовая культура является механизмом формирования и функционирования единой системы правовой грамотности населения, от которой зависит реализация всей правовой системы, в том числе и частного права. Умение применять нормы права, правильно пользоваться своими правами как субъекта частного права является основанием для определения уровня нравственной, правовой, этической культуры. Таким образом, при определении степени развития правовой культуры каждого частного субъекта и его роли в формировании правовой культуры, являющейся основанием для построения гражданского общества, необходимо учитывать степень понимания и правильной оценки своих прав, свобод и обязанностей (в совокупности — правосубъектности) и умения пользоваться этой правосубъектностью в процессе своей жизнедеятельности.

На формирование и степень развития правовой культуры влияет уровень развития правовой системы, насколько эффективно она работает в условиях поступательного развития общества, государства, всех его институтов. Тем не менее стоит обратить внимание и на тот факт, что степень реализации самой правовой системы в немалой степени зависит от правовой культуры субъектов взаимоотношений.

На фоне проведения правовых реформ как в современной России, так и в Казахстане, взявших направление на развитие института прав человека, требуется высокая правовая, этическая, нравственная культура каждого субъекта. Вместе с тем остается нерешенной проблема, связанная с преобладанием материальных и физических потребностей над такими категориями, как справедливость, нравственность, общественный долг, патриотизм.

Ни одна из систем права не сможет функционировать в полной мере без высокой правовой культуры, которая всецело зависит от степени развития культуры каждого субъекта права, гражданского общества в целом, процесса совершенствования правовой базы, уровней развития правовой деятельности, правовой науки, государственных институтов.

Условиями дальнейшего совершенствования системы частного права, ее реализации являются процесс демократизации общества, постоянное развитие правовой культуры, механизм ее совершенствования, использование научного подхода к решению возникающих проблем, воспитание у каждого гражданина уважения к закону.

Правовая культура — важнейшее условие формирования идеального механизма реализации системы частного права. В условиях развития, совершенствования всей системы права в России и Казахстане наблюдается тенденция возникновения и функционирования в системе публичного права институтов частного права, а в системе частного права — институтов публичного права. В связи с этим актуальным является вопрос о степени влияния правовой культуры не только отдельного индивида — субъекта частного права, но и субъектов публичного права на механизм реализации частных прав конкретного субъекта. Так, возможность реализации механизма защиты нарушенного частного права любого гражданина в судебном порядке регулируется нормами гражданского процессуального права. В подтверждение этого обратим внимание на то, что с 2010 года в России и с 2011 года в Казахстане приняты законодательные акты о медиации. Институт медиации стал неотъемлемой частью досудебного урегулирования споров, возникающих между различными субъектами частного права. Законодательно медиатору (конкретному частному лицу) дано право на урегулирование спора между сторонами конфликта наравне с мировым соглашением, заключаемым сторонами в суде. Другим примером служит институт частного судебного исполнителя в Казахстане. Выдавая лицензию на право осуществления данного вида деятельности, государство передало часть своих полномочий по исполнению судебных актов частным лицам, несмотря на то что ранее эта деятельность относилась исключительно к компетенции конкретного государственного органа. Таким образом, на современном этапе прослеживается тенденция сближения систем частного и публичного права. Опасность такой тенденции может проявиться только в низкой правовой культуре носителей тех или иных полномочий, вплоть до правового нигилизма.

Проявления правового нигилизма представляют собой реальную угрозу безопасности всех членов общества в целом и каждого субъекта частного права в отдельности, его правам и интересам как материального, так и нематериального характера. Не менее опасен правовой нигилизм и для государства в целом.

Состояние правовой культуры граждан, общества в целом, государственных институтов является одним из важнейших показателей функционирования всей правовой системы. Повышение правовой культуры, развитие правового сознания населения — главные критерии формирования гражданского общества в России и Казахстане. Правовая культура — основа реализации системы частного права в современной России и Казахстане.

И. В. Бутырцева,

*старший преподаватель кафедры теории права
и правоохранительной деятельности СПбГУП*

СМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМА МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЕМ

Информация выступает важным фактором формирования правосознания граждан и оказывает огромное воздействие на правовую культуру в обществе. Под правосознанием принято понимать совокупность чувств, эмоций, взглядов, в которых выражается отношение людей к действующему в настоящее время, желаемому и предполагаемому праву и иным явлениям правовой действительности. На него оказывает влияние та информация, которую человек получает извне. В настоящее время СМИ стали главным инструментом распространения информации, воздействующей на общественное сознание. Средства массовой информации — система органов публичной передачи информации с помощью технических средств; до сих пор более употребительное в русском языке (по сравнению с термином «средства массовой коммуникации») обозначение средств повседневной практики сбора, обработки и распространения сообщений массовым аудиториям.

В соответствии с Федеральным законом РФ № 2124-1 «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года СМИ трактуются как периодические печатные издания, радио-, теле- и видеопрограммы, кинохроникальные программы, иные формы распространения массовой информации.

Огромное влияние на население Российской Федерации оказывает телевидение. В России телевидение представляют 23 общероссийских телеканала, около 117 спутниковых и кабельных телеканалов, 15 телеканалов, вещающих за пределы России, около 180 региональных телеканалов и около 30 каналов малых городов и сел. Общее количество телеканалов составляет примерно 330.

А. Моль пишет о СМИ, что «они фактически контролируют всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую, поляризуют, таким образом, все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества». Таким образом, современный человек не может уклониться от воздействия СМИ. Нельзя не согласиться с этим высказыванием. Мы можем наблюдать это явление на примере Украины, где на про-

тяжении нескольких лет средства массовой информации независимой, «новой» Украины, освещая проблемы экономики и политики, искали причину всех бед во влиянии России, что привело к росту националистических движений. Как результат, мы наблюдаем постоянные конфликтные ситуации по всей территории Украины, вооруженные провокации на границах ДНР и ЛНР. При этом искажаются исторические факты, молодежи навязывается мнение узкого круга политиков. Учителям и преподавателям рекомендуется псевдонаучная литература для проведения занятий, что приводит к росту национализма. Свобода слова — это, безусловно, достижение демократии, однако проявление нацистских и фашистских идей должно, на мой взгляд, подвергаться жесткой критике и запрету со стороны правоохранительных органов.

Конституция РФ устанавливает определенные ограничения свободы информации. Законный способ поиска, получения, передачи, производства и распространения информации (в том числе массовой) предполагает недопустимость разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну.

Свобода слова дает возможность высказывать свое мнение в СМИ, получать различную информацию по интересующим вопросам и формировать приверженцев той или иной идеи или политики. Это положительный пример формирования правовой культуры.

В настоящее время Интернет является способом массового общения людей, объединенных по различным интересам. Для этого используются интернет-форумы, блоги и социальные сети. Социальные сети стали своего рода интернет-пристанищем, где каждый может найти техническую и социальную базу для создания своего виртуального «я». При этом любой пользователь имеет возможность не просто общаться и творить, но и делиться плодами своего творчества с многомиллионной аудиторией той или иной социальной сети. Таким образом, Интернет можно также отнести к средствам формирования правовой культуры.

Под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом прав и свобод человека.

Несомненно, воздействие на человека СМИ играет важную роль в формировании его правосознания, но необходимо помнить: то, что навязывается, рано или поздно вызовет отторжение. В связи с этим следует

воспитывать человека нового типа, с безупречным правосознанием, которое должно происходить естественно, без давления и агрессии. Это единственный способ создания благоприятной среды обитания человечества, где все социальные сферы общественной жизни будут гармонично сочетаться друг с другом. В таких условиях термины «общество» и «государство» могут быть синонимами, при этом их интересы станут едины. Тогда человек, его права и свободы будут положены в основу общественных отношений не формально, а утвердившись в роли основной морали общества.

Мы должны стремиться к созданию общества, где человека не принуждают существовать в строго ограниченном пространстве, с сомнительными ценностями и двойными стандартами, где сила — это знание, где человеку дана возможность развивать свои способности, приумножать и накапливать блага, основываясь на гармоничном сосуществовании с другими гражданами и встраиваясь в окружающий мир, не причиняя ему ущерба.

Г. Н. Вардаев,

*доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
кандидат юридических наук*

ПРАВОВАЯ И НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА — СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

«Демократизация общества и развитие рыночной экономики в современном социуме предполагают формирование в социально-правовом поле развитой личности с правоактивным вектором поведения, которая знает свои права и обязанности, умеет защищать свои права законными средствами и уважает права и законные интересы других граждан». В приведенной фразе точно обозначена основная цель разрешения проблемы соотношения правовой нравственной культуры, которая, в свою очередь, является производной от более сложной проблемы — соотношения и взаимной обусловленности права и нравственности.

Обращаясь к вопросу соотношения права и морали в наше время, следует опираться на определенные наукой компоненты данного соотношения: единство, различие и взаимодействие. Мораль в наиболее общих чертах представляет собой совокупность исторически складывающихся и развивающихся жизненных принципов, взглядов, оценок, убеждений и основанных на них норм поведения, определяющих и регулирую-

ющих отношения людей друг к другу, обществу, государству, семье, коллективу, классу, окружающей действительности. Право — это исходящие от государства нормы, призванные выражать идеи гуманизма, нравственности, справедливости, баланс интересов между различными слоями общества.

Несмотря на очевидную взаимосвязь и взаимодействие права и морали, наличие у них многих общих черт, процесс упорядочения ими общественных отношений не является абсолютно согласованным и бесконфликтным. Требования нравственности и права иногда не совпадают, а нередко и противоречат друг другу.

Обращаясь к общим чертам права и морали, прежде всего следует отметить, что они относятся к одной большой группе регуляторов — социальным нормам. Объект регулирования также общий — общественные отношения. При этом и нормы права, и нормы морали определенным образом устанавливают, закрепляют и гарантируют правила поведения субъектов. У права и морали единая цель — влиять на поведение людей, формируя стандарты поведения и ценностные ориентиры общества. Одинаковы также истоки, источники права и морали — это мифы, религия, обычаи, табу. Базовыми категориями морали и права являются справедливость и свобода. Структуры права и морали схожи, в обоих явлениях выделяют такие элементы, как нормы, отношения, сознание, культура.

Имея много различий и общих черт, право и мораль постоянно взаимодействуют. П. И. Новгородцев отмечает: «Там, где право отказывается дать какое-нибудь предписание, выступает со своей волей мораль, а где мораль не может одним своим внутренним авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей приходит право со своим внешним принуждением».

Соотношение норм права и морали не является постоянным. Оно зависит от многих факторов: исторического этапа развития общества, экономического и социального положения, политического строя и стабильности. Выделяют принцип, по которому развиваются право и мораль со времени их возникновения: чем выше нравственная культура общества, тем меньше потребность в законах и тем они мягче. Здесь находит свое проявление понятие «правовой идеализм»: он тем выше, чем выше правовая культура и правосознание. Взаимосвязанность права и морали как системы регулирования социальной жизни оговариваются их общим призванием и целью обеспечивать гармоничное развитие общества на основе общечеловеческих принципов равенства, справедливости, гуманизма и свободы.

Несмотря на возможность гармоничного сотрудничества, между правом и моралью всегда будут существовать противоречия. Их причины заключаются в специфике, в том, что у них разные методы регуляции, различные подходы, критерии оценки поведения субъектов. Правотворчество является достаточно медленным и сложным процессом, который состоит из многих этапов. Мораль же значительно более гибкая и может быстро меняться. Поэтому право часто отстает от неустойчивых норм морали или просто не отвечает им вследствие ошибок, допущенных при законотворческом процессе. Мораль обычно предъявляет высокие требования к людям, отображает определенное идеальное поведение, тогда как право менее требовательно, устанавливает допустимые формы поведения, которые могут быть уже не моральными, но еще и не противозаконными.

В контексте изложенного хотелось бы обратить особое внимание на профессиональную мораль, которая отражает черты определенного вида деятельности людей. Она важна в тех профессиях (врачи, юристы), которые непосредственно взаимодействуют с людьми, касаются их судеб, здоровья и жизни. Нормы права подробно регламентируют их деятельность, но специфика заключается в неповторимости и уникальности разрешаемых ситуаций, каждую из которых невозможно нормативно урегулировать. Ввиду особой важности труда людей этих профессий на ее представителях лежит очень большая ответственность, как правовая, так и моральная. В процессе поиска правильного выхода из сложных, нормативно не определенных ситуаций пригодными становятся моральные принципы, основные идеи, составляющие основу морали, ее суть и нацеленность. Они позволяют принять оригинальное и эффективное решение, которое не повлечет за собой негативных последствий. Соблюдение моральных принципов юридическими работниками также поддерживает их авторитет, препятствует возникновению к ним недоверия, пренебрежения и ненависти в обществе, делает достижение поставленных задач более легким.

Нередко юридическим работникам приходится решать внутренние нравственные конфликты. Трудно представить моральное состояние человека — исполнителя смертной казни, когда социум «созрел» до понимания безнравственности данного вида уголовного наказания. Неразрешимыми нравственными проблемами для медиков (и не только) остаются эвтаназия и трансплантация органов и тканей человека и другие, прежде всего моральные, проблемы. В подобной ситуации может быть применен моральный принцип гуманизма, который предусматривает любовь к людям, толерантность и понимание, справедливое отношение ко всем.

А. С. Демченко,*магистрант I курса юридического факультета СПбГУП*

НОРМЫ ПРАВА И РЕЛИГИОЗНЫЕ НОРМЫ КАК РЕГУЛЯТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

На современном этапе развития общества вопрос о взаимоотношении права и религии рассматривается с двух позиций: первая утверждает верховенство религии над правом, олицетворяя право с законом; вторая же, наоборот, разграничивает понятия права, закона и религии как отдельные институты, тем самым позволяя им существовать во взаимодействии друг с другом.

Религиозные и правовые нормы как основные элементы религиозной и правовой систем определяют роль их воздействия на общественные отношения, устанавливают правила поведения людей в социуме, а также предопределяют место данных институтов в системе ценностей.

В период становления и на начальных этапах развития практически все основные правовые системы современности опирались на теологические источники. Но в своем нынешнем виде европейское право напрямую не связано с религией, а исламское право, наоборот, в целом не может рассматриваться вне религиозного сознания и соответствующей нравственности. Данная особенность служит подтверждением того факта, что если в Европе в целом достаточно давно произошло подобное разграничение, то в мусульманском мире ислам до сих пор охватывает, по сути, все стороны жизни общества.

Необходимость комплексного исследования взаимодействия права и религии определена тем, что, несмотря на их различные цели, религия и право выступают в виде ценностно-нормативных систем в процессе регулирования общественных отношений. При этом необходимость понимания данных институтов, их норм и назначения и проблематика являются основными способами определения общих сфер регулирования. При совпадении сферы регулируемых отношений правовые и религиозные нормы бывают очень схожи, а иногда и тождественны по характеру своих предписаний, оказывая тем самым согласованное воздействие на социальное развитие. Так, христианские нормы содержат многочисленные определения должного и запрещаемого с позиции закона поведения. Многие принципы и нормы права согласуются с положениями основных источников христианства. В ряде случаев юридические нормы текстуально воспроизводят предшествующие им религиозные нормы.

Право выступает универсальным регулятором общественных отношений, с одной стороны, существуя вне норм закона, а с другой —

являясь инструментом государства. Рассматривая право как регулятор, следует признать, что его назначение в обществе заключается в утверждении нормативных начал, регулятивном правовом воздействии на общественные отношения. Право регулирует общественные отношения во взаимодействии с иными нормами как элемент системы социального нормативного регулирования. Одним из таких элементов является религия в части своих ценностно-нормативных установлений.

Рассматривая правовую и религиозную системы, следует отметить, что каждая из них представляет собой определенную целостность, элементы которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Мы полагаем, что религиозные нормы обладают всеми необходимыми признаками социальных норм, которые проявляются в следующем: 1) религиозная норма выступает как образец для поведения верующих людей, как эталон определенных отношений; 2) ее предписания относятся не к конкретному индивиду, а к более или менее широкому кругу людей. Религиозные нормы отличаются от правовых тем, что базируются на религиозных идеях и представлениях. Однако роль религиозных норм не ограничивается регулированием внутрицерковной и межконфессиональной религиозной деятельности. Религия уже в ранних формах регулировала и светские отношения, а право на определенных этапах истории в ряде стран получало выражение именно в религиозных догмах.

Тесная связь права и религии характерна практически для всех правовых систем народов мира. Нет ни одной системы древнего писаного права, которая не включала бы религиозные предписания и ритуальные правила. В современном мире это соотношение выражается несколько иначе. Степень влияния религиозных норм зависит прежде всего от уровня социально-политического развития страны.

Право и религия выступают как элементы системы социального регулирования. Религия в человеческом обществе во многом определяет поведение людей. Носители права в подавляющем большинстве являются носителями религиозной идеи и воспринимают мир и общество сквозь призму религиозных установок. В то же время носители религиозной идеи устанавливают правовую систему и соответственно вкладывают в нее свои религиозные ценности, которые, в свою очередь, носят сакральный характер, то есть имеют свой конечный источник согласно их представлениям о Божественной воле, космическом законе. Они возводят правовые установления непосредственно к высшим основам мироздания, что обеспечивает неразрывное переплетение религиозных и правовых норм.

А. В. Дербина,

*доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук;*

Н. П. Кравцова,

*заместитель декана юридического факультета СПбГУП по воспитательной работе,
кандидат педагогических наук;*

Д. А. Роголева,

магистрант II курса юридического факультета СПбГУП

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Понятие «культура» восходит к латинскому слову “cultura” («возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание, выращивание, обрабатывание»), которое обозначало функцию, связанную с приобретением знаний, опыта, целенаправленным воздействием человека на природу.

Правовая культура занимает обособленное место в социокультурном пространстве. Полностью она не совпадает ни с одним видом культуры в семейных правоотношениях (материальной, духовной, политической и т. д.), создавая уникальное сочетание как материальных, так и идеальных, духовных компонентов. Она находится в ограниченном единстве и взаимосвязи с остальными областями культуры — политической, этической (нравственной), эстетической. Между тем в юридической науке, как и в культурологии, нет единого понимания ни термина «культура» вообще, ни правовой культуры в частности.

На современном этапе развития социолого-правовой мысли наряду с указанными элементами правовой культуры исследователи в рамках ее содержания выделяют оценочный компонент. Так, Т. Н. Наумова считает, что «правовая культура — одна из форм социально значимой творческой деятельности людей в сфере государственно-правовых отношений, выраженная в правовых нормах, институтах и способности оценки данных явлений».

И. Д. Иванников определяет, что «правовая культура — это одна из форм социально значимой творческой деятельности людей в сфере государственно-правовых отношений. Она выражена в правовых нормах, институтах и способности оценки данных явлений».

Н. И. Матузов, А. В. Малько не формулируют определения понятия «правовая культура», отмечая лишь, что в широком плане правовая культура охватывает все правовые ценности, существующие в данное время в данной стране, выражает этику взаимоотношений субъектов

общественной жизни с правом, законами, другими юридическими феноменами.

Своеобразное отражение феномен широты и «неопределяемое» рассматриваемого понятия получил в философии права. «Право как культурный феномен — часть общечеловеческой культуры. Правовая культура — это весь правовой космос, охватывающий все моменты правовой формы общественной жизни людей, особенно семейных правоотношений. Культура здесь как раз и состоит в способности и умении жить по этой форме, которой противостоит неоформленная (неопределенная, неупорядоченная, хаотичная, а потому и произвольная) фактичность...» — пишет В. С. Нерсесянц.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что понятие правовой культуры можно рассматривать в двух аспектах: как оценочную (аксиологическую) и содержательную категорию. В первом случае она понимается как качественное состояние правовой жизни общества на каждом этапе его развития. Это позволяет охватить и оценить правовой аспект семейной жизни, а именно семейные правоотношения в целом и ее основные сферы в отдельности.

Семейные правоотношения — общественные отношения, урегулированные нормами семейного права, возникающие вследствие брака, родства, усыновления или иной формы устройства детей в семью, оставшихся без попечения родителей.

Право ребенка жить и воспитываться в семье признано в России неотъемлемым правом на всех уровнях — от бытового до нормативно-законодательного. Ребенок должен иметь семью, обеспечивающую его нормальное развитие, прививающую ему определенные культурные ценности, в частности правовую культуру, которая необходима ребенку для нормального существования в обществе. Жизнь ребенка в семье предпочтительнее со всех точек зрения. Конечно, имеется в виду семья, не приносящая вреда воспитанию и культурному становлению несовершеннолетнего. Привлекательность идеи воспитания детей в семье, его предпочтительность перед публичными формами, особенно в отношении детей раннего возраста, основана на всемирном историческом опыте, подтверждена научными изысканиями представителей различных гуманитарных наук: педагогики, психологии, социологии, культурологии, права и др.

Ребенок нуждается в ощущении защищенности, которую он может обрести в полном объеме лишь в семье. Родители для ребенка означают безопасность, привязанность, эмоциональность, само существование,

культуру, а также правовую культуру. Без родителей процесс формирования личности и культурного становления ребенка затруднен.

Следует сказать несколько слов об эффективности правового регулирования семейных отношений, которые представляют собой соотношение между результатом правового регулирования и стоящей перед ним целью. В современных условиях ученые обозначили ряд направлений для дальнейшего повышения эффективности культурно-правового регулирования в целом, причем в качестве основного выделяется совершенствование правотворчества и правоприменения. Однако без дальнейшего развития общей и индивидуальной правовой культуры трудно достичь целей правового регулирования семейных отношений. Поэтому правовую культуру следует причислять к центральным элементам механизма правового регулирования семейных отношений — как исторически сложившийся фактор, оказывающий непосредственное и порой самое сильное влияние на результат правового регулирования, связанный с воспитательной функцией семейного права.

А. Р. Дмитренко,

аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблематика теоретического исследования правовой аксиологии является актуальной для современной правовой науки. Ее актуальность связана с тем, что наше государство все еще переживает переходный период от советского авторитаризма к демократии, что, в свою очередь, привело к периоду ценностной аномии, а также к переоценке ценностей, навязанных коммунистической идеологией. Отметим также, что еще не завершено строительство правового государства и гражданского общества.

В настоящий момент Россия находится в сложной ситуации культурно-нравственного и духовного упадка, обусловленного во многом навязыванием социуму лживых потребительских ценностей, а также подрывом традиционных основ общества. Сложившаяся ситуация приводит к девальвации ценности права и росту правового нигилизма в российском обществе. Значимость правовых ценностей для права как важнейшего социального регулятора верно отражена в позиции французского теоретика права Г. А. Шварц-Либермана фон Валендорфа, который считает, что основной вопрос права заключается в отборе истинных ценностей и создании их системной иерархии в виде конкретного

правопорядка, назначение которого — поддержание социального мира. Для определения проблем правового нигилизма и низкого правосознания, а также выработки эффективной модели правового воспитания общества и оптимизации механизма правового регулирования с учетом реалий действительности необходимо провести комплексный правовой анализ правовых ценностей.

Для исследования сущностных характеристик понятия «правовые ценности» необходимо проанализировать значение понятия «ценности» в научной литературе. В философии под ценностями понимаются свойства предмета или явления, имеющие значение для человека или общества (благо, добро, зло, прекрасное, справедливое и пр.). При этом указанные свойства не присущи предметам или явлениям от природы. Они являются ценностями, так как служат объектами интересов человека. М. Вебер полагал, что ценность — это норма, имеющая определенную значимость для социального субъекта. Ценность — это полезный предмет, способный удовлетворить ту или иную потребность, идеал, норма, выражение значимости для человека или социальной группы. Н. Неновски находит, что ценность не есть явление, взятое само по себе, безотносительно к человеку. Ценности — это вещи, связанные с человеком, предметы, анализируемые с точки зрения их значимости для человека. Можно заключить, что с точки зрения некоторых философских подходов ценность — все то, что ценно для представителей социума при удовлетворении потребностей.

Аксиология права в настоящее время — признанное направление науки теории права. Это направление возникло и развивается в результате применения теории ценностей к изучению правовой действительности. С. С. Алексеев пишет: «Если допустить, что право — социальная ценность, то теоретически вполне оправданно, освещающая право, видеть в его свойствах, регулятивных, охранительных, процессуальных механизмах, в его многообразном инструментарии своего рода правовые ценности — такие достижения регулятивной культуры, которые выражают позитивный потенциал права, его вклад в обеспечение социального регулирования, соответствующего потребностям социального прогресса».

В связи с многогранностью понятия «правовые ценности» среди ученых-правоведов нет единой позиции в определении данного феномена. С. С. Алексеев под правовыми ценностями понимает «конкретные социально-правовые явления, правовые средства и механизмы. К ним относятся: конкретное выражение собственной ценности права в практической жизни людей — безопасность человека в конфликтных

ситуациях, определенность и гарантированность прав, обеспечение истины, правды при решении юридических вопросов; фундаментальные прирожденные права человека, основополагающие демократические правовые принципы; особые правовые средства и юридические механизмы (все то, что называется юридическим инструментарием), обеспечивающие ценность права, гарантированность прав, институты, выражающие оптимальное соотношение нормативного и индивидуального регулирования, и т. д.».

Нам представляется верной позиция С. В. Михайлова, который считает, что большинство законодательно закрепленных ценностей, входящих в предмет правового регулирования, необходимо признать правовыми ценностями, то есть правовая ценность в данном случае воспринимается как нормативно-правовой объект, значимый для личности, общности или группы лиц, а также общества в целом в зависимости от круга лиц, на регулирование правоотношений которых они нацелены.

Считаем, что для всестороннего исследования, определения природы правовых ценностей необходимо провести их классификацию. А. Н. Бабенко по своему содержанию выделяет ценности-цели, имеющие общее для всех наивысшее значение; правовые ценности среднего уровня, определяющие степень развития и тип правовой культуры общества и личности; а также инструментальные правовые ценности, используемые для урегулирования и построения конкретных правоотношений и предполагающие защиту иных типов ценностей. А. В. Поляков выделяет эйдетические и социокультурные правовые ценности. Эйдетические правовые ценности — ценности самого права, неразрывно с ним связанные, вытекающие из его идеи и непосредственно в нем усматриваемые, независимо от его конкретно-исторического воплощения, целей самого законодателя (автор приводит в качестве примера ценность правопорядка). Социокультурные правовые ценности — ценности, которые не вытекают непосредственно из идеи права, но отражаются в его содержании благодаря особенностям социокультурного развития конкретного общества. С. В. Михайлов предложил следующую классификацию правовых ценностей: правовые ценности как специфическое выражение ценностей общего характера (например, свобода, справедливость, законность); правовые ценности, определяющие сущность и содержание законов, регулирующих разные сферы жизнедеятельности общества (законность, легитимность и т. д.); институционализированные правовые ценности, то есть существующие в виде различных социальных институтов (адвокатура, суд, правоохранительные органы и т. д.).

Признавая тот факт, что классификация в определенной степени субъективна и отражает мировоззрение автора, предложим собственную краткую классификацию исследуемого феномена в отечественной правовой системе. В нашем понимании одним из возможных оснований классификации может служить уровень правового регулирования, в котором мы выделяем международно-правовые (внедренные в правовую систему путем общественного признания и/или легализации государством международных актов), конституционные, межотраслевые и отраслевые ценности. С учетом федеративного устройства нашего государства, а также имеющихся культурно-правовых особенностей в регионах возможно выделение федеративных (общегосударственных) и региональных правовых ценностей. Считаем, что в отечественной правовой культуре в ходе исторического развития сложилось понимание приоритета ценности государства над личными правами граждан. С учетом этой позиции можно классифицировать правовые ценности на государственные и связанные с правовым статусом личности.

В настоящей статье дан краткий теоретико-правовой анализ сущности правовых ценностей, представлена авторская классификация, а также определены некоторые проблемы, возникшие при формировании правовых ценностей в современной России. Правовые ценности, несомненно, оказывают ключевое воздействие на правовую систему. Поэтому для построения правового государства, преодоления проблем низкой правовой культуры и правового нигилизма необходимо дальнейшее более глубокое исследование проблем правовой аксиологии.

Г. П. Ермолович,

*профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук,
заслуженный юрист РФ*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ВАНДАЛИЗМ

Правовая культура и нравственные ценности — неразрывные понятия. Как справедливо указывается, «возрождение нравственности... представляет собой неперемный элемент высокой общей культуры...» С этим трудно поспорить, так же как и с утверждением, что правовая культура базируется на общей культуре человека.

Какова ситуация с правовой культурой в Санкт-Петербурге? Бытует мнение, что Санкт-Петербург — культурная столица Российской Федерации. Казалось бы, в данном случае нет повода для сомнения, и все

очевидно, но может быть это лишь расхожее утверждение, штамп, который набил всем оскомину?

Действительно, в Санкт-Петербурге огромное количество музеев, многие из которых имеют мировую славу. Ежегодно в нашем городе проходит много культурных мероприятий: концертов, фестивалей, выставок и т. д. Санкт-Петербург дал путевку в жизнь многим звездам театра, кино и телевидения, цирка и эстрады. Правительством города много делается для развития городской инфраструктуры (городской транспорт, кольцевая автодорога, новые развязки, Западный скоростной диаметр). Петербург — город парков, скверов, каналов и мостов — снискал мировую славу благодаря мировым шедеврам.

Из года в год, несмотря на санкции и другие препятствия, в Санкт-Петербурге фиксируется рост туристов как из России, так и иностранных граждан. Например, в 2015 году наш город посетили 6,5 млн человек.

В нашем городе проходит ежегодный Санкт-Петербургский международный культурный форум, на котором известные люди говорят о необходимости сохранять и преумножать богатства города. К данному форуму стараются приурочить значимые события в культурной жизни страны и объявить о начале очередной культурной акции или крупного инвестиционного проекта. Благодаря СМИ все события в нашем городе широко освещаются в стране и за рубежом. Возникают вопросы: «Дает ли нам повод называться культурной столицей России все то, что происходит в Петербурге? Только ли эти формальные сведения превозносят наш город? Неужели нет других критериев?».

Думается, что они должны быть. Степень воспитанности как части общей культуры надо оценивать изнутри. Следует посмотреть на наш город в целом и задать себе вопрос: «Все ли хорошо с культурой поведения в культурной столице?»

Объем статьи не позволяет поразмышлять над состоянием культуры в стране, поэтому ограничусь лишь тем, что выражу согласие с высказыванием директора Государственного музея городской скульптуры В. Тимофеева, который со страниц авторитетного еженедельника заявил, что «культура поведения общества сейчас находится на самом низком уровне...» Такие высказывания деятелей культуры, творческой интеллигенции, в том числе из среды петербуржцев, к сожалению, можно услышать все чаще. Наверно, на это есть причины.

Так, преподаватель истории в классической гимназии № 610 Лев Лурье отметил, что «наш город не является культурной столицей... наш город бедный». По поводу бедности Петербурга можно поспорить, хотя бы

потому, что городские бюджеты иных населенных пунктов (разумеется, не городов федерального значения) гораздо более скромные. Но приходится констатировать, что правительству не хватает средств, чтобы периодически обновлять фасады зданий, ремонтировать дороги, своевременно менять износившийся парк общественного транспорта.

В городе много зданий федерального значения, с мемориальными досками на стенах, то есть формально охраняющихся государством. Насколько хорошо в культурной столице охраняются памятники культуры? Положительный опыт — состояние зданий в центре города в европейских или азиатских городах (например, в Сингапуре, который, кстати, не называет себя культурной столицей).

В Санкт-Петербурге ситуация со строениями абсолютно противоположная. Конкретный пример: достаточно пройти от Невского проспекта по набережной канала Грибоедова до ул. Ломоносова и посмотреть на угловое здание. Десятилетиями это угловое здание не знало ремонта и покраски фасада. А сколько еще таких зданий в центре культурной столицы?!

Возможно, следует изменить ракурс и обратить внимание на жителей города и поискать в их среде примеры образцовой культуры и воспитания. Увы... Сейчас это редкость, дефицит. Думается, что образцом культуры могут служить только люди старшего поколения, так называемая старая питерская интеллигенция.

С каким усердием правительство города пытается собрать средства на поддержание «европейского» лица города, с таким отдельные представители культурной столицы ломают скамейки и декоративные ограды, вытаптывают газоны, гнут водосточные трубы, расклеивают объявления не только на столбах, но и на любой подходящей поверхности.

Как было бы красиво, если бы в городе остались стеклянные останочные павильоны общественного транспорта! Теперь же, спасаясь от вандалов, жители культурной столицы вместо стекол в павильонах любуются на решетки, напоминающие некоторым гражданам Петербурга «Кресты». Одно слова — Европа.

Каким красивым был второй выход из метро «Спортивная» на Васильевском острове, но недолго... в культурной столице отдельные ее представители быстро нарисовали граффити на гранитных плитах вокруг эскалатора на выходе из метро.

Наблюдая за подростком поколением, вдруг понимаешь, что в культурной столице у определенной части молодежи напрочь отсутствуют признаки элементарной культуры и воспитания. Молодые люди не понимают, что женщине надо уступить дорогу, в помещении мужчина дол-

жен снять головной убор, в общественном транспорте неприлично громко говорить по мобильному телефону, надо снять рюкзак со спины в час пик или огромную сумку с плеча и пр. Воткнув в уши наушники и закрывшись от внешнего мира, народ, вождедая заветное место, отталкивает выходящих из вагона пассажиров. Таким поведением далеко не исчерпываются примеры невежества и порой откровенного хамства, которое демонстрируют некоторые жители культурной столицы.

Может быть, эти и другие примеры имел в виду заместитель председателя Экономического совета при президенте России А. Кудрин, когда 16 июня 2016 года заявил, что наша культурная столица значительно уступает другим городам мира («Росбалт»)?

Что же делать в создавшейся ситуации? Готов ли Санкт-Петербург заимствовать признаки элементарной культуры из-за рубежа и внедрить их? Какие предпринимались попытки и что не прижилось в нашем городе высокой культуры?

Приведем некоторые примеры. Раздельный сбор мусора — пока безуспешный эксперимент, как и боксы с пакетами для уборки за животными. И так до бесконечности... не приживаются у нынешнего поколения жителей элементы культурного общежития. Как тут не вспомнить классиков с их вечными вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Самое простое — ничего не делать и по-прежнему называть себя культурной столицей, не задумываясь над содержанием данного словосочетания.

Однако, как равнодушный человек и петербуржец, который хочет жить в городе, не формально, а в действительности называемом культурной столицей, я предложил бы начать формирование культуры поведения граждан с семьи и воспитания. Потом, продолжая эту линию преемственности, ввел бы в школе предмет «Культура поведения человека». В некоторых школах начали знакомить учеников с «Основами религиозной культуры и светской этики», но полагаю, что в школе надо сделать акцент на воспитании и поведении именно современного человека.

Но беда в том, что родители сами порой не знают элементарных правил этикета, а значит, ничего не могут дать детям в плане их воспитания. Часто в вагоне метрополитена можно видеть, что мама стоит, а ее любимый сыночек сидит. Сделав же замечание подростку в культурной столице, будьте готовы к тому, что вас оскорбят (и хорошо, если только словесно).

Помочь родителям познать азы этикета могли бы школы для будущих родителей, где работали бы психологи, социальные педагоги, учителя,

преподающие такие предметы, как «Основы речевой коммуникации», «Этикет», «Эстетическое воспитание», «Сказкотерапия» и т. п.

Мне могут возразить, что введение новых предметов предполагает дополнительное финансирование. Однако не видеть упадка культуры и финансировать эту сферу государственной деятельности по остаточному принципу значит и дальше загонять ситуацию в тупик. Тогда мы по-прежнему будем плодить новых Митрофанушек, которые не имеют представления об элементарной культуре, и искать деньги на благоустройство, исправление и ремонт того, что остается после посещения отдельными представителями молодежи мест культуры и отдыха.

Следует говорить о правовой культуре с лицами, от чьих рук (только за 2015 г. 12 раз) пострадали кони Клодта на Аничковом мосту, или с тем, кто отломал часть шпаги на памятнике Кутузову на Невском проспекте. Тогда всем станет ясно, что повышать правовую культуру надо начинать с общей культуры горожан. Для этого необходимо изменить подходы к воспитанию подрастающего поколения нашего города. Молодых людей, которые понимают только «кнут», должна «воспитывать» полиция: фиксируя правонарушения на видеокамеры, установленные около памятников, «полюбившихся» вандалам, и задерживая правонарушителей. Ибо их удел — неотвратимость наказания.

Иначе мы постоянно будем искать средства на реставрацию грифонов на Банковском мосту и других шедевров, которые пострадали от бескультурья в культурной столице России. Человек не может стать взрослым, не пройдя стадию подростка, — нельзя обладать правовой культурой, не имея общей культуры.

Н. М. Ефиценко,

*старший преподаватель кафедры теории права
и правоохранительной деятельности СПбГУП*

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ АТРИБУТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РФ

В юридической литературе термин «механизм правовой культуры личности» исследуется как сложное социально-правовое явление, которое воздействует на сознание и поведение людей в сфере общественных отношений. Попутно отметим, что применяемый термин «механизм» не есть некое техническое образование, действующее по прави-

лам механики и техники, а структура факторов, формирующих правовую культуру личности.

В системе, определяющей механизм правовой культуры личности, следует выделить три важных элемента:

— социальную среду, в которой протекает жизнедеятельность личности;

— саму личность и ее особенности, на которые эта среда воздействует;

— определенную сумму правовых знаний, установок, ценностей, которую общество стремится передать для усвоения личности.

Социальная среда, как фактор механизма формирования правовой культуры личности, положительным образом проявляется в гражданском обществе, которое характеризуется развитыми экономическими, политическими, правовыми, культурными отношениями. Такой уровень отношений возможен в обществе, где его члены экономически независимы в силу их высокой материальной обеспеченности за счет владения собственностью. Экономическая независимость способствует получению хорошего образования, на основе которого формируется высокое сознание людей, ориентированных на созидание, духовность. Такая личность свободна и в социальном плане, она может существовать самостоятельно, имеет право на достаточно автономную самоорганизацию для удовлетворения своих потребностей и интересов (духовно-культурных, информационных, религиозных и т. д.). Политический аспект свободы личности в гражданском обществе заключается в его независимости от государства, то есть в возможности, например, быть членом политической партии или объединения, выступающего с критикой существующей государственной власти, в праве участвовать в выборах органов государственной власти местного самоуправления. Обеспеченной свобода считается тогда, когда личность через определенный механизм (суд и т. д.) может ограничивать своеволие государственных или иных структур в отношении себя.

Правовое поведение людей в гражданском обществе основывается прежде всего на их экономической самостоятельности и в своей деятельности руководствуется как нормами частного права, так и нормативно-правовыми предписаниями публичного характера.

Отметим, что экономическая самостоятельность людей в правовой сфере нашла свое отражение в наибольшей степени в частных отраслях права в виде основополагающих принципов:

— равенство участников гражданско-правовых, трудовых и семейно-правовых отношений;

- недопустимость вмешательства кого-либо в частные дела;
- свобода договора;
- неприкосновенность собственности;
- беспрепятственное осуществление своих прав;
- запрет на злоупотребление правом;
- самостоятельность и инициатива в приобретении, осуществлении и защите своих прав;
- восстановление прав и их судебная защита.

С правовой точки зрения гражданское общество, в котором формируется личность, представляет собой комплексное явление, регламентированное не только нормами субъективного права, но и моральными, религиозными, корпоративными установками, содержание которых определяется национальными традициями, уровнем развития демократии и культуры.

Таким образом, следует отметить, что условия социальной среды гражданского общества служат объективной предпосылкой формирования активной личности и уровня ее правовой культуры.

Наличие благоприятных условий для реализации прав и свобод личности в гражданском обществе безусловно, поскольку здесь важен такой субъективный факт, как уровень правового сознания самой личности, то есть насколько глубоко освоены ею правовые феномены (уровень прав и свобод человека, ценность правовой процедуры при решении споров, поиск компромиссов), насколько она информирована в правовом отношении, каково ее социальное, возрастное и профессиональное состояние, а также эмоциональное отношение к закону, суду, различным правоохранительным органам, юридическим средствам и процедурам, какова установка личности на соблюдение/несоблюдение правовых предписаний и т. д.

Имеет существенное значение и личностная характеристика субъекта, влияющая на эффективность правовой культуры. В частности, способность личности перенять опыт старших поколений, сформировать у себя такие качества, как психологическая защита, этический контроль, позволяющие противостоять воздействию на нее нормативно-правовых идей и установок. Именно принцип нормативности выступает всеобщей закономерностью бытия правовой культуры, так как без преемственности от поколения к поколению само представление о прогрессе оказывается пустым и бессодержательным.

На эффективность правовой культуры личности влияет полученное образование, посредством которого создаются социальные функции и статусы личности. Решающую роль играют нравственные и культур-

ные системы образования. Посредством образования реализуются две существенные задачи-функции. Во-первых, образование, осуществляя передачу определенной совокупности знаний, ценностей, моделей поведения новому поколению, обеспечивает стабильность и интегрированность самого общества. Во-вторых, образование формирует способность к изменениям, развитию, инновациям и обеспечивает общество социальным ресурсом. Образовательные функции способствуют адаптации личности и общества к новым условиям.

Из этого следует, что правовое поведение личности (образованной и наделенной нравственными началами) в гражданском обществе соответствует установкам правовой культуры. От такой личности в большей мере следует ожидать правомерного поведения, выполнения правовых предписаний действующего законодательства и уважения к правовым ценностям, сложившимся в обществе. Основу высокого уровня правовой культуры личности составляют ее духовные характеристики. Семья, где прививаются правила хорошего поведения, необходимые человеку в обществе нравственные установки (честь, неподкупность, скрытность, добросовестность, справедливость, терпение, совесть, доброта и т. д.), является залогом усвоения личностью всех аспектов правового сознания и, следовательно, уровня правовой культуры.

Итак, формирование механизма правовой культуры складывается в процессе взаимосвязи правовой личности и гражданского общества, для которого характерен важный экономический, политический и социальный потенциал, способствующий возникновению правового государства. В таком государстве господство (верховенство) права означает, что высшей формой выражения свободы людей должен быть закон — это объективно качественно повышает состояние правовой жизни общества в целом и отдельной личности в частности.

Именно оценка качества правовой жизни формирует понятие «правовая культура», где основными критериями выступают следующие уровни: развитие правового сознания, развитие правовой деятельности, развитие всей системы юридических актов. Личность, наделенная внешними аспектами правовой культуры, способствует становлению, развитию и тем самым совершенствованию гражданского общества в России.

З. Н. Каландаришвили,

*заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент*

**СМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
И СИСТЕМА МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЕМ МОЛОДЕЖИ**

В настоящее время средства массовой информации представляют собой важный элемент формирования правовой культуры молодых россиян. Следует констатировать, что сегодня в России происходит разрушение уважительного отношения к праву со стороны СМИ. Это проявляется в виде пропаганды агрессивного западного авангардизма как массовой культуры, насаждения идей пуританизма, безнравственности, рекламной агрессии и низкопоклонничества перед западными устоями жизни. Одним из проявлений правового бескультурья нередко является откровенное пренебрежение нормами права и незнание их журналистами. При подготовке телевизионных материалов и газетных публикаций авторы порой не удосуживаются лишней раз проверить соответствие своей информации букве закона. СМИ сегодня не всегда формируют положительные правовые установки. Их продукция является одним из основных источников информации о способах и методах совершения преступлений, что оказывает негативное воздействие на формирование правовой культуры молодежи. Обилие криминальных сводок порождает ощущение незащитности перед преступностью и неверие в эффективность работы правоохранительных органов, что в итоге приводит к деформации правовой культуры в молодежной среде.

Коммерциализация СМИ определяет характер информации, ее освобождение от примата общественных интересов. Это создает серьезные информационно-коммуникативные риски для нравственного здоровья молодежи. Сегодня крайне необходима государственная информационная политика, которая ныне отсутствует. Между тем никто не освобождал государство от ответственности духовного развития молодежи — это незаменимый компонент социального и человеческого капитала российского общества, важная предпосылка его эволюционного развития.

Современные СМИ занимают в жизни молодых людей огромное место, имеют значительный правосоциализующий потенциал и оказывают влияние на формирование правового сознания и правовой культуры молодежи. Однако, учитывая их огромную способность эмоционального воздействия на молодежь, сегодня необходимо предъявлять высокие требования к уровню социальной ответственности СМИ.

В настоящее время исследователи отмечают, что первое место среди СМИ занимают телевидение и Интернет, оказывающие наибольшее воздействие на процесс формирования первичной правовой культуры личности.

Молодежь должна иметь доступ к средствам массовой информации, особенно к таким, которые содействуют их духовному и правовому совершенствованию, здоровому физическому и психическому развитию. Если информация и материалы отрицают эти ценности, то право на доступ к ним подлежит ограничению. В настоящее время лишь закладываются основы законодательного закрепления прав и интересов подрастающего поколения в области средств массовой информации. Задача заключается в том, чтобы разработать комплекс нормативных актов, предусматривающих защиту интересов молодежи в области средств массовой информации.

Воздействие СМИ на подрастающее поколение многообразно. Важнейшая функция массовой культуры — это включение личности в систему общественных отношений. СМИ не только дают знание о действительности, но и должны формировать внутренний мир личности: они обладают большими возможностями в воздействии на разум и чувства личности. Практика показывает, что СМИ способны служить разным целям: просвещать молодежь, развивать у них чувство собственного достоинства, помогать совершенствоваться духовно и нравственно.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в российском обществе существует феномен взаимного правового нигилизма власти, общества и СМИ. Сложившаяся ситуация по-настоящему невыгодна ни одной из сторон, и только осознание общности интересов поможет разрешить эту проблему.

Говоря о новейших средствах, формирующих правовую культуру молодежи, нельзя не упомянуть Интернет, который, возникнув как средство связи для узкого круга специалистов, быстро превратился в массовое социальное явление. Сегодня формирование правовой культуры личности в условиях становления информационного общества происходит в том числе и при помощи Интернета. Всемирная сеть выступает мощным агентом правовой культуры, с ее помощью можно воспитывать уважение к праву, обеспечивать социально активное поведение молодой личности. Символическое содержание, представленное в Интернете, оказывает глубокое воздействие на процесс правовой культуры. Немаловажной представляется роль Интернета при получении дистанционного образования юридической направленности. Всемирная сеть, представляя собой саморегулирующуюся среду, способствует выработке

у пользователя таких ценных для правовой культуры качеств, как самоконтроль, саморегуляция поведения в Сети, усвоение общих для всех правил пользования.

Таким образом, в современном российском обществе СМИ выступают важным средством формирования правовой культуры и системой манипулирования правосознанием молодежи.

И. И. Калинина,

*старший преподаватель кафедры теории права
и правоохранительной деятельности СПбГУП*

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня в Российской Федерации становление позитивного уровня процесса правовой культуры личности довольно затруднительно без системы правового воспитания. Понятие правового воспитания в научной литературе имеет неоднозначную трактовку. Социологи считают, что данная деятельность представляет собой особый вид социальной работы. По мнению политологов, это вид идеологического воздействия на правосознание личности, которое, в свою очередь, направлено на восприятие образа жизни, поддерживаемого в государстве. Юристы указывают на правовой аспект понятия правового воспитания, где под правовым воспитанием понимается особый вид юридической практики, связанный со становлением в России правовой государственности.

Для того чтобы разобраться в сущности вопроса о правовом воспитании в российском обществе, необходимо рассмотреть существующие подходы к этому явлению.

Е. В. Татаринцева считает, что «правовое воспитание — это длящийся в пространстве и во времени процесс. В этом процессе участвуют все граждане в течение своей жизни в качестве воспитуемых и воспитателей — в зависимости от исполняемых ролей. Поэтому состояние правовой воспитанности, достигнутое любым субъектом, — только момент этого процесса, а деятельность по правовому воспитанию — необходимая, важная сторона этого процесса».

А. И. Долгова полагает, что «правовое воспитание — это организованное, систематическое и целенаправленное воздействие на личность, формирующее правосознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения».

Т. И. Акимова разделяет мнение о том, что «правовое воспитание представляет собой целенаправленное, организованное и систематическое воздействие на личность, формирующее правосознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения и правовую культуру».

По мысли В. К. Бабаева, «правовое воспитание есть планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию граждан Российской Федерации всей совокупности многообразных правовоспитательных форм, средств и методов, имеющихся в арсенале современной правовой деятельности, с целью формирования в их правосознании глубоких и устойчивых правовых знаний, убеждений, потребностей, ценностей, привычек правомерного поведения».

А. А. Кваша определяет правовое воспитание через его составные элементы, полагая, что оно «состоит в передаче, накоплении и усвоении знаний принципов и норм права, а также в формировании соответствующего отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности. Отсюда необходимость в осознанном усвоении основных, нужных положений законодательства, выработке чувства глубокого уважения к праву. Полученные знания должны превратиться в личное убеждение, прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем — во внутреннюю потребность соблюдать закон».

Одним из современных подходов является понимание правового воспитания в двух аспектах — в узком и широком смыслах его значения.

Так, по утверждению З. Н. Каландаришвили, «в узком понимании правовое воспитание — это систематический, целенаправленный, управляемый педагогический процесс воздействия на правосознание индивидов с целью формирования у них глубоких и устойчивых правовых представлений, знаний и убеждений, необходимых для успешного конструирования правовой культуры личности. В широком же понимании правовое воспитание — это весь многогранный процесс формирования правовой культуры и правовой социализации личности под влиянием общественно-политических, социально-экономических и иных факторов, происходящих в современном обществе».

По мысли автора, правовое воспитание — это систематический, многоаспектный и всеобъемлющий педагогический процесс правовоспитательной работы, направленный на позитивное формирование правовой социализации личности путем выработки правового способа мышления,

основанного на правовых знаниях, ценностях и законопослушании индивида.

Следует выделить следующие организационные формы правового воспитания личности:

- 1) правовое просвещение или правовое образование как сообщение, распространение системы правовых знаний и ценностей;
- 2) правовая пропаганда как деятельность по распространению правовой идеологии;
- 3) вовлечение индивидов в правоохранительную и правоприменительную практику;
- 4) индивидуальная правовоспитательная работа, представляющая собой комплексное воздействие с учетом индивидуальных особенностей личности и условий ее жизни и воспитания.

Большую роль в процессе правового воспитания играют такие пропагандистские средства, как:

- массовые формы устной пропаганды, обеспечивающие систему в получении определенных знаний и понятий (лектории, циклы лекций, проведение устных журналов, профессиональные клубы);
- разовые формы устной пропаганды и агитации (лекции, беседы, встречи за круглым столом, диспуты и т. п.);
- формы, использующие средства массовой информации и пропаганды (печать, радио, телевидение, интернет-ресурсы);
- формы, использующие средства наглядной агитации и пропаганды (фотовитрины, плакаты, стенды и т. п.).

Мы считаем, что сегодня правовое воспитание является важным способом формирования позитивного уровня правовой культуры. Оно должно быть направлено на цельное, систематическое формирование всех основных компонентов правовой культуры: рационально-идеологических, психологических, поведенческих. При формировании познавательных элементов правовой культуры необходимо учитывать особенности реальной применимости права и готовность субъектов массового правового сознания к правильному использованию юридических средств в реальной практической деятельности.

С. А. Маркова-Мурашова,

*профессор кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар),
доктор юридических наук*

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Уровень правовой культуры общества связан с наличием в обществе условий для развития правовой науки и достаточного количества и качества юридических заведений, способных подготовить высококвалифицированных специалистов в сфере права. Однако в XXI веке, в условиях разнообразия высших и средних учебных заведений, сохраняется дефицит квалифицированных юристов, что не может не тревожить общество и государство. Любое явление по своей сути представляет органичное единство прошлого, настоящего и будущего, поэтому необходимо оглянуться на прошлое и попытаться заглянуть в будущее. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к истории становления юридического образования в России, которое в полной мере началось лишь с конца XVIII века. Оно прежде всего связано с основанием в 1755 году по инициативе М. В. Ломоносова первого в России университета (в Москве).

Справедливости ради надо отметить, что и до этого юриспруденцию пытались преподавать в разных учреждениях. Важность этой науки уже осознавалась российскими правителями. Петру I, например, принадлежала идея организации школ, в которых молодые люди могли получить практические юридические навыки. Еще в 1719 году он организовал специальную школу для обучения военных аудиторов.

Коллегиальные школы для так называемых юнкеров были учреждены при всех коллегиях на основании Регламента (гл. XXXIV). В 1720 году они состояли из небольшого числа молодых людей при каждой коллегии (4–8 человек) под общим наблюдением генерал-прокурора, а учителями юнкеров были секретари, которые были обязаны заставлять молодых дворян обучаться письму и арифметике и знакомить их с законами и порядком делопроизводства.

При Елизавете Петровне были созданы две дворянские юнкерские школы — при Сенате в Петербурге и Москве. В эти школы были определены все обучающиеся при коллегиях. В 1731 году в Петербурге был учрежден Кадетский корпус, программа обучения в котором предусматривала и юриспруденцию.

Об уровне и качестве преподавания права в указанных учебных заведениях писал профессор Московского университета С. Е. Десницкий, отмечая «общепользность и надобность» отечественного законоведения. В частности, он констатировал, что имеющиеся учебные заведения «укоснели» и в них не обучают российским правам, что изучение юриспруденции производится без плана и системы, то есть осуществлялось только практическое изучение указов и делопроизводства.

В силу этих причин мы отмечаем, что развитие юридического образования и русского правоведения в России начинается лишь с М. В. Ломоносова, внесшего значительный вклад в развитие русской науки не только созданием университета, но и своими научными трудами.

Однако говорить о соответствующем потребностям государства и общества уровне юридического образования, которое могло бы сформировать юристов, мыслящих во благо российского народа и создающих законы, созвучные народному менталитету, в этот период времени пока не приходится по многим причинам. Так, с момента открытия юридического факультета в течение длительного времени лекции по всем юридическим дисциплинам читал один профессор-иностранец Ф. Г. Дильтей. Декан философского факультета Московского университета и инспектор университетской гимназии Н. Н. Поповский сразу разгадал среди профессоров-иностранцев, приглашенных И. И. Шуваловым, невежду и карьериста Ф. Г. Дильтея. Естественно, что при таких обстоятельствах у обучающихся праву не мог сложиться соответствующий российским реалиям правовой менталитет.

В 1767 году Екатерина II, ознакомившись с состоянием дел в университете, приняла решение, чтобы лекции нашим студентам читались на русском языке русскими профессорами. Но лишь в начале XIX века по ряду причин царское правительство вынуждено было обратить особое внимание на вопросы образования и просвещения. Постепенно были организованы шесть университетов: Московский, Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский и Петербургский.

Какими бы трудностями ни сопровождалось становление юридического образования в России, процесс уже начался и его нельзя было остановить. Наиболее прогрессивные представители господствующего класса понимали необходимость воспитания российских ученых в области права, просвещения всего народа и улучшения системы образования.

В связи с этим нельзя не отметить деятельность М. М. Сперанского, который с горечью отмечал, что если бы даже в России и была «система “добрых законов”», то скоро привести ее в действие нельзя было бы,

потому что для соблюдения законности и для того, чтобы суды выносили справедливые решения, кроме хороших законов, нужны не только образованные судьи, но и просвещенная публика, искусные законоведцы, знающие стряпчие и методическое сей части учение; без чего самая лучшая система судоведения произведет одно только вредное действие. В России ничего этого нет, так же как нет установлений, в коих юношество наше образуется сей части».

Прежде всего М. Сперанский стремился устранить главный недостаток юридических факультетов, на который обращали внимание и ранее, — чтение лекций иностранцами, не знавшими русского языка и права. Он добивался создания необходимых условий для обучения русских профессоров. Благодаря активной деятельности М. Сперанского за довольно короткий срок были подготовлены двенадцать русских профессоров и тем самым была основана система обучения специалистов высшей категории для русских университетов. С этого времени произошел решительный переворот в преподавании, содержании и направлении юридических наук в наших университетах и других учебных заведениях.

Таким образом, обратившись к исследованию данного вопроса в исторической ретроспективе, мы увидели, что лишь к концу XIX века, преодолевая трудности идеологического, политического и культурного характера, юридическое образование в России достигло необходимого уровня, что позволило подготовить сотни ученых, многие из которых приобрели мировую известность, создали научные труды на уровне западноевропейской мысли и даже опережавшие ее. К такому уровню образования и образованности и сегодня нужно стремиться.

Однако в XXI веке перед обществом и государством с особой актуальностью встали те же проблемы, что и в XVIII–XIX веках: отсутствие ясных законов, юристов высокой квалификации и правовой культуры в обществе. Поэтому до сих пор слова русского просветителя В. Ф. Малиновского (1765–1814) о том, что «России не хватает достойных людей, законов, просвещения и правосудия», звучат не менее актуально.

Ситуация повторилась в силу причин разного характера. Одна из них — трудная судьба Российского государства и народа: революции, войны, кризисы политического, экономического, межэтнического характера, вне всякого сомнения, требовали интеллектуальных и физических ресурсов общества. Кроме того, XX век оказался самым жестоким из всех известных истории, достижения науки и техники использовались в военных целях. Но нельзя сбрасывать со счетов и многоплановые процессы, охватывающие все стороны жизни современного общества

и государства, возрастающий уровень техники и науки, которые вывели государственные и общественные отношения на совершенно иной уровень развития, требующий законов и специалистов совершенно иного качества и свойства.

А. С. Машкова,

магистрант II курса юридического факультета СПбГУП

СМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И СИСТЕМА МАНИПУЛИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЕМ

Средства массовой информации, целенаправленно транслируя информацию, являются одним из факторов формирования личности и гражданского общества, поскольку представляют собой важнейшее средство распространения основных демократических идей и принципов, правовых норм жизни общества.

В современных условиях СМИ оказывают существенное влияние на духовную жизнь общества, процесс социализации, становление правосознания. Информация выступает в роли системообразующего фактора воздействия на правосознание и правовую культуру личности, являясь важным условием формирования ценностно-правовых ориентаций, особенно подрастающего поколения. Информационный фактор выполняет первостепенную роль в правовом пространстве. Это обусловлено стремительным развитием информационных систем, воздействующих как на индивидуальное, так и на массовое правосознание. СМИ способствуют выбору юридически значимого поведения.

Через средства массовой информации человек получает от государства и общества значительную часть необходимого познавательного материала, который нужен ему для становления как гражданина и развития гражданского общества.

В демократических государствах у граждан существует потребность в доступе к информации, что обуславливает важную роль СМИ в жизни общества не только как объекта информационной политики, но и как ее субъекта. Вместе с тем гражданское общество — открытое общество в плане обеспечения доступа к широкой и разносторонней информации. Трудно представить себе какую-либо его сферу без информационных отношений. Эти отношения могут складываться как непосредственно в общении граждан друг с другом, так и через печатные СМИ, Интернет, телевидение, радио. СМИ оказывает суще-

ственное влияние на формирование правосознания граждан. Важную роль СМИ в пропаганде правовых знаний отводят печатной правовой пропаганде, одной из сторон которой является выпуск юридической литературы (научной, популярной, комментариев действующего законодательства). В определенном смысле СМИ являются носителем общественного правосознания и средством его внедрения в индивидуальное правосознание. СМИ, выступая как один из идеальных духовных компонентов социальной среды, связывают индивидуальное правосознание с общественным бытием, причем эта связь носит опосредованный характер.

М. Е. Михайлова,

аспирантка кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Культура представляет собой неоднородный организм, одной из частей которого является право. Будучи неотъемлемой частью культуры, право отличается от других сфер культуры, что позволяет сопоставить понятия культуры и права. Право, как часть культуры, сущностно выделяется из иных сфер культуры такими признаками, как стремление к предельной рациональности общественной жизни и отношений между людьми, ограничение свободы человека, относительная неустойчивость и изменяемость по сравнению с другими сферами культуры, зависимость права от социально-политической ситуации в стране. Источниками права являются миф, обычай, нравственность и культурная традиция, то есть в основе сфер культуры лежит чувственное восприятие мира. Это дает основания говорить о возможности противоречия и конфликта между ними (как источнике права) и самим правом как системой, стремящейся к рациональной организации общественного бытия. Кроме того, под правовой культурой также понимают определенное нормативное отношение к процедурам принятия решений и правилам поведения, закрепленным в законодательстве. Это отношение присуще группе людей, которые разделяют друг с другом в рамках единого социокультурного символизма общее видение смысла «правовой игры», в которую они так или иначе вовлечены. У каждого культурно интегрированного сообщества, обладающего правовыми притязаниями, — своя правовая культура, которая существует только в контексте социального взаимодействия.

Согласно общепринятому определению (отраженному в энциклопедиях и словарях), правовой нигилизм представляет собой скептическое и отрицательное отношение к праву, законам, нормативному порядку. Правовой нигилизм есть отрицание ценности права, его роли как регулятора общественных отношений. Это отрицание может проявляться в различных формах — от безразличного отношения к праву, недооценки его значимости до полного отрицания роли права. Можно выделить три уровня проявления правового нигилизма в российской культуре: теоретический, идеологический, духовный.

На теоретическом уровне правовой нигилизм проявился в господстве позитивизма в отечественном правоведении. В позитивистской концепции право отождествлялось с системой законов, понималось как совокупность норм, устанавливаемых и охраняемых властью государства. Признавалось, что любой закон, принятый государством, носит правовой характер, поскольку в нем выражается суверенная воля законодателя. В итоге это вело к формированию правосознания, в котором в правовой норме начинали видеть не правовое убеждение, основанное на ценностях свободы, равенства, справедливости, идее естественных прав человека, а лишь внешнее правило. Общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX века способствовала формированию радикального течения, представленного народничеством и марксизмом, которое было настроено нигилистически по отношению к праву. Сформировалось специфическое народническое правопонимание, разделяемое определенной частью российского общества, с такими характерными чертами, как уравнительная справедливость, подчинение идеи личности идее равенства, приоритет принципа «Благо народа — высший закон», что способствовало выработыванию убеждения о необходимости отказаться от прав человека в интересах блага народа.

Правовой нигилизм в отечественном правосознании имел и духовные основания, проявившиеся в антиправовом нигилизме. Русская народная правовая ментальность основывалась на иных, нежели западная, ценностях. Здесь главным мерилom выступал критерий правды. Правда в российской ментальности ассоциируется прежде всего со справедливым, милосердным судом. Традиционное русское правосознание базировалось на представлении о едином значении понятий «правда» и «закон». Поступать по праву — значит поступать по правде, по совести. Стойкое неприятие формального исполнения права проявлялось в том, что справедливость не связывалась с законностью, а подменялась внутренней убежденностью в правоте. Поэтому национальное правосознание ориентировалось на такую справедливость, которая почиталась вы-

ше права и закона, то есть носила ярко выраженный нравственный характер.

В настоящее время можно выделить следующие специфические черты правового нигилизма в российском обществе:

— проявления правового нигилизма имеют демонстративный, конфронтационно-агрессивный характер;

— правовой нигилизм является глобальным, массовым, широко распространен не только среди граждан и социальных групп, но и в официальных государственных структурах;

— в современной России существует в многообразных формах — от криминальных до легальных;

— зачастую сливается с политическим, нравственным, духовным и экономическим нигилизмом, образуя вместе единый деструктивный процесс;

— в современном российском обществе активно развиваются «новые» формы правового нигилизма. Так, многочисленные примеры нигилистических новшеств дают современные выборные кампании (перенос сроков выборов при одновременном сокращении срока полномочий выборного лица, назначение очередных выборов, изменение избирательной системы и т. д.).

Устранение правового нигилизма из отечественной культуры предполагает формирование правосознания, которое синтезирует опыт мирового либерального философско-правового наследия и ценности национальной культуры, в которой неизбежно присутствует нравственная оценка правовых норм. На идеологическом уровне необходимо принятие политических программ консервативного и социального либерализма. В них либеральная идея, без которой не существует идеи правовой личности и нормального правосознания в обществе, должна получить глубокое обоснование в соединении с ценностями консерватизма и социализма. На духовном уровне необходимо оздоровление национального правосознания, и в этом процессе огромную роль должна сыграть религия.

К. И. Музыкаченко,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК ФАКТОР ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Правовая культура в правовом государстве является достаточно важным качественным понятием, дающим возможность оценить качества правовой сферы развития общества, сравнить их с развитыми правовыми образцами, идеалами, ценностями.

Правовая культура в обществе формируется не за один день или в связи с конкретным событием, этот процесс может занимать не один десяток лет. При формировании правовой культуры важное значение имеет ценность прав и свобод человека (насколько ценны эти понятия для личности и государства). Также немаловажными факторами являются информированность населения о правовой составляющей жизни государства, их отношение к власти, суду, закону. Невозможно представить правовую культуру лишь как отношение всего общества к праву в целом. Одной из составляющих понятия правовой культуры выступает уровень правовой деятельности общества: деятельность практикующих юристов, образовательная деятельность в учебных заведениях, правотворческая деятельность государственных органов.

Однако стоит различать такие важные понятия, как правовая культура общества и правовая культура личности.

В монографии З. Н. Каландаришвили «Правовая культура как элемент системы правового поведения личности» правовая культура определяется как часть культуры в целом, а потому, безусловно, она подпадает под действие общекультурных закономерностей и процессов.

Правовая культура личности, будучи компонентом правовой культуры общества и зависимой от нее величиной, отражает степень и характер ее развития, так или иначе обеспечивающего социализацию личности и правомерную деятельность индивида. Эта деятельность способна соответствовать прогрессивным движениям общества и его культуры в сфере права, благодаря чему происходит постоянное правовое обогащение как самой личности, так и общества. Правовая культура граничит с образованностью человека, имеет общие черты и отличительные свойства, характеризующие правосознание личности, зависит от правового воспитания.

Таким образом, правовая культура личности — необходимая предпосылка и созидательное начало правового состояния общества, его цель и составная часть, но вместе с тем степень и характер правового разви-

тия самой личности, которые находят выражение в уровне ее правомерной деятельности. Будучи в определенной степени обусловленной правовым состоянием общества, она лежит в его основании, образуя целостное ядро.

Изучение правовой культуры общества играет важную роль в деятельности государства. Она позволяет выделить правовые идеалы и ценности в обществе, к которым должны стремиться в своей деятельности государственные органы. Оценив реальное состояние правовой культуры общества в целом, государство ищет наиболее продуктивные методы взаимодействия с обществом.

Возникает закономерный вопрос: какими способами можно познать уровень правовой культуры общества? Одним из способов является изучение нормативно-правовых актов в контексте определенной сферы общественных отношений в определенный период времени. Методы социологических опросов и исследований также дают возможность изучить правовую культуру общества.

В научной сфере проблеме правового нигилизма уделено немного внимания, однако ее изучение в настоящее время необходимо, так как это явление напрямую связано с обществом, сознанием людей, отношением общества и индивида к праву. Поэтому данное явление необходимо осознать, понять его суть и влияние. Правовой нигилизм ведет к полному неприятию законов, пренебрежению законом, что является препятствием на пути построения правового государства, к которому мы стремимся.

Что представляет собой правовой нигилизм? Нигилизм в общем понимании означает негативное отношение, неприятие субъектом каких-либо ценностей, взглядов, норм общества. Это одна из форм социального поведения. Нигилизм может проявляться в любых сферах жизни общества, выделяют идеологический, политический, правовой нигилизм и т. д.

Однако следует определить причину отрицания, что позволит отличить отрицание от нигилизма. Н. И. Матузов по этому поводу писал: когда нигилизм становится естественным (объективным) отрицанием старого, консервативного, реакционного, он перестает быть нигилизмом. К примеру, отрицание многих мрачных и даже трагических страниц из нашего недавнего прошлого, прежде всего в государственной и политико-правовой сфере жизни общества, справедливо и оправданно, так как представляет собой неизбежный процесс обновления.

Нигилизм отличает именно деструктивная направленность. Характерными чертами нигилизма являются интенсивность, уверенность

отрицания, а вовсе не объект отрицания, так как он может быть каким угодно. Нигилизм — явление субъективное, индивидуальное, ему приуще преувеличенное сомнение в фактах, нормах, принципах.

Чаще всего нигилизм возникает в том или ином государстве в период нестабильной ситуации, когда многое переоценивается и переосмысливается.

В заключение можно сделать вывод, что если правовая культура рассматривается как состояние правосознания, законности, совершенства законодательства в рамках представления отдельного индивида или общества, то правовой нигилизм представляет собой непризнание права как социальной ценности и проявляется в негативном отношении к праву, закону, правопорядку, в неверии в необходимость права, его возможности, общественную полезность, то есть правовой нигилизм — самый низкий уровень правовой культуры общества.

В. А. Носкова,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

СМИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня правовое просвещение населения России является актуальной проблемой, что неоднократно отмечалось руководством страны. «Главное в правовом государстве — это уровень правовой культуры граждан, их готовность следовать закону и видеть в этом свой непосредственный интерес», — сказал в одной из своих предвыборных речей в 2008 году Председатель Правительства РФ (в прошлом — президент России) Д. А. Медведев. Для повышения этого уровня необходимо наладить систему правового просвещения так, чтобы к ней были подключены школы, клубы и, конечно же, СМИ.

Данная проблема, несомненно, заслуживает внимания. Правовое просвещение населения должно быть выстроено в систему, в рамках которой функционируют различные субъекты, ориентированные на повышение уровня правовой культуры населения в целом. При этом данные субъекты для решения задач, стоящих перед ними, должны пользоваться всевозможными инструментами.

Большинство исследователей сходятся во мнении относительно того, какие субъекты осуществляют правовое просвещение населения на современном этапе. «Можно заметить во многих случаях наличие специальных социальных институтов и организаций, которые, поми-

мо прочего, выполняют функцию правового воспитания: это может быть семья, школа, вуз, СМИ, церковь. Стоит признать, что в правовом воспитании важным субъектом выступает государство», — отмечает Е. А. Певцова.

С ней согласна исследователь Е. Е. Гришнова, которая в своей монографии «Правовая культура в политическом пространстве» выделяет ряд субъектов формирования правовой культуры населения. Руководствуясь критерием эффективности деятельности, она определяет государство как базовый субъект формирования правовой культуры. Оно обладает наибольшими возможностями влиять на общество. «Далее, на наш взгляд, — пишет исследовательница, — следует семья, остающаяся, несмотря на многие социальные трансформации, основной ячейкой общества и в наименьшей степени подверженная политическому влиянию государства. И лишь затем следуют учебные заведения, СМИ и общественные организации. В настоящее время в российском обществе довольно широко распространено мнение о том, что именно СМИ формируют многие мнения, привычки, традиции, образцы поведения и т. д. С этим трудно не согласиться, поскольку данные многочисленных социологических опросов подтверждают именно такую тенденцию».

На мой взгляд, необходимо обосновать особую роль СМИ как субъекта такого рода деятельности, который осуществляет правовое просвещение населения по своей инициативе и за счет собственных средств. Итак, особая роль СМИ заключается в следующем.

Только СМИ (из всех вышеперечисленных субъектов формирования правовой культуры населения) сопровождают человека на протяжении всей сознательной жизни. Иначе говоря, СМИ формируют правовую культуру населения непрерывно, в то время как другие субъекты воздействуют на человека срочно, периодически или нерегулярно. Например, учебные заведения формируют правовую культуру воспитанников только в период обучения. Общественные организации осуществляют подобную работу нерегулярно, а именно во время проведения специальных акций, кампаний, проектов и т. п. Государство часто заинтересовано в информировании граждан не обо всех правовых установлениях. Например, иногда выгодно умолчать об информации, способной вызвать критику или связанной с предоставлением населению льгот по их заявке. То есть замалчивание может обернуться некой экономией бюджетных средств. К примеру, по некоторым данным, Министерство экономического развития РФ сознательно не информирует граждан о ходе бюджетной реформы и принимаемых в этой сфере подзаконных актах.

Исключительно СМИ способны проводить, так скажем, правовую «профилактику», то есть информировать граждан о правовых установлениях и тем самым формулировать их правовые проблемы и запросы. Так, гражданин может не знать о том, что для оформления наследства ему необходимо в течение полугода после смерти наследодателя обратиться к нотариусу (в соответствии со ст. 1154 ГК РФ). Если этого не сделать, сроки принятия наследства нужно будет восстанавливать в судебном порядке. В силу того что гражданин не знает о данной норме, он самостоятельно не формулирует вопрос: «Когда я должен обратиться к нотариусу?». Таким образом, гражданин сам не инициирует обращение к нотариусу или адвокату, в юридическую контору или общественную организацию либо к иным субъектам правового просвещения граждан. Только СМИ в подобной ситуации могут проинформировать гражданина о том, что пропуск срока, установленного законом для принятия наследства, способен повлечь неблагоприятные для него последствия.

Деятельность СМИ как субъекта формирования правовой культуры носит созидательный характер. Журналисты часто занимаются критикой законодательства, подзаконных актов, практики их применения и т. п. Преподносимую ими информацию можно и необходимо использовать для усовершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности.

Характеристику СМИ как особого субъекта правового просвещения граждан можно дополнить сравнением СМИ и государства, которое, как уже отмечалось ранее, является базовым субъектом формирования правовой культуры населения.

В распоряжении у государства имеются огромные ресурсы для осуществления правового просвещения граждан, как административные, так и финансовые. Наиболее важный инструмент государства в данной сфере — государственные СМИ.

Правовое просвещение населения, например, осуществляется через государственные печатные органы: «Российскую газету» (которая имеет вкладку «Юридическая неделя»), журнал «Юристы спешат на помощь», «Парламентскую газету» и другие издания. Специально в целях правового просвещения населения по инициативе Ассоциации юристов России при поддержке председателя ее попечительского совета Д. А. Медведева был создан канал «Закон ТВ», который вещает на платформе спутниковой телекомпании «НТВ плюс». На государственном «Радио России» в вечернем эфире периодически выходит программа «Право на защиту», «Радио России» и правозащитное

движение «Соппротивление» представляют программу о социальной правовой защите, позволяющую людям, оказавшимся в сложной ситуации, узнать, к кому и за какой помощью можно и нужно обращаться в каждом конкретном случае.

Ж. Ч. Салимбаева,

*доцент кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
кандидат юридических наук*

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ

Смертная казнь — мера наказания, которая предусматривается почти во всех странах мира и применяется с древних времен. В процессе исторического развития человеческой цивилизации менялись отношение и подход к смертной казни. Так, в «Законах Хаммурапи» «основным видом наказания являлась смертная казнь в самых различных вариантах: сожжение, утопление, посажение на кол». Как видим, применялась простая смертная казнь (повешение) и квалифицированная (сожжение, посажение на кол). В Средние века, в период инквизиции, виды квалифицированной смертной казни увеличились. В Новое время в Европе постепенно отказались от применения квалифицированной смертной казни. В Новейшее время в ряде государств отменили смертную казнь или государство объявило мораторий на смертную казнь. На современном этапе вопрос о применении смертной казни — «за», «против», «ограничение» — вызвал большой резонанс. Отношение к смертной казни различно и определяется тем, кто понесет наказание, и тем, кто является потерпевшим, и их родственниками. Общество в целом также высказывает различные мнения относительно смертной казни.

При глубоком изучении мнений о применении смертной казни становится очевидным, что ход мышления определяется утвердившимися стереотипами отдельной группы людей. То есть в различных государствах отношение к смертной казни представляет собой отражение традиций, сложившегося социального восприятия, которое формирует правовую традицию. «Правовая традиция — это глубоко укоренившееся сознание людей и исторически обусловленное их отношение к роли права, природе права и политической идеологии, а также к организации и функционированию правовой системы».

В основу правовой системы положены ценности, которые формируют правопонимание, правоотношения. Например, дальневосточная правовая система базируется на ценностях философских учений

(даосизм, конфуцианство, легизм), появившихся как ответ на кризис, «который усилился в Китае при поздних представителях династии Чжоу». Шан Ян (390–338 гг. до н. э.) констатирует, что народ распустился, стремится к удовольствиям, забывает свое основное занятие — земледелие — и предается побочным занятиям, доходы от которых не поступают в казну. В результате государство движется к упадку. В конце III века до н. э., в период государственных реформ Цинь Шихуанди, легизм утвердил жестокость мер, «вплоть до уничтожения всех родственников преступника по трем линиям родства — отца, матери и жены — за особо тяжкие виды преступления». Смертная казнь была закреплена в Уголовном кодексе династии Тан в виде удавления или обезглавливания. По кодексу Тан наказывались 233 вида преступления. В КНР и сейчас допускается смертная казнь за 46 преступлений. Таким образом, жесткость мер наказания рассматривается не только как кара, но и как гарант стабильного и благополучного развития государства, соблюдения народом своих обязанностей и успеха в проведении государственных реформ в Китае.

Романо-германская правовая система формировалась на основе римского частного права, канонического права, на принципах легализма и пуританизма, с учетом становления правового государства под влиянием философии естественного права. Все это сформировало правосопонимание, что жизнь человека — самое ценное и дарована Богом. Поэтому никто не имеет права лишать жизни. Отныне право каждого на жизнь и запрет на лишение жизни — международный стандарт по защите прав человека, который закреплён в международных договорах и конституциях большинства государств. Заповедь «Не убий» стала одним из ключевых оснований для отказа от применения смертной казни в Западной Европе. Это правосопонимание, вернее, результат длительных исследований философов эпохи Просвещения, было воспринято государствами Европы, странами на постсоветском пространстве, государствами, принявшими конституции во второй половине XX века.

Казалось бы, религиозные правовые системы должны также отстаивать отказ от смертной казни. Например, в индусской правовой системе ценностью является жизнь любого живого существа независимо от того, в каком теле она находится. Поэтому считается, что заповедь «Не убий» распространяется не только на человека, но и на любое животное (придается совершение убийства ради собственного насыщения). Но почему Веды предусматривают смертную казнь? Ценность ведической культуры заключается в том, чтобы человек за свою жизнь смог осознать истинное предназначение. Первый урок, который он должен вынести: те-

ло смертно, а душа вечна. Душа продолжает жить и после смерти тела. В любой религии человек держит ответ за свои поступки после смерти. «Тот, кто много грешил, обязательно должен наложить на себя покаяние, которое на санскрите называется прайашчитта. Иначе он немедленно попадает на планеты ада, где будет страдать за свои прегрешения». Смертная казнь в ведической культуре — не просто наказание, а возможность не перенести тяжкую карму в следующую жизнь. «Деятельность живого существа определяет условия, в которых оно окажется в следующей жизни. Завершив очередной этап деятельности, оно встречает смерть, чтобы затем опять родиться и начать новый этап своей деятельности». В этом круговороте рождения и смерти живое существо должно очиститься, чтобы достичь состояния преданного служения Богу.

З. А. Сиябаева,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЙ ХАОС

С принятием 12 декабря 1993 года Конституции Россия, как демократическое правовое государство, многого достигла в сфере правовой культуры. Мы имеем устойчивый государственный аппарат, органы правосудия, учреждения, институты образования, работающие над повышением уровня правовой культуры общества, эта тематика постоянно обсуждается на конференциях и в социальных сетях. В сфере законодательства и образования было много сделано. Но принятые изменения не могут эффективно действовать без соответствующего механизма правового регулирования, в котором не последнее место занимают образование и воспитание через правовую культуру гражданского общества. Под механизм правового регулирования следует понимать совокупность взаимодействующих правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. Нельзя рассматривать сущность правовой культуры лишь как приобретение некой суммы знаний о нормах и принципах действующего законодательства. Один из путей достижения высокого уровня правовой культуры — формирование гражданского общества и правового государства. То есть гражданское общество — это общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми, культурными отношениями, тесно сотрудничающее с государством, но при этом обладающее достаточной степенью независимости от него.

Несмотря на высокий уровень правовой культуры, нас интересует общая для всего мира проблема формирования правовой культуры в период правового хаоса. В этот момент появляется новый агрессивный тип капиталистического общества, с которым сложно бороться. В таком обществе нивелируются нематериальные блага, ценности государства. Так как личное благо ставится выше общего, то соответственно коллективизм сменяется индивидуализмом. Появилось много свободы, но не все оказались готовы жить самостоятельно, справляясь с правовым хаосом.

Исследования исторического аспекта свидетельствуют, что правовой хаос обострился в тот момент, когда был осуществлен переход от социализма к капитализму. Именно капиталистическое общество отличается неуверенностью и неготовностью к правовой культуре, так как у него отсутствует правовая идея, уважение к праву и закону. Основная проблема в праве — правовой хаос. Этот новый термин еще не закреплен в юридической теории. Синонимом слова «хаос» является «беспорядок». Если данный термин отнести к юридическому правопониманию, то правовой хаос следует понимать как беспорядочное отношение общества к праву, закону, государству, когда поведение людей становится неуправляемым.

Человек — основная производственная сила общества, субъект труда и научного познания, социального управления и воспитания. Он не только потребитель материальных и духовных ценностей, но и прежде всего активная сила, творчески воздействующая на объективную действительность, преобразующая ее в соответствии с целями и интересами общества.

В монографии «Правовая культура как элемент системы правового поведения личности» З. Н. Каландаришвили определяет правовую культуру как часть культуры в целом, а потому она подпадает под действие общекультурных закономерностей и процессов. Согласно Р. А. Ромашову, под правом в теории понимается инструмент, при помощи которого упорядочиваются и охраняются общественные отношения.

Анализ взаимосвязей между правом и культурой в процессе глобализации современного общества свидетельствует, что право, несмотря на сложность и своеобразие, является важнейшей частью культуры, одним из ее главных компонентов, а правовая культура не имеет собственной предметности и представляет один из компонентов общечеловеческой культуры, который воплотился в праве и юридической практике.

В целях определения понятия правовой культуры З. Н. Каландаришвили рассматривает различные подходы: философский, социологиче-

ский, информационно-семиотический и социально-антропологический. Предпочтительным в концептуальном плане представляется социально-антропологический подход, в рамках которого под правовой культурой понимается вся существующая в обществе правовая реальность, включающая нормы, знания, ценности, статусы, ситуации в правовой сфере и их реализацию в правопорядке.

В узком понимании правовая культура представляет собой все то, что создано человечеством в сфере действия права. Правовая культура в значительной мере носит нормативный характер. По существу, нормы права как социальная ценность и деятельность по их адекватной реализации государственными организациями и гражданами являются главными элементами правовой культуры.

В. П. Сальников и Р. А. Ромашов отмечают, что «значимость правовой культуры в процессе стабилизации социально-политических отношений, сложившихся в современной России, определяется прежде всего тем, что с ее помощью устанавливаются нравственно-правовые пределы, ограничивающие и вместе с тем гарантирующие свободу поведения субъектов общественных отношений». Таким образом, с помощью инструментов законодательства стабилизируются общественные отношения и создаются условия для развития правовой культуры в сообществе.

Как же бороться с неуправляемым преступным хаосом, который все больше распространяется и негативно влияет на общество? Существует только один способ — создание гражданского общества на основе общей правовой идеи, которая должна послужить основанием правовой культуры гражданского общества и в дальнейшем определить его будущее (укрепление законности и правопорядка через улучшение правового воспитания масс). Особую тревогу и заботу вызывает правовое воспитание подрастающего поколения.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что каждый человек должен стремиться к правовому воспитанию и культурному гражданскому обществу.

А. П. Стуканов,

*профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук, почетный работник Прокуратуры РФ;*

В. А. Козлов,

*доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат медицинских наук*

ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

В Толковом словаре русского языка под нигилизмом понимается отрицание всего, полный скептицизм, который определяется как: 1) философское направление, подвергающее сомнению возможность познания объективной действительности; 2) критически-недоверчивое, исполненное сомнениями отношение к чему-нибудь.

Более краткое определение нигилизма дает энциклопедический словарь «Политология» — это отрицание общепризнанных общественных норм и ценностей.

С понятием «нигилизм» все более или менее понятно (хотя весьма относительно). Ученые, изучающие правоприменительную практику, все чаще сталкиваются с проблемами правового нигилизма. Чтобы понять эти вызовы, необходимо обратиться к такому явлению, как правовая культура.

Правовая культура — это правовая среда обитания людей. Она включает все правовые ценности (духовные и материальные), способы и типы восприятия этих ценностей, а также деятельность по их созданию, пользованию и реализации. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением ряда исследователей о возможности более широкой трактовки сущности правовой культуры.

В сложном современном обществе хотя и существует общепринятый эталон отношения к праву, но придерживаются его далеко не всегда. Это относится, например, к полиэтническим образованиям, где можно встретиться с таким феноменом, как субкультура (криминальная и др.), ценности которой часто отклоняются от общественных норм.

Правовой нигилизм представляет собой теорию и практику отрицания права как позитивно-ценностного явления. Он опирается на определенное правопонимание, при котором право ассоциируется с государственным принуждением, а нередко и с произволом власти. О проблемах правового нигилизма применительно к правовой культуре написано достаточно много. В последние годы ученых и практиков волнует вопрос: не следует ли после тщательного изучения следственной, проку-

рорской и судебной практики ввести в России и за рубежом такое понятие, как «правовой идиотизм»?

Понятие «идиотизм» до сих пор несет медицинскую составляющую, связанную со слабоумием — глубоким малообратимым дефектом психики. Как известно, различаются три степени врожденного слабоумия (олигофрении): 1) легкая (дебильность); 2) средняя (имбецильность); 3) тяжелая (идиотизм). При этом идиоты являются полностью невменяемыми и недееспособными с юридической точки зрения.

Как показывает российская и мировая практика, совершаемые в последнее время в обществе противоправные деяния по своей резонансности и логике вызывают необходимость выделить виновных из общей массы правовых нигилистов и включить их в особую категорию «правовой идиотизм». При этом идиотами (в медицинском понимании) такие лица не являются.

По нашему мнению, понятие «правовой идиотизм» имеет право на существование — это высшая ступень правового нигилизма, в рамках которого можно выделить следующие разновидности:

1) политико-правовой (например, иностранные СМИ, которые освещают события необъективно: вооруженный конфликт России с Грузией в Южной Осетии, события в Крыму; в обоих случаях наша страна действовала с соблюдением норм международного права);

2) уголовный (вменяемый отец убивает топором малолетних детей, жену и мать);

3) деликтно-административный («золотая молодежь» в Москве на дорогах иномарках, грубо нарушая Правила дорожного движения на магистралях города, в течение нескольких часов провоцирует сотрудников ГИБДД и др.).

На наш взгляд, «правовой идиотизм» — это не только отрицание общепризнанных норм морали, нравственности и законов, но и целенаправленное, умышленное деяние вменяемых лиц, действующих в свою пользу из корыстной или иной личной заинтересованности и наносящих ущерб интересам общества и государства, правам и свободам человека и гражданина.

М. П. Цветкова,

магистрант III курса юридического факультета СПбГУП

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ

Сегодня особенно актуален вопрос об укреплении правовой культуры гражданина. Именно правовая культура действий и поступков, чувств и побуждений должна являться главным результатом развития личности гражданина нашего общества.

Человек с недостаточно развитой правовой культурой, как правило, обращает внимание только на самые «громкие» случаи нарушения закона, а другие многочисленные случаи остаются незамеченными. В таком восприятии право предстает в виде айсберга, меньшая часть которого видима, а большая скрыта под толщей воды.

Под правовой культурой мы понимаем определенный уровень правового мышления и восприятия правовой действительности, а также надлежащую степень знания населением законов.

Правовая культура — это качественное состояние правовой жизни общества, которое выражается в достигнутом уровне совершенства правовых актов, правовой и правоприменительной деятельности, правосознания и правового развития личности, а также в степени свободы поведения и взаимной ответственности государства и личности, положительно влияющих на общественное развитие и поддержание условий существования общества.

В настоящее время существует много проблем, связанных с процессом формирования правовой культуры. В первую очередь это правовая безграмотность населения, нередкое противоречие нормативно-правовых актов реальной действительности, сложный процесс правотворчества, а также неразвитая идеология сильного правового государства и, как следствие, правовой нигилизм.

Правовой нигилизм заключается в общем отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку, а с точки зрения корней, причин — в юридическом невежестве, косности, отсталости, правовой невоспитанности основной массы населения.

Одной из ключевых причин выступает высокомерное, снисходительно-скептическое, надменно-пренебрежительное восприятие права, оценка его не как базовой, фундаментальной идеи, а как второстепенного явления в общей шкале человеческих ценностей. Неверие в высокое предназначение, универсальность, потенциал, возможности и даже необходимость права — таково морально-психологическое происхождение данного феномена. Наконец, отношение к праву может быть про-

сто безразличным, отстраненным, что тоже свидетельствует о неразвитом правовом сознании людей.

Правовой нигилизм в нашей стране имеет благодатную почву, которая всегда давала (и продолжает давать) обильные всходы. Причем эта почва постоянно удобряется, так что «неурожайных» лет практически не бывает. Как и раньше, мы живем в сфере беззакония, которое подчас принимает характер национального бедствия и наносит обществу огромный невосполнимый ущерб. Современное содержание правового нигилизма вышло далеко за рамки простого уважения или даже нарушения права.

Корни этого недуга уходят в далекое прошлое. Давно было сказано: «На Руси всегда правили люди, а не законы». Отсюда — наплевательское отношение к закону как свойство природы, ментальных черт русского обывателя. Расхожими стали горькие слова А. И. Герцена о том, что жить в России и не нарушать законов нельзя. «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; совершенно так же поступает и правительство». С этим высказыванием созвучна и мысль М. Е. Салтыкова-Щедрина о том, что суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения. В. О. Ключевский также отмечал: «Реальная русская жизнь не признает никакого права». Такова, увы, отечественная ментальность.

Сегодня главной причиной неуважительного отношения к закону стал продолжающийся системный кризис общества. Криминальная действительность, социальная напряженность, экономические неурядицы, люмпенизация значительной части населения, нищета, разгул «дикого капитализма», злоупотребления свободой без границ и многое другое постоянно воспроизводят правовой нигилизм в геометрической прогрессии. Он стал болезнью, поразившей все звенья и структуры государства, весь его организм. Как это ни прискорбно, разгильдяйство, нелюбовь к порядку, дисциплине давно считаются национальными чертами российского менталитета. Это явление, безусловно, имеет социальное происхождение. Произвол, своеволие и коррумпированность чиновников, игнорирование правовых и иных социальных норм достигли критической точки, за которой начинаются стихия, хаос, распад.

Правовой нигилизм всегда влечет за собой нарушение прав граждан, умаление чьих-либо интересов и в конечном счете приводит к торжеству несправедливости. Одно из тяжких последствий правового нигилизма — создание реальной либо мнимой психологической ситуации, при которой реализация прав человека становится невозможной.

Правовой нигилизм — продукт социальных отношений, обусловленный множеством причин и следствий. В частности, он подпитывается и такими реалиями наших дней, как политиканство и циничный популизм лидеров всех рангов, борьба позиций и амбиций, самолюбия и тщеславия. Дают о себе знать властолюбие и эгоизм бюрократии, некомпетентность и бестолковость чиновников. Последнее — традиционно большое место нашей государственности. Пушкинское «он чином от ума избавлен» подтверждается на каждом шагу.

Кроме того, причинами правового нигилизма являются изъяны судебной и следственно-прокурорской практики. Еще классики утверждали, что существуют два способа разложить нацию — не наказывать виновных и наказывать невиновных. У нас, к сожалению, допускается и то и другое.

Слабая правовая защищенность личности подрывает веру в закон, способность государства обеспечить спокойствие и порядок в обществе, оградить людей от преступных посягательств. Бессилие же права не может породить позитивного отношения к нему, а вызывает лишь недовольство, раздражение, протест. Право как бы само выступает причиной нигилизма.

Человек перестает почитать, ценить, уважать право, так как он не видит в нем своего надежного гаранта и опоры. В таких условиях даже у законопослушных граждан вырабатываются нигилизм, недоверие к существующим институтам. Признание и конституционное закрепление естественных прав и свобод человека не сопровождаются пока адекватными мерами по их упрочению и практическому претворению в жизнь. А невозможность осуществить свое право порождает у личности чувство отчуждения от него, правовую разочарованность, скепсис.

Таким образом, под правовым нигилизмом понимается психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны граждан, должностных лиц, государственных и общественных структур, а также фактические правонарушающие действия указанных субъектов. Данный феномен выступает как элементом сознания (общественного и индивидуального), так и способом, линией поведения человека либо коллектива.

Формирование позитивного отношения к праву, закону, знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом являются основными задачами в процессе формирования правовой культуры.

С. Ж. Шалтакбаев,

*заведующий кафедрой юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казakhstan),
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: СУЩНОСТЬ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что в современном обществе правовой нигилизм приобретает глобальные масштабы, что связано с недостатками существующей правовой системы, кризисом законности, несовершенством правоприменительной практики и правоохранительной деятельности.

Цель — осветить ряд теоретических и прикладных аспектов данного социального явления, представить некоторые практические меры по противодействию ему.

Анализ современных подходов к пониманию правового нигилизма свидетельствует об отсутствии единой точки зрения в его определении среди представителей правовой науки. Так, по мнению М. Матузова, «правовой нигилизм — это непризнание права как социальной ценности, проявляющееся в негативно-отрицательном отношении к праву, законам, нормативному порядку». В. А. Туманов полагает, что правовой нигилизм — это патология сознания, вызываемая определенным состоянием общества. Тем не менее основными чертами правового нигилизма можно считать отрицание социальной ценности права и негативное отношение к праву как регулятору общественных отношений.

К сожалению, сегодня правовым нигилизмом поражено все общество — от политической элиты до низовых звеньев государственного аппарата. «Разочарование в правовых идеалах, потеря веры в абсолютную ценность права, законность и справедливость, своеобразная установка на выход из правового поля деятельности и стремление противопоставить идее права иные ценности неправового характера являются основными чертами правового нигилизма не только граждан, но и государственных чиновников».

Одной из детерминант правового нигилизма выступает злоупотребление правом представителями государственной власти. Слабая правовая защищенность личности, низкий уровень правопорядка, неспособность государства оградить людей не только от преступных посягательств, но и от произвола чиновников не могут не породить отрицательного отношения, пренебрежения к праву.

Опасность распространения случаев злоупотребления правом заключается еще и в том, что в социуме господствует устойчивый стереотип его обоснованности и допустимости, поскольку государство (в лице его

чиновников) само повсеместно злоупотребляет правом. Еще А. И. Герцен отмечал, что «правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство».

Выделяют активные и пассивные формы проявления правового нигилизма. К активным относятся сознательное невыполнение законов, враждебное отношение к любым юридическим нормам и предписаниям, совершение правонарушений и преступлений, проявления ксенофобии, религиозной и национальной нетерпимости и т. д. Пассивные формы характеризуются потерей веры в потенциальные и реальные возможности права, умалением роли этого института в обществе, бездейтельностью, проявляющейся в пренебрежении к нормам закона.

Разрушительное воздействие правового нигилизма зависит от многих факторов. По нашему мнению, в первую очередь он связан с уровнем морально-волевых качеств личности. С этих позиций правовой нигилизм вполне обоснованно можно считать деструктивной чертой личности, приводящей к деформации его сознания. Неприятие общеобязательных правил поведения, их несоблюдение и нарушение приводят к регрессу личности в морально-правовом плане, разрушению позитивных правовых установок, приобретенных в течение жизни.

Можно выделить следующие характерные особенности современного правового нигилизма: а) подчеркнуто демонстративный, агрессивный и неконтролируемый характер; б) массовая распространенность не только среди граждан, но и среди работников государственных структур; в) различные формы проявления — от криминальных до легитимных; г) социально-разрушительный потенциал, ярко выраженная оппозиционная направленность; д) тесная взаимосвязь с политическим, нравственным, духовным и экономическим нигилизмом, образующая в своей совокупности единый деструктивный процесс.

В ходе анализа были выявлены следующие приоритетные направления противодействия правовому нигилизму: 1) целенаправленная антикоррупционная политика и ее эффективное воплощение в жизнь; 2) повышение авторитета закона и воспитание у граждан доверия к нему; 3) укрепление законности и правопорядка, государственной дисциплины; 4) активная борьба с правонарушениями и преступностью; 5) воспитание граждан с высокой позитивной правовой активностью, повы-

шение правового сознания, правовой культуры населения; 6) эффективная работа правоохранительных органов.

С сожалением приходится констатировать, что правовой нигилизм как социальное явление имманентно присущ современному обществу. Поэтому речь может идти лишь о минимизации его уровня до безопасных значений путем активного применения комплекса общих социальных (нацеленных на улучшение объективных условий жизни общества, формирование новой социальной среды), специально-юридических (направленных на формирование качественно новой, эффективной правовой системы) и воспитательных мероприятий, ставящих своей задачей исправление деформаций правосознания и повышение уровня правовой культуры населения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) проблема правового нигилизма является весьма серьезной для современного российского общества; 2) данный феномен перестает быть мировоззрением узкого круга людей, а становится массовым явлением, создающим существенные препятствия для развития правового государства; 3) правовой нигилизм является результатом деформированного правосознания, низкой правовой культуры; 4) структура правового нигилизма представляет собой сложное и многоплановое негативное явление социальной действительности; 5) структура правового нигилизма обуславливает формы его проявления, учет которых должен способствовать выработке наиболее эффективных направлений борьбы с ним; 6) минимизация уровня правового нигилизма возможна только в результате применения всего комплекса общих социальных, специально-юридических и воспитательных мероприятий.

Е. Ю. Элькин,

аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА КАК РАЗНОВИДНОСТИ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Деформация правовой культуры имеет множество различных вариантов проявления, каждый из которых в той или иной степени опасен, несет угрозы для нормального функционирования социума, протекания общественных отношений. На наш взгляд, на сегодняшний день именно правовой нигилизм представляет наибольший интерес для исследователей во многом из-за его распространенности и ощутимого негативного

влияния на правовую сферу жизни общества, заметного даже тем, кому мало о чем говорит термин «правовая культура».

Правовой нигилизм — это, по нашему мнению, осознание или признание индивидом несостоятельности идеолого-объективной ценности права, его норм, институтов, отраслей в практической регламентации конкретных социальных отношений. На сегодняшний день именно правовой нигилизм является основной формой деформации правовой культуры российской молодежи. Правовой нигилизм проявляется, когда в обыденном сознании человека укрепляется мысль о том, что противоправные действия могут быть полезными или более эффективными, чем действия, совершаемые с учетом законов, установленных государством. Конечно, это лишь один из возможных подходов к данному понятию. Теоретики права, являющиеся представителями естественно-правовой школы (то есть воспринимающие его как совокупность неотъемлемых принципов, прав и иных ценностей, вытекающих из природы человека и независимых от субъективной точки зрения), склонны описывать правовой нигилизм как тенденцию к отрицанию данных ценностей. В то же время представители школы юридического позитивизма, трактующие право как систему общеобязательных норм, формально закрепленных, созданных государством, регулирующих общественные отношения и поддерживаемых силой государственного принуждения, полагают, что правовой нигилизм — это отрицание именно ценностей, закрепленных в данных нормах.

Интересен подход к пониманию правового нигилизма, основанный на либертарной теории правопонимания, основные положения которой изложены в работах В. С. Нерсеянца, Н. В. Варламовой, Е. А. Зорченко, В. В. Лапаевой, В. А. Четвернина. В. С. Нерсеянц считал, что «понятие “свобода” диаметрально противоположно понятиям “произвол”, “своеволие”, “насилие”... В условиях государственно-организованного общества свобода возможна и действительна лишь как право, имеющее законную силу... в условиях взаимосоответствия свободы, права и закона законной силой обладает лишь норма, представляющая собой меру свободы. Ценность права как раз и состоит в том, что право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получившая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту». Сторонница либертарной концепции права Н. В. Варламова в своих трудах выделяет три подвида правового нигилизма: социологический нигилизм, легистский нигилизм и собственно правовой нигилизм. Непосредственно правовой нигилизм в рамках либертарной концепции права воспринимается как отсутствие

в правосознании социума представлений о том, что нормативное регулирование общественных отношений должно осуществляться на основе принципов признания формальной свободы и формального равенства участников данных отношений, как отказ от включения данных принципов в систему правовых ценностей и нежелание использовать их как фундамент для построения правоотношений.

С. Л. Франк выделяет пять основных черт, характеризующих как правовой нигилизм любой разновидности, так и нигилистическое поведение в целом: абсолютизация субъективного начала и наличие в сознании индивида черт анархического своеволия и индивидуализма; аморализм, преступное поведение, разрушение истинных культурных ценностей; преобладание в сознании субъекта гипертрофированного сомнения и отрицания; слабость позитивной программы в структуре нигилистического сознания, доминирование склонности к негативизму и деструктивному поведению; транзитивный характер данного состояния (нигилизм возникает в условиях крушения общественных устоев и активной переоценки индивидом своих ценностей).

Правовой нигилизм современной молодежи можно назвать во многом следствием нигилизма государственной власти. По мнению В. А. Туманова, в этом, как и во многих других отношениях, мы расплачиваемся за прошлое. По его словам, «это прежде всего ближайшее прошлое — 70 лет режима, который, мягко говоря, не жаловал право, нанес по нему немало ударов. Именно при этом режиме, не оставлявшем шансов для правовой культуры, сформировалось то поколение людей, которое сегодня призвано формировать правовую государственность».

Государственные органы ставят на пути реализации гражданами их прав ненужные бюрократические проволочки, необоснованно отказывают гражданам, ущемляют их права. Существует ошибочное представление, что принятие закона само по себе способствует улучшению положения дел в регулируемой им сфере общественных отношений, однако закон сам по себе не охватывает всю сферу регулируемых им общественных отношений. Это вызывает у граждан, в том числе у молодежи, неоправданное разочарование в праве. Как результат — любой нормативно-правовой акт, независимо от качества его подготовки, встречается крайне скептически. Молодежь теряет интерес к праву, отчуждается от него. В ходе проведенного автором данной работы в 2012 году исследования лишь 25 % респондентов высказали доверие государству в вопросах защиты своих интересов.

Как и правовой инфантилизм, нигилизм может проистекать из отсутствия национальной правовой идеологии, бездействия государственных

органов. Нигилизм во многом связан и с правовым идеализмом — фетишизация законов и издание многочисленных нормативных актов, не обеспеченных в должной мере силой государственного принуждения, заставляют граждан все больше сомневаться в эффективности права. Нарушая закон, индивид нарушает и права других граждан, что (особенно в случаях, когда речь идет о правонарушениях молодых людей) влечет за собой увеличение социальной напряженности, недоверие к данной группе со стороны прочих социальных групп.

Эль Муссави Хуссейн Салех (Ливанская Республика),
*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар)*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛИКВИДАЦИИ ФОРМ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЛИВАНЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Законодательство Ливана с точки зрения правового статуса не выделяет ни особых групп, ни отдельных категорий населения на основании того, что они представляют национальные, этнические группы или коренные народы. Юридические тексты, за исключением тех, что связаны с личным статусом, регулируют отношения между всеми гражданами без какой-либо дискриминации по происхождению, расе и т. п.

Ливанское общество сдерживает разнообразные религиозные конфессии, число которых только среди признанных государством достигает восемнадцати. Все они — неотъемлемая часть общества, и каждая из этих общин устанавливает специальный правовой режим, регулирующий статус личности и вопросы, связанные со взаимоотношениями между родственниками. Нормы религии фактически стоят выше конституционных норм либо во многом определяют их содержание и направленность, что отражается на политической системе и распределении некоторых административных должностей.

В области личного статуса, в политической сфере, при распределении определенных государственных функций это положение является одним из основополагающих гарантов мира, обеспечивая защиту конфиденциальности для всех, кто вовлечен в формирование ливанского общества, и обеспечивая их эффективное участие в руководстве и управлении государством.

Принцип равенства граждан является основным принципом ливанского государства в целом, он запрещает все виды дискриминации, будь

то дискриминация на основе расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения или религии. Однако данный принцип необходимо рассматривать с учетом того, что ливанское общество состоит из множества религиозных общин, и личный и семейный статус в Ливане основан на религиозной принадлежности. Ливанский ученый Эдмон Раббат писал, что граждане Ливана «могут участвовать в общественной жизни только через соответствующие общины, и в этих условиях любое чувство национальной солидарности проявляется лишь через эти промежуточные и неизбежные элементы... Ливанец смотрит на мир сквозь призму своей общины: он должен принадлежать к ней, чтобы родиться, жить и умереть». Тем более это все относится к личному статусу ливанских граждан.

Глава конституции о правах и свободах сформулирована так: «Граждане Ливана, их права и обязанности». Конституция Ливана предусматривает, что территория страны является единой для всех ливанцев. Каждый ливанец имеет право проживать в любой части страны и находится под защитой закона. Запрещена любая дискриминация населения, основанная на каких-либо привилегиях, разделении, различиях или принуждении.

Все ливанцы равны перед законом. Они пользуются на равных основаниях гражданскими и политическими правами и на равных основаниях несут общественные обязанности и повинности без всяких различий.

Свобода личности гарантируется и охраняется. Никто не может быть арестован или заключен в тюрьму иначе как в соответствии с предписаниями закона. Никакие правонарушения и наказания не могут устанавливаться иначе как законом.

Свобода совести является абсолютной. Государство уважает все религии и вероисповедания и гарантирует свободное отправление религиозных культов при условии соблюдения общественного порядка. Государство гарантирует также всем религиозным общинам уважение к их установлениям о личном статусе и религиозным интересам.

Преподавание свободно, если оно не нарушает общественный порядок и добрые нравы и не затрагивает достоинства существующих в государстве религий и вероисповеданий. Не допускается нарушение права религиозных общин иметь свои школы при условии соблюдения ими общих положений, установленных государством в отношении народного образования.

Все ливанцы имеют доступ ко всем публичным должностям в соответствии с их заслугами и способностями согласно условиям, определяемым законом. Специальный закон определяет статус государственных служащих в соответствии с ведомством, к которому они принадлежат.

Свобода выражать свои мысли в устной или письменной форме, свобода печати, собраний и образования союзов гарантируется в рамках, установленных законом.

Ливанские законы, такие как Уголовный кодекс, законы о телерадиовещании, предусматривают уголовную ответственность за действия, связанные с расовой дискриминацией. По закону карается каждое действие, направленное на разжигание межрелигиозной или расовой вражды или провоцирование конфликтов между конфессиями и различными членами нации.

Ливанский парламент одобрил ряд законодательных положений, направленных на достижение равенства между различными членами общества. Эта цель будет достигнута либо путем внесения поправок в существующие тексты законов, либо путем принятия новых законов.

Закон «О защите женщин и других членов семьи от насилия в семье» также продолжил политику государства в данном направлении. В частности, закон определяет, кто входит в правовое понятие «семья», что является бытовым насилием и каковы его виды.

10 мая 2005 года Ливан присоединился к ряду конвенций Организации Объединенных Наций: против транснациональной организованной преступности, о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и протоколу против незаконного ввоза мигрантов по морю, суше и воздуху, дополняющему последнюю конвенцию.

Таким образом, ливанское государство принимает различные меры, направленные на защиту социальных, культурных и экономических прав представителей разных групп в обществе. Государство стремится через свои органы и институты разработать национальный план, направленный на повышение общего уровня защиты прав наиболее уязвимых групп населения, с тем, чтобы содействовать их более активной интеграции в общество. Рассмотренные меры в целом ведут к построению гражданского общества и повышению уровня культуры в рамках правовой системы Ливана.

М. А. Ювко,*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар)***ГЕНЕЗИС СУБЪЕКТОВ ПРАВА КАК НОСИТЕЛЕЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

В теории права уже немало сказано о сущности правовой культуры, разработаны многочисленные подходы к определению этого явления. Вместе с тем проблематичным остается воплощение ценностей, формирующих правовую культуру, устройство правоотношений по эталонам высокого уровня. Как следствие, наблюдается неослабевающий научный интерес к данной сфере культуры. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть процесс образования и развития субъекта права в культурно-правовом аспекте, то есть в качестве носителя правовой культуры.

Генезис культурно-правовой составляющей субъекта права связан с постепенным формированием у него качеств, позволяющих не только усваивать, но и развивать правовую культуру в себе, а потому прежде всего требуется определить данные качества.

В структуре правовой культуры традиционно функцию основополагающего элемента выполняет правосознание. Правосознание в науке обычно определяют как «совокупность взглядов, идей, представлений, а также чувств, эмоций, переживаний, выражающих отношение людей к действующему или желаемому (допустимому) праву и другим правовым явлениям». Из этого можно сделать вывод, что носитель правовой культуры должен обладать в первую очередь правосознанием как элементом, образующим все остальные компоненты правовой культуры. Более того, степень развитости и потенциал правосознания конкретного индивида могут иметь и вполне реальное значение при определении его правового статуса и правосубъектности. Как указывает В. М. Сырых, признаваемая судом недееспособность физического лица основывается именно на обусловленной психическим заболеванием неспособности данного лица усваивать правовые нормы и осознавать социальное значение своего поведения.

Предполагается, что правосознание зарождается и развивается вместе с когнитивными способностями человека. Отсутствие представлений о понятии «право» не мешает человеку усваивать социальные нормы и принципы их действия без их четкой дифференциации. Последняя, формируясь с возрастом, сопровождается постепенной переработкой, переосмыслением и привязкой уже к появившемуся знанию о праве, полученному благодаря ранее пережитому опыту. Из этого можно сделать вывод, что генезис правовой культуры личности начинается еще до того,

как человек становится полноценным субъектом права (в плане дееспособности — как гражданской, так и иной отраслевой). По сути, рассматриваемый процесс выходит за границы непосредственного восприятия права как такового, что еще раз свидетельствует о нераздельности правовой культуры и общей культуры общества и индивида.

В целом правовая культура формируется за счет получения правовых знаний, что происходит, по мнению А. С. Бондарева, двумя путями: через практическую деятельность, то есть непосредственное участие в правоотношениях, и через иные, не связанные с персональным правовым взаимодействием, источники, включающие систему образования, СМИ, Интернет, кинематограф, литературу. На ранних стадиях развития правосубъектности для носителя правовой культуры доступен лишь второй из перечисленных путей. Дальнейшее накопление практического опыта возможно лишь при наделении субъекта полной дееспособностью, а также определенным правовым статусом, что достижимо лишь при соответствии претендента установленным в законодательстве требованиям. Естественно, до приобретения указанного статуса субъект права может обогащать правовые знания о практической составляющей профессиональной сферы лишь опосредованно, например черпая лично или из литературы знания об опыте субъектов, которые участвовали в правоотношениях, осуществляя профессиональную деятельность.

Формирование правовой культуры через усвоение чужого опыта обладает как минимум одним недостатком — субъективным характером передаваемых знаний, поскольку правосознание само по себе, как пишет Алексеев, — «чисто субъективное явление». На содержание этого опыта непосредственно влияют не только степень образованности и профессионализма, но и морально-нравственные установки, личные качества передающей опыт стороны. Подобное «индивидуальное право», как пишет Сырых, в результате формирования через призму собственных интересов и воли может серьезно расходиться с объективным правом, а значит, искажать реальную картину правоотношений и оказывать негативное влияние на формирующуюся правовую культуру воспринимающей эти знания стороны. Еще И. А. Ильин в своем труде «О сущности правосознания» писал, что «нет человека без правосознания, но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием». Также следует иметь в виду, что априорно формируемая правовая идеология непосредственно влияет на правовую психологию, а последующее восприятие правоотношений происходит уже через призму не подкрепленного личным опытом знания и может

содержать тяжело искореняемые следы его деформации. Учитывая это, следует серьезно подойти к вопросу заблаговременной выработки у носителя правовой культуры, помимо знаний о праве, комплекса морально-нравственных ориентиров. Как отмечают исследователи, «именно ответственную и дисциплинированную правом личность можно назвать правовой, с четко сформированными ценностными правовыми предпочтениями и этическими идеалами».

Подводя итог, отметим, что генезис субъекта права как носителя правовой культуры — это сложный многостадийный процесс, где каждая из стадий содержит свои особенные проблемы, решению которых будут способствовать дальнейшие изыскания в рассматриваемой области теоретико-правовой науки.

С. В. Базанова,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ В РАМКАХ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Одной из важных сфер деятельности является экспертиза в рамках судебного процесса. Анализируя научные работы в области судебного доказывания, можно выявить особенности и тенденции развития современной российской правовой системы. Одной из таких особенностей стало разграничение проблем судебного доказывания на теоретическое и практическое доказывание. Именно для российской правовой культуры характерно такое деление. Разработкой теоретических проблем доказывания занимались такие видные процессуалисты, как М. К. Треушников, И. В. Решетникова, А. Т. Боннер. В то же время практика решения злободневных задач развивалась в другом направлении.

Разграничение на теоретическую и практическую часть знаний берет начало в делении на правовые семьи. Неоспоримо, что доктринальные положения являются основой для законодательного реформирования. Однако нельзя делать выводы о роли доказывания и значимости конкретного вида доказательства, основываясь только на научном обосновании. Практические проблемы реализации прав, обязанностей субъектов судопроизводства, а также основания привлечения их к ответственности качественно влияют на судебную статистику дел в целом, то есть оказывают воздействие на формирование правовой культуры каждого из субъектов судебного процесса. В современном судебском сообществе большое значение придается разъяснениям, которые дают вышестоящие инстанции судов, и нижестоящие суды редко принимают решения вопреки фактам, установленным, например, Верховным Судом Российской Федерации. Таким образом, практические вопросы определяют решение суда по конкретному делу, что, в свою очередь, находится в зависимости от веяний правовой культуры.

Рассмотрев как с научной, так и с практической стороны процесс назначения и проведения экспертизы, а также порядок и значение использования экспертного заключения в судебном цивилистическом процессе, следует отметить, что современное законодательство идет по пути

становления состязательного процесса. Состязательность заимствуется в англосаксонской системе права. Однако состязательность — это лишь следствие, причиной же является крупномасштабная глобализация. Нельзя отрицать некоторое стирание границ между судебными процессами стран, принадлежащих к разным правовым семьям. Изменение процесса в целом влияет на каждый отдельный структурный элемент системы институтов науки доказывания и, как следствие, на правовую культуру каждого народа.

При сравнении законодательств российской и англосаксонской правовых семей были установлены существенные различия в подходах к определению видов доказательств и наделению их особой значимостью. Российскую правовую действительность определяет главный фактор — недоверие, обусловленное отсутствием детальной регламентации процесса доказывания, а также недостаточным развитием правовой культуры граждан, в том числе судей. Зарубежные страны характеризуются наличием существенной правовой культуры и четкой, проверенной опытом регламентации деятельности каждого участника судебного процесса. Эксперт для судьи должен являться «глазами», как это происходит в Англии и США. Специальные познания, которыми обладает эксперт, должны давать ему более значимую и весомую роль в процессе доказывания. Однако российское законодательство вразрез с практикой, основываясь на тех самых установках правовой культуры, отказалось от закрепления существенной роли экспертизы, что породило множество проблем, обнаружившихся при анализе судебной практики.

Законодатель тщательно подошел к закреплению экспертизы. Заранее определив виды экспертиз и поставив их в зависимость от существующих в практике проблем, законодатель опередил время и предупредил возможные нарушения. Установив возможность наличия неясности, неточности и противоречий в заключении эксперта, процессуальные нормы предусматривают проведение дополнительной, повторной, комплексной и комиссионной экспертизы без привлечения эксперта к ответственности. Настолько детальное разграничение каждого процессуального действия характерно именно для правовой культуры современного русского человека. Без детализации процесса участник судебного процесса оказывается на распутье, выбирая между «разрешено все, что не запрещено» и «запрещено все то, что прямо не разрешено».

Главным проблемным аспектом назначения судебной экспертизы остается человеческий фактор. Суды не подвергают строгому отбору те вопросы, которые стороны представляют для эксперта. Данная проблема

стала следствием состязательности судебного процесса. Действия судов основаны на принципе диспозитивности судопроизводства, что влечет попытки суда «угодить» сторонам во избежание обжалования. Таким образом, внутренние установки каждого судьи влияют на правовую систему в целом.

Таким образом, выявляется еще одна проблема цивилистического процесса — проблема усмотрения суда. Законом определены случаи решения вопросов на усмотрение суда, и одним из таких вопросов является оценка доказательств, в том числе заключения экспертов. В конкретных судебных ситуациях суды придают разное значение экспертным выводам в зависимости от собственного усмотрения, которое нельзя регламентировать.

В отличие от достаточно подробного регулирования процесса назначения экспертизы, процедуры и методики ее проведения законодатель обошел стороной. Методиками проведения экспертных исследований обладают только государственные экспертные учреждения, например при Министерстве юстиции Российской Федерации. Деятельность частных организаций ограничена лишь процессуальными нормами кодексов, а также разъяснениями пленумов Верховного Суда Российской Федерации. Правовая культура законодателя не достигла должного уровня, при котором возможно было бы создать идеальные условия рассмотрения судебных дел. Между тем в США такие методики каждый день умножаются и заимствуются другими странами.

Также исследованием всех областей применения заключения эксперта в рамках судебного дела установлено наличие проблемы определения значимости заключений, выданных вне судебного процесса. За рамками справедливой судебной оценки остаются экспертизы, проведенные по постановлению нотариуса, а также внесудебные экспертизы по ходатайству лиц, на момент проведения экспертизы не являющихся спорящими сторонами. Правовая культура находится в тесной взаимосвязи с развитием институтов гражданского общества, однако и то, и другое еще не созрели для истинного состязательного процесса, где судья — арбитр, а задачей сторон является нахождение истины.

А. А. Барабанов,*доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук***ПРОФСОЮЗЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО СОЗНАНИЯ**

Понятие «гражданин» широко употреблялось в советский период истории нашей страны, в отличие от термина «гражданские права». В. И. Ленин полагал, что нет необходимости защищать интересы трудящихся в государстве рабочих и крестьян. Данная логика во многом обусловила формирование гражданского сознания в Советском государстве. Поскольку власть принадлежала народу, согласно ст. 2 Конституции СССР 1977 года, формально не было необходимости в равноправном взаимодействии общества и государства, что является одним из основных принципов гражданского общества.

В демократическом обществе самоорганизация граждан в значительной степени зависит от того, насколько профсоюзы воспринимают формирование гражданских качеств у трудящихся как свою непосредственную функцию. Граждане не могут объединяться и добиваться своих интересов, если они не представляют, в каком обществе живут, какие принципы и ценности это общество признает. Повседневная работа профсоюзов с представителями наемного труда должна быть направлена на формирование гражданского поведения.

На современном этапе гражданское общество в России строится главным образом по инициативе государства, а не граждан. Это уникальная ситуация. В силу особенностей исторического развития нашей страны профсоюзы не смогли своевременно стать «строителями» гражданского общества.

В современной России происходят комплексные изменения в общественной и политической жизни, в том числе становление новых институтов гражданского общества. Известно, что основу гражданского общества составляют общественные объединения, представляющие различные социальные и профессиональные группы населения. Профсоюзы традиционно являются одним из основных элементов гражданского общества. Исторически профсоюзы стали своеобразным эпицентром становления гражданского сознания и соответственно гражданской культуры. Очевидно, что развитие современного гражданского общества как системы объединений и организаций граждан на добровольной основе, независимой от органов государственной власти, но способной оказывать влияние на деятельность государственных органов, заключается в первую очередь в защите прав граждан от неправомερных действий.

Профсоюзы предлагают человеку возможность реализовать свои гражданские права, они представляют собой добровольные объединения людей, пытающихся независимо и самостоятельно отстаивать интересы своих членов.

Общественная роль профсоюзов состоит в расширении сферы своего влияния в обществе, в котором появились новые социальные слои, увеличилась имущественная дифференциация и растет число малообеспеченных слоев населения. Для решения поставленной задачи профсоюзы взаимодействуют с различными политическими объединениями, содействуют избранию своих представителей в законодательные органы и органы местного самоуправления, поддерживают государственных и политических деятелей.

Становление гражданского общества — процесс длительный, на него влияют экономические, моральные, духовные факторы. В странах Западной Европы давно выработаны и защищаются социальные ценности. Например, профсоюзы стран Скандинавии могут служить примером строительства системы равноправного социального диалога. Социальное государство несет ответственность за обеспечение права граждан на достойную жизнь, важнейшим из которых является право на труд.

Отношения работников и работодателей выражаются в форме социального партнерства и социального диалога. Гражданское общество при взаимодействии с государством часто становится ареной противоречий, столкновений противоположных интересов. В Европе профсоюзы благодаря многолетней активной борьбе возникли именно как институты социального диалога, которые в настоящее время являются важной частью гражданского общества.

Мы считаем, что важнейшей задачей профсоюзов в условиях становления гражданского общества является формирование у членов профсоюзов чувства гражданского достоинства, осознания права отстаивать свои законные интересы. Следовательно, необходимо повышение юридической грамотности как профсоюзных работников и руководителей, так и самих трудящихся.

Осознание наиболее развитой частью трудящихся своих интересов и положения в реальной расстановке сил в мире достаточно быстро привело к пониманию, что успех профсоюзов в реализации социально-экономических функций зависит от их роли в политической жизни общества.

В России механизм взаимодействия государства и институтов гражданского общества только начал формироваться. В демократических странах связующим звеном между институтами гражданского обще-

ства и государства являются партии. В России партии не могут быть такими посредниками, так как фактически не имеют права формировать правительство.

Таким образом, роль профсоюзов в формировании культуры защиты гражданских прав чрезвычайно велика. Как было сказано выше, профсоюзы внесли неоценимый вклад в построение гражданской культуры и, следовательно, гражданского сознания. Очень важно не пренебрегать этой уникальной возможностью, которую дают нам профсоюзы.

А. А. Баталова,

студентка II курса юридического факультета СПбГУП

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ВАРВАРСТВО ИЛИ КУЛЬТУРА

Человек с древних времен находится в постоянном развитии. Темп жизни непрерывно возрастает, человек становится все более совершенным. Согласно схеме Л. Г. Моргана, принятой Ф. Энгельсом, человек в историческом развитии прошел стадии от дикости до варварства, от варварства до цивилизации. Л. Г. Морган имел в виду так называемую схему разных периодов развития, ядром его теории стали три стадии развития — дикость, варварство и цивилизация. Л. Г. Морган работал и разделил их на три степени.

В процессе развития человечества формировались государство и право. Соответственно возникло социальное и антиправовое явление — преступление и преступность. Человечество борется с преступностью с древнейших времен, но, увы, искоренить это явление невозможно по причинам, которые заложены в классовом развитии человечества, в понимании ценности и ценного. Преступление — это деяние, совершаемое человеком, представляющее опасность для общества, государства, отдельной личности. Возникает актуальный вопрос: «Преступность — это варварство или все же культура?»

Чтобы найти ответ на этот вопрос, следует сначала определить, что же такое варварство. Термин «варварство» произошел от греческого слова “*barbaros*” (чужеземец, иноземец), а само явление, согласно культурно-исторической периодизации по схеме Л. Г. Моргана, относится ко второму этапу развития человечества, который следует за дикостью и предшествует цивилизации. Морган отмечает границы этого периода — от начала развития гончарного дела до изобретения письменности. С точки зрения Энгельса, варварство началось с появлением

скотоводства и земледелия. Остается понять, как связаны преступление и варварство. С нашей точки зрения, между этими понятиями можно провести аналогию.

Любая культура переживает подъем и спад, в процессе которых происходят одновременное движение и эволюция противоположных понятий — цивилизации и варварства. Многие ученые считают, что варварство в определенной степени есть преступление. Вспомним, как образовывались общины, племена, города-государства и т. д. Это происходило путем захвата власти, набегов одних племен на другие. В Новейшей истории можно привести много примеров проявления варварства, являющихся преступлением против человечества. К сожалению, войны в современном мире все еще нередки. Например, боевики запрещенного в Российской Федерации «Исламского государства» (ИГИЛ) уничтожают памятники культуры других народов, физически истребляют любого, кто не разделяет их взглядов, насаждая свои. С нашей точки зрения это преступление против человечества, насилие, а значит, антикультура.

Представители и так называемые вдохновители этого явления в современном мире могут возразить нам, что это их культура и она имеет право на существование, даже если основывается и насаждается насильственными мерами.

История свидетельствует: чтобы приучить дикарей к цивилизации, чаще всего применялись крайние меры — огонь и меч. Другие варианты внедрения новой культуры, с точки зрения ее представителей, появились позднее в ходе развития человечества: религия, наука, в том числе философия, объяснявшая те или иные явления, искусство. Многие древние народы с трудом привыкали к насаждаемым «духовным ценностям», включая религию. Например, на территории Казахстана в Средние века арабами предпринимались многократные попытки привить тюркским племенам ислам. С этой целью осуществлялись набеги и вспыхивали войны. Это яркий пример варварства, тем не менее только использование исламского религиозного образования, средств массовой информации, религиозного туризма и других способов привели к тому, что в наши дни в Казахстане около 70 % населения исповедуют ислам либо придерживаются исламских традиций. Однако имеет место и исламский радикализм, который проявляется в применении варварских методов: совершении актов терроризма, попытках государственного переворота. В соответствии с Уголовным кодексом Республики Казахстан эта деятельность образует составы преступлений.

Или, например, процесс развития наук в Средние века сопровождался казнями инакомыслящих, которые всегда хотели знать больше,

но многим представителям правящего класса, религиозным деятелям не нравилось, что население становилось более просвещенным, думающим. Они физически уничтожали ученых, таким образом защищая свою варварскую культуру. В тот период это были правомерные действия. С точки зрения современных российских и зарубежных философов, культурологов, правоведов, подобные действия являются преступлениями. Но никто не может быть преследуемым за собственные взгляды, если они не переходят в действия, в результате которых нарушаются права и законные интересы других людей и народов.

Преступность — это социально-правовое явление, которое изучается множеством наук, исследующих ее с разных сторон. Взглянем на понятие варварства и его проявления с точки зрения такой науки, как юриспруденция.

Например, уголовное право трактует преступление как совершенное общественно опасное деяние; уголовно-процессуальное право рассматривает порядок и процедуру расследования, привлечения к ответственности за совершенное деяние; криминалистика — методы и способы сбора доказательств, судебная медицина и психиатрия — значение физического и психического состояния преступника, социология изучает личность преступника и его роль в обществе. Только криминология рассматривает преступление в целом, изучает преступность как негативное явление, связанное с другими социальными проблемами. Она имеет свои закономерности, а значит, к ней применимы определенные методы и специфические формы борьбы. Таким образом, всеобъемлющее изучение понятия «преступность» осуществляется такой наукой, как криминология.

Итак, под преступностью в криминологии понимается социальное исторически изменчивое, массовое, уголовно-правовое, системное явление общества, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно наказуемых деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период. Но надо понимать, что преступность — это не просто множество преступлений, то есть их совокупность, а сложное специфическое системно-структурное образование, противостоящее отдельной личности, обществу и государству.

Здесь и можно увидеть связь понятий «преступление» и «варварство», их общие черты, что помогает прийти к выводу: преступность есть варварство. Например, социальная природа и социальная обусловленность преступления возникают в обществе по мере его развития от первобытного состояния до цивилизованного, помогают провести аналогию между цивилизацией и варварством: если дикарь убивает

своего недруга дубиной, то цивилизованный человек пользуется более мощным оружием, таким как взрывное устройство, отравление газом, огнестрельное оружие и т. д. И мы видим, что все современное оружие — это эволюция той самой дубины. Отсюда следует, что преступники пользуются варварскими предметами, которые за многие века сильно эволюционировали.

Тем не менее варварство нельзя всецело приравнять к преступлению или к культуре, так как оно может проявиться во всех областях, даже при использовании новых технологий. К примеру, компьютер создан для того, чтобы упростить жизнь человека, сделать ее интересней, но этот же компьютер используется как эволюционировавшая дубина для упрощенного завоевания чужих территорий, порабощения, уничтожения других народов.

Таким образом, можно сделать вывод, что варварство — это часть преступления и часть культуры. Если бы варварство не развивалось, то было бы невозможно и развитие культуры.

В. В. Богатырева,

*аспирантка кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Кубанского государственного университета (Краснодар)*

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный этап становления и развития гражданского общества определяется процессами глобализации.

Под гражданским обществом понимается способ социальной жизни, основанный на праве и демократии; общественное устройство, при котором человеку гарантируется свободный выбор форм его экономического и политического бытия, утверждаются права человека, обеспечивается идеологический плюрализм. В то же время суть глобализации состоит в резком расширении и усложнении взаимосвязей и взаимозависимостей между людьми и государствами, что выражается в процессах формирования планетарного информационного пространства, мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, в интернационализации проблем техногенного воздействия на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов и безопасности.

Как было отмечено В. Г. Федотовой, подавляющее большинство методологических подходов к теории глобализации создавалось «по образцу объективистской натуралистической программы, цель которой —

уложить многообразие исторических представлений в идеально типические, четко разделяемые конструкции» раскрытия сущностных черт и оснований «западного/незападного мира», «традиционного» и «современного» общества в соответствии с методологией М. Вебера, выделявшего четыре типа человеческой деятельности: целесообразную, рациональную, аффективную и традиционную.

Поэтому в условиях происходящих в современном мире процессов глобализации и регионализации изучение проблем воздействия данных процессов на государственно-правовую и общественно-политическую жизнь имеет огромное не только теоретическое, но и практическое значение. Не случайно в отечественной и зарубежной литературе этим проблемам в последние десятилетия уделяется повышенное внимание.

В современном гражданском обществе на первый план выходят ценность творчества и мировоззренческого диалога. Это обусловлено тем, что современное государство ориентировано на модернизацию и инновацию, основанием которых является творчество, однако понимание творчества, его ценности, необходимость и направленность в разных культурах, составляющих российское общество, различно. Таким образом, в российском обществе с его спецификой необходим мировоззренческий диалог, способный сближать и согласовывать позиции на уровне гражданского общества, без которого современное конкурентоспособное государство не может существовать.

В результате глобализации на современном этапе гражданское общество образует ту социальную среду обитания людей, где протекает их общественная жизнедеятельность. Ею, по сути, заданы рамки их образа жизни, черты социального облика. Основные функции гражданского общества заключаются в следующем.

1. Социализация индивидов. Включаясь в гражданские взаимоотношения через частный интерес, люди обретают возможности для самовыражения и развития своих потенций в качестве социальных субъектов.

2. Самоорганизация и самоуправление в обширной мозаичной сети частных интересов, для которых внешнее (государственное) регулирование создает лишь общие рамки упорядочения.

3. Интеграция общества через систему горизонтальных связей и каналов информации, сложившихся веками форм социальной солидарности, что в конечном счете обеспечивает целостность общественного организма, историческую преемственность его развития.

4. Создание базовых форм межличностной солидарности, основанной на общности или близости частных интересов, выработка

механизмов согласования расходящихся интересов и урегулирования конфликтов.

5. Стимулирование правотворчества выдвижением требований юридического закрепления тех гражданских и политических прав и свобод, осознание необходимости которых вначале вырабатывается в лоне гражданского общества.

Важным проявлением влияния трансформационного процесса на процесс становления гражданского общества следует назвать особую роль государства в лице его высшего политического руководства и высшего слоя бюрократии. В конечном счете от их позиции, как показывает практика, в огромной степени зависят качество и перспективы формирующегося гражданского общества. Именно государством создаются правовые и институциональные предпосылки гражданского общества, но особенно велика его роль в этом плане именно в условиях трансформации. Многое будет зависеть от готовности государства к конструктивному сотрудничеству с гражданским обществом, к оказанию ему поддержки.

Таким образом, гражданское общество — это совокупность самостоятельных, независимых от государства общественных отношений институтов, основной целью которых является реализация интересов как индивидов, так и коллективов. Эти интересы и потребности выражаются и осуществляются через такие институты гражданского общества, как семья, церковь, система образования, научные и профессиональные объединения, организации, ассоциации, осуществляющие свою деятельность на основе реального самоуправления. Сущность гражданского общества проявляется в рамках различных социальных сил, общественных образований. Главным действующим субъектом такого общества является человек со всей его системой потребностей и интересов.

О. В. Вербовая,

*профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан),
доктор юридических наук*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

1. Мировые тенденции в экономической и политической сферах показывают возросшее внимание к правам человека, влиянию бизнеса на права человека и ответственности компаний за их нарушение. В современный период в качестве одной из основных тенденций разви-

тия прав человека учеными выделяется «тенденция увеличения разрыва между теорией и практикой реализации прав человека, между формальным провозглашением прав человека в условиях глобализации и их реальным осуществлением». Обозначенная тенденция приобретает нарастающий характер, что вызывает опасения. Это порождает необходимость «корректировки» некоторых подходов к правам человека и переосмысления ряда сложившихся представлений о них. Права человека — это пласт общечеловеческой культуры. Существенной гарантией их реализации выступает высокий уровень культуры прав человека, изменяющий отношение к правовым механизмам их защиты.

В последние годы наблюдается смещение акцентов с рассмотрения формально-юридических в сторону содержательных, сущностных аспектов прав человека. Это объясняется тем, что в реальной жизни права человека не могут существовать вне социального сообщества на определенном этапе его развития, при этом они оказывают взаимное воздействие друг на друга. Существенно влияет на права человека и процесс глобализации. Каковы же последствия этого воздействия? Однозначного ответа нет. Исследователи отмечают как позитивные, так и негативные последствия. В том числе то, что «идущая ускоренными темпами глобализация экономики во всемирном масштабе не только консервирует и углубляет неравенство между странами и народами, но и увеличивает разрыв внутри страны между богатыми и бедными, между работающими по найму и живущими на проценты с капитала, между различными общественными слоями и даже между отдельными людьми».

Из сказанного вытекает, что имеется необходимость в коррективах некоторых подходов к правам человека. Главной задачей должно стать дальнейшее наполнение реальным содержанием провозглашенных законодательством прав, создание эффективного механизма их реализации. В основу этого процесса должна быть положена культура прав человека, базирующаяся на идее их уважения и соблюдения.

2. Защита прав человека является первоочередной задачей государства. Права человека выступают также ключевым вопросом функционирования бизнеса как носителя экономической власти. Остановимся на отдельных вопросах юридической и социальной ответственности бизнеса в аспекте прав человека. Любой вид ответственности предпринимательских структур или физических лиц наступает лишь в случае нарушения ими установленных в обществе определенных правовых, моральных и других норм, которые требуют от названных субъектов ответственного поведения в социальной среде. Юридическая ответственность

наступает при нарушении правовых норм, социальная и иная ответственность — при нарушении норм морали, корпоративных норм неюридического характера. Одной из особенностей юридической ответственности бизнеса является ограничение ее рамками действующего законодательства и определенными сферами жизни общества и государства. Анализ корпоративного и уголовного законодательства показывает, что объектами, защищаемыми в уголовном порядке от неправомерных действий бизнеса, являются окружающая среда, безопасность производства и пр. Что касается социальной ответственности бизнеса, то она определяется в документах ООН как такой способ осуществления предпринимательской деятельности компаниями, который «способствует росту благосостояния общества и улучшению окружающей среды». Однако заметим, что такая «добровольность» зачастую бывает вынужденной, обусловленной долгосрочными интересами корпораций. Социально-политическая ответственность должна распространяться не только на трудовые отношения и охрану прав потребителей или на обеспечение интересов служащих корпораций и их акционеров, но и на все другие слои и сферы жизни общества и государства. В литературе нашло отражение мнение, что «в перспективе с целью усиления роли и значения бизнеса в его «природной» среде — в области экономики (поскольку речь идет о рыночной экономике), с одной стороны, а с другой — с целью повышения его ответственности перед обществом представляется весьма целесообразным в максимальной степени приблизить, а в ряде случаев и совместить социально-политическую ответственность бизнеса с его юридической ответственностью».

Прогрессивные компании признают свою роль в обеспечении соблюдения прав человека в пределах и за пределами своей деятельности. Для этого они определяют права человека, на которые имеют влияние, просчитывают риски их нарушения от действий компании, разрабатывают внутреннюю политику по защите прав человека и соответствующие рекомендации для заинтересованных сторон. Важным событием стало опубликование в 2010 году первого в мире международного стандарта по социальной ответственности ISO 26000. Стандарт продемонстрировал важность корпоративной социальной ответственности компаний (КСО) за свое влияние на общество. В соответствии со стандартом, «социальная ответственность — это ответственность организации (2.12) за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду (2.6) через прозрачное и этичное поведение (2.7), которое содействует устойчивому развитию (2.23), включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтере-

сованных сторон (2.20); соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения (2.11); интегрировано в деятельность всей организации (2.12) и применяется в ее взаимоотношениях».

Как видно, стандарт включает семь принципов социальной ответственности и семь основных тем. Права человека — единственная сфера, представленная и в принципах, и в основных темах. В стандарте указано, что любая организация должна уважать и продвигать права человека, принимать меры для их соблюдения и следовать всем международным нормам поведения. Корпоративная социальная ответственность бизнеса не заменяет роли государства. Компаниям следует соблюдать все международные нормы поведения не только внутри, но и в отношениях с партнерами. В настоящее время менеджеры стали видеть корпоративные преимущества в соблюдении прав человека, в том числе: положительное влияние на репутацию, налаживание отношений с местными сообществами, соответствие ожиданиям сотрудников и др. Вместе с тем имеются и определенные барьеры в отношении ответственного поведения бизнеса и соблюдения прав человека. К ним относятся: материальные затраты, недостаток ресурсов, отсутствие обучения сотрудников в части понимания прав человека и др. Для интеграции прав человека в принятие бизнес-решений предпринимателям следует выступать инициаторами этих вопросов, проводить корпоративную политику по правам человека и претворять ее в деятельность компании, иметь доступ к информации об эффективности работы других компаний в аспекте соблюдения прав человека, в том числе к независимой информации на государственном уровне. Комплексный анализ влияния компаний на права человека является насущной необходимостью.

Таким образом, положения Руководящих принципов ООН о предпринимательской деятельности в аспекте прав человека требуют внедрения в процесс формирования государственной политики (государственные программы) и предпринимательской практики в России.

А. К. Виноградова,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОХРАНУ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Под информационной эпохой понимают очередную веку в истории, в которой главенствующая роль отводится информации, причем информации, в подавляющем большинстве распространяющейся и хранящейся различными электронными способами. Современное общество сложно представить без новинок последних десятилетий, которые значительно изменили процесс обмена информацией, в том числе и в сфере результатов интеллектуальной деятельности.

Это, с одной стороны, положительно влияет на общество. Более свободный доступ к творчеству, к искусству благотворно воздействует на массы, приобщает людей к культуре, внушает необходимость сохранения не только материальных, но и духовных ценностей. В информационном обществе доля грамотного населения планеты существенно возросла, а творчеством могут позволить себе заниматься все большее количество людей.

Однако у прогресса есть и существенные минусы, один из них — сложность предоставления правовых гарантий лицам, занимающимся творческой деятельностью. Доступ к результатам их труда стал свободнее, соответственно появилось больше возможностей их незаконного использования. Таким образом, появилась своеобразная ниша нелегальной деятельности, не только нарушающая права авторов, но и нередко приносящая тем, кто этой деятельностью занимается, теневой доход. Так в чем же причина столь пренебрежительного отношения к результатам интеллектуальной деятельности?

Одним из основополагающих факторов является низкий уровень правовой культуры, приводящий к отсутствию осознания важности результатов интеллектуальной деятельности.

Что подразумевается под термином «правовая культура» в данном контексте?

Приведем пример. Как уже было отмечено, обмен информацией особенно упростился именно в электронном виде, а самой распространенной информационной сетью является Интернет. Например, пользователь, занимающийся фотографией, выложил в своем личном блоге или на общедоступном сайте один из сделанных им снимков. Другой пользователь, возможно, даже без злого умысла и желания выдать чужое произведение за свое, данную фотографию выкладывает на дру-

гом сайте без предварительного разрешения автора, не указывая ссылку на оригинал. Это нарушает права лица, создавшего данную фотографию. При этом нарушитель даже не осознает, что ущемил права автора. Но эта ситуация, пожалуй, наименее опасная, хотя и неприятная для автора.

Гораздо хуже, когда чужие произведения публикуются на общедоступных источниках с заведомой целью распространить их бесплатно, хотя права на подобное распространение у злоумышленника нет.

Нельзя сказать, что количество уголовных преступлений или административных правонарушений в нашей стране мало, но нарушения в области охраны результатов интеллектуальной деятельности совершаются с шокирующей небрежностью. Скорее всего причина этого — отсутствие осознания факта важности и ценности этих результатов. Признавая ценность, например, человеческой жизни или чужих денежных средств и тем самым воздерживаясь от покушения на них, среднестатистический гражданин тем не менее не понимает важности соблюдения интеллектуальных прав. Чаще всего не понимает только до того момента, когда оказываются нарушены его собственные интеллектуальные права, но с подобной ситуацией среднестатистический человек сталкивается нечасто.

Однако нелегальное распространение результатов интеллектуальной деятельности — далеко не единственное правонарушение в области авторского и смежных прав. Не стоит забывать также и про плагиат, невыплату денежного вознаграждения автору, незаконное распространение копий произведений и многие другие правонарушения, совершаемые на регулярной основе.

И на совершение данных правонарушений не может не влиять уровень правовой культуры.

Правовая культура — это одна из многочисленных составляющих культуры в целом, то есть сферы духовных, моральных, нравственных ценностей. Особенность именно правовой культуры заключается в том, что духовные, моральные и нравственные ценности оцениваются с точки зрения права, определенных правовых установок в виде норм и убеждений.

Важность результатов интеллектуальной деятельности даже с точки зрения обыденной культуры бывает далеко не всегда очевидна, этой важностью нередко вовсе пренебрегают. А если говорить о важности с точки зрения правовой культуры, то здесь в целом у людей, не имеющих юридического образования и не занимающихся деятельностью, каким-либо образом связанной с юриспруденцией, отсутствует

понимание важности тех прав, которые предоставляются авторам произведений законом, а также целого спектра гарантий, которыми обеспечивается защита результатов интеллектуальной деятельности. Причиной этого, по моему мнению, является новизна сферы интеллектуальной собственности относительно иных отраслей права. Безусловно, в сравнении, например, с уголовным правом авторское право — это отрасль очень молодая, активно развивающаяся только начиная с XX века. Более того, Российская Федерация в этой области существенно отстает от других стран в связи с тем, что в период СССР авторы произведений были существенно ограничены в своих правах. Лишь недавно (в 1990-х гг.) Россия стала выходить на один уровень с международным законодательством.

Иными словами, на укоренение правовой культуры в иных отраслях права времени было гораздо больше, чем на то, чтобы тот же процесс произошел в сфере охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Какие меры необходимо принять, чтобы исправить эту ситуацию?

Повышение уровня правовой культуры происходит через правовое воспитание населения, то есть требуется объяснение важности соблюдения авторских и смежных прав, внушение ценности результатов интеллектуальной деятельности как особых объектов гражданского права. Кроме того, необходимо бороться с правовой пассивностью в вопросах защиты. Более эффективная судебная защита авторских прав, безусловно, привлечет внимание общественности. Однако, как известно, защита результатов интеллектуальной деятельности — процесс трудоемкий, сложный, требующих особых познаний в специфических сферах (литература, музыка, кинематограф и др.). В связи с этим подобные дела неизбежно затягиваются, в итоге механизм защиты прав работает медленно.

Преодоление небрежного отношения к результатам интеллектуальной деятельности и повышения правовой культуры — долгий процесс, однако не пытаться пройти этот путь исключительно из-за его сложности было бы шагом назад в правовом развитии общества.

О. Н. Громова,*заведующая кафедрой отраслей права СПбГУП,
кандидат юридических наук, доцент***ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОДЕРЖАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Современный период российского общественного развития отличается тем, что модернизация высшего профессионального образования в нашей стране осуществляется посредством активного инновационного развития, адаптируясь при этом к условиям поликультурности и полипарадигмальности. При этом глобализация современного социума и экономическое развитие страны активно способствуют указанному процессу. Подобные глубокие изменения диктуют необходимость проведения серьезных реформ высшего профессионального образования, направленных на создание условий, способствующих быстрой адаптации выпускников вузов к современным требованиям активно меняющейся действительности и приспособлению системы профессиональной подготовки к нуждам рыночной экономики.

Современный период жизнедеятельности общества характеризуется развитием экономического сотрудничества, увеличением потоков движения товаров, капиталов, услуг. При этом его экономическая составляющая в условиях глобализации связана с ростом объема торговли, активным вложением инвестиций, либерализацией и дерегуляцией передвижения капитала, диверсификацией рынков технологий и финансов, возрастанием роли информационно-коммуникационных технологий, влиянием транснациональных корпораций на мировые экономические процессы и, конечно, обострением конкуренции.

В долгосрочной перспективной программе развития системы образования «Российское образование–2020: модель образования для инновационной экономики» обозначены пути ее реализации посредством повышения конкурентного преимущества российской системы образования при условии ее открытости глобальному рынку знаний, технологий и талантов и создания условий для привлечения в образовательную практику современных знаний, технологий и лучших специалистов.

В связи с этим достаточно актуальными являются перспективы высшего образования по подготовке специалистов для экономической сферы, являющейся достаточно уязвимой. Согласно официальной статистике, в последние годы наблюдается снижение количества преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности. Однако данное

обстоятельство не свидетельствует о достижении стабильности в этом направлении. Это подтверждается оценкой показателей экономической преступности, сделанной В. В. Луневым: он указал, что если бы удалось зарегистрировать хотя бы четверть реальной экономической преступности, то она могла бы многократно превзойти число самых распространенных традиционных краж, которые составляют более 50 % всех зарегистрированных противоправных деяний. Схемы таких преступлений постоянно совершенствуются, выявлять их все сложнее, а ущерб от них становится все существеннее. Вместе с тем Президент Российской Федерации В. В. Путин 3 декабря 2015 года в своем обращении к членам Федерального собрания отметил, что в стране ежегодно возбуждаются 200 тыс. дел экономической направленности, а на рассмотрение суда поступают только 15 % уголовных дел от их общего количества. Отсюда следует, что в большей степени преступления в сфере экономической деятельности носят латентный характер и не учитываются компетентными органами.

Угроза экономике по-прежнему остается реальной и требует действенных методов, в связи с чем в процессе обучения в вузе студенты должны получать навыки, позволяющие оградить свою организацию от противоправных посягательств путем их предупреждения. Речь идет о тех деяниях, которые уголовный закон относит к преступлениям в сфере экономической деятельности. Внедрение в профессиональную подготовку специалистов для экономической сферы блока знаний по виктимологии позволит будущим экономистам, юристам, конфликтологам, менеджерам и другим, то есть всем специалистам экономической сферы, оградить от противоправных деяний свой участок профессиональной деятельности, так как требования к современному образованию основаны не столько на наличии определенной системы знаний, сколько на готовности специалиста решать профессиональные задачи.

Соответственно возникает вопрос: насколько перспективно правовое направление развития профессиональной подготовки специалиста экономического профиля в вузе? Н. В. Красюк отмечает, что современное общество предполагает новую совокупность ценностей, основой которой является общая компетентность специалиста, включающая правовую компетентность. Ученый отмечает, что правовая компетентность специалиста «подразумевает знание и выполнение им социальных норм и правил поведения, которые устанавливаются или санкционируются государством согласно его полномочиям, правам и обязанностям».

Таким образом, формирование правовой компетентности в условиях современной экономики является обязательным для профессиональ-

ной подготовки специалиста гуманитарного профиля, и не только в ее традиционном понимании. Достаточно важным компонентом ее содержания являются ценностные и мотивационные составляющие современного понимания права и обучение этим аспектам посредством дисциплин профессиональной подготовки, необходимых для получения знаний определенной профессиональной сферы.

Ю. Н. Денисова,

доцент кафедры отраслей права СПбГУП

НЕВОЗМОЖНО ЦЕЛИКОМ ПОСВЯТИТЬ СЕБЯ ДЕЛУ, НЕ ВПИТАВ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ДУХ ПРОФЕССИИ

Общеизвестно, что римское право определило как принципы, так и строгие правила организации и деятельности нотариата, эпоха же Средневековья продолжила эту традицию, которая с течением времени из Италии распространилась по всей Европе. Главным в этом деонтологическом кодексе было обеспечение высокого качества работы нотариусов и определение их статуса. Что касается понимания роли и значения института нотариата в современном обществе, то в большинстве случаев нотариус воспринимается как полномочное должностное лицо «с печатью», а нотариальная деятельность — как сугубо юридико-техническая, не имеющая глубокого содержания. Однако на современном этапе экономического развития общества развитие нотариата, в том числе и отечественного, возможно (и необходимо) в различных направлениях: законодательство, правоприменительная практика и тому подобное, но главным из них, на наш взгляд, является развитие нотариального права, создание полноценной доктрины нотариата. Представляется, что это позволит изменить представление о нотариате, обосновать, что институт нотариата действительно обеспечивает правовую основу гражданского оборота, в том числе и в России, и что нотариат не является только сугубо юридико-технической специальностью, а представляет собой институт, имеющий более глубокое значение.

Цивилисты всех стран связывают становление и развитие нотариата с появлением частной собственности и необходимостью ее защиты. Возникновение этого института связывают и с необходимостью доказательств, объясняя это тем, что на смену доказательству устному пришло доказательство письменное, и тем самым выделяя письменность как один из основных факторов появления института нотариата. Безусловно,

эволюция нотариата тесно связана и с моральным началом, о чем свидетельствует история его становления и развития в Египте — одном из древнейших государств, где для совершения государственных действий необходимо было их письменное «закрепление» и, что характерно, не столько для потомков, сколько для религиозных обрядов. И сегодня своеобразие взаимодействия права и морали со всей яркостью проявляется в таком правоохранительном институте, как нотариат.

Что касается места нотариата в механизме реализации частного права, то оно (по мнению большинства правоведов) определяется прежде всего функцией оптимизации этого механизма, а также функцией его силовой поддержки и задачей его восстановления, то есть, как правило, из всех форм правового регулирования нотариально релевантной представляется реализация правовых норм путем соблюдения, использования, исполнения и применения. Таким образом, в структуре правоприменительного механизма нотариату отведено место звена, которое предназначено для публичного удостоверения юридически значимых фактов и обеспечения содействия адресатам частноправовых норм в осуществлении их предписаний, а в случаях, предусмотренных действующим законодательством, на нотариат возлагается и такая функция, как властный контроль деятельности субъектов гражданско-правовых отношений.

Изучая институт нотариата как фундаментальное и древнейшее правовое явление, необходимо, к сожалению, отметить, что в основном исследования ученых-цивилистов, как отечественных, так и зарубежных, посвящены природе правового статуса нотариата, месту нотариата в механизме правового регулирования и правоприменения, условиям и порядку совершения отдельных видов нотариальных действий, роли правил совершения нотариальных действий в реализации положений норм материального права и др. То есть институт нотариата подвергается, как правило, только позитивистскому нормативно-логическому осмыслению, да и то в форме юридических комментариев, хотя давно очевидно, что данный институт крайне нуждается в специальном философском и культурологическом осмыслении. Справедливости ради отметим, что поскольку существует нотариат, то существует и его практическая философская интерпретация, которая интегрирована в общий контекст философии права, имплицирована в идеологические сентенции и формальные силлогизмы правовых доктрин. Однако в настоящее время крайне необходима целенаправленная философская разработка данного правового явления. Развиваться же философия нотариата может в разных формах, начиная, например, от методологиче-

ских до метафорических. Важно иное, это должны быть работы в которых будут изложены размышления или же идеологические метафоры о смысле существования самого нотариата, его миссии, месте и значении нотариата в праве, истории развития общества и его культуры и др. И поскольку институт нотариата, несомненно, является одним из ключевых правовых институтов, которые стоят на защите прав и законных интересов субъектов гражданско-правовых отношений, он заслуживает внимания не только цивилистов, но и философов, культурологов, а также всех тех, кому интересен институт нотариата, допуская не только дискурсивный, но и структурно-символический или художественный стиль философствования. Представляется, что такого рода исследования вызовут интерес не только узкого круга специалистов в сфере нотариата, но и студентов вузов, поскольку, как утверждают многие философы, культурологи, цивилисты, невозможно полноценно служить делу, не впитав изначальный дух профессии, а качественное выполнение своих профессиональных обязанностей предполагает осмысленность тех или иных правовых явлений.

Е. С. Диденко,

*студент III курса юридического факультета
Кубанского государственного университета (Краснодар)*

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ ПО ВРЕМЕНАМ ГОДА

Основатель антропологической школы в уголовном праве и криминологии Чезаре Ломброзо в своей работе «Преступный человек» исследовал влияние климата на совершение преступлений. Проанализировав статистические данные о совершенных убийствах, изнасилованиях и политических преступлениях в различные месяцы, ученый пришел к выводу, что больше всего преступлений совершается в теплое время года. Чезаре Ломброзо объяснял это тем, что тепло, подобно алкоголю, возбуждает нервные центры человека, вследствие чего имеет огромное влияние на его нравственные наклонности. Очевидно, что существует множество не связанных с климатическими условиями факторов, влияющих на преступность, преступника и совершение преступления.

Однако нельзя отрицать взаимозависимость природы и человека. Природа всегда играла крайне важную роль в становлении общества и государства, влияла на эволюцию цивилизации, психическое и биологическое здоровье человека, его умственные способности. Эта

зависимость предопределяет необходимость учета климатического воздействия на совершение преступлений. Анализ преступности в различное время года покажет, какие преступления (против личности, против собственности, политические) преобладают в том или ином месяце, что послужит основанием для усиления предупредительных криминологических мер именно в эти периоды. Для их определения проанализируем статистические данные о совершенных преступлениях за последние пять лет.

В 2012 году в марте совершено больше всего преступлений вообще, а также преступлений против личности. В октябре совершено больше всего преступлений против собственности. В декабре совершено меньше всего преступлений.

Анализ преступлений за 2013 год показал, что в октябре совершено больше всего преступлений, в частности преступлений против собственности. В марте совершено больше всего преступлений против личности. В декабре совершено меньше всего преступлений.

В 2014 году в октябре совершено больше всего преступлений, в частности преступлений против собственности. В марте совершено больше всего преступлений против личности. В ноябре совершено меньше всего преступлений.

В 2015 году больше всего преступлений, в частности преступлений против собственности, совершено в октябре. В марте совершено больше всего преступлений против личности. В январе совершено меньше всего преступлений.

По имеющимся данным, за 2016 год больше всего преступлений, в частности преступлений против личности и преступлений против собственности, совершено в марте. Меньше всего преступлений совершено в июле.

Анализ статистических данных о преступности за последние пять лет показывает, что в теплые месяцы совершается больше преступлений, чем в холодные, исключение составляет только 2016 год, когда меньше всего преступлений совершено в июле (но год еще не закончился). В каждом из пяти лет больше всего преступлений против личности совершено в марте. Больше всего преступлений против собственности совершено в октябре, за исключением 2016 года (октябрь 2016 г. еще не наступил).

Подобные закономерности наблюдаются также при анализе политических преступлений с 2011 по 2015 год, а именно преступлений экстремистского характера и террористической направленности.

Приведенные статистические данные за пять лет отражают закономерность совершения политических преступлений в теплые периоды года, исключением является только 2013 год, когда больше всего преступлений террористической направленности совершено в декабре, а меньше всего в июне.

Таким образом, несмотря на множество социальных факторов, влияющих на преступность, приведенные статистические данные доказывают влияние климатических условий на совершение преступлений, а именно преобладающее число преступлений в теплые месяцы. При этом преступления против личности совершаются в наибольшем количестве в марте, а против собственности — в сентябре, политические преступления более хаотичны. Определение наиболее опасных периодов в году служит основанием для усиления криминологических предупредительных мер именно в данные периоды: в марте — против насильственных преступлений, в октябре — против преступлений против собственности, в целом в теплые месяцы — для политических преступлений.

Э. А. Интезарян,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОФОРМЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

Правовая культура — понятие многогранное и сложное, высокий ее уровень в государстве достигается исключительно при равномерном поступательном развитии системы права и координации деятельности государственного механизма. Структура правовой культуры включает развитие правового сознания населения и всей правовой системы.

На современном этапе наследственное право как подотрасль гражданского права имеет особое значение и важно для изучения и соответственно дальнейшего развития законодательства в данной области. Желает человек этого или нет, но так или иначе сталкивается с наследственным правом хотя бы раз в жизни, в том числе при принятии перешедшего ему наследства. Зачастую у граждан бывает недостаточно знаний для защиты своих прав в данной области.

С момента открытия наследства до принятия его наследниками наследство рассматривается как совокупность прав и обязанностей,

являющихся по сути бессубъектными. Оформление наследственных прав граждан как естественная завершающая стадия тем не менее только фиксирует момент возникновения прав, позволяя не только отслеживать его, но и регулировать. Ввиду недостаточно высокого уровня правовой культуры населения данный процесс может быть сопряжен для них с целым рядом трудностей.

Очевидно, что даже при наличии совершенного законодательства граждане, у которых сформировано обыденное правосознание, будут сталкиваться с препятствиями при осуществлении необходимых для оформления наследственных прав действий и формальностей. Между тем правовое регулирование наследственных прав в настоящий момент далеко от совершенства.

Подобная ситуация наблюдается как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве, что подтверждается во многом схожими нормами, регулирующими процесс оформления наследства. Анализ общих положений законодательного регулирования оформления наследственных прав и зарубежного опыта оформления наследственных прав доказывает во многом параллельное развитие норм российского и иностранного права. Существующие расхождения в регулировании связаны в большей степени с различием правовых систем. Тенденции к унификации законодательства о наследовании и оформлении наследственных прав, сложившиеся в международном частном праве при своем воплощении, не могут достигнуть поставленной цели — упрощения оформления прав на наследство. Некоторые положения зарубежного законодательства можно было бы включить во внутреннее законодательство Российской Федерации, в частности нормы немецкого законодательства, определяющие первичным при открытии наследства место нахождения имущества, а не последнее место жительства наследодателя.

Возникающие при правоприменении проблемы во многом являются прямым следствием большого объема нормативного материала, регулирующего наследственные правоотношения. Правовой порядок оформления наследственных прав в России не закреплен в едином нормативно-правовом акте, несмотря на то что значительная часть норм наследственного права сосредоточена в ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации. Коллизии законодательства в области оформления наследственных прав возникают на стыке наследственного права и иных отраслей — корпоративного права, банковского права, налогового права, пенсионного права и т. д.

Ввиду вышеназванных причин практические проблемы при применении наследственного законодательства неизбежны. В частности, в свя-

зи с проблемами правоприменительной практики, возникающими при необходимости установить, что фактическое принятие наследства обратившимся за выдачей свидетельства о праве на наследство наследником имело место, в законе необходимо не зафиксировать закрытый перечень всех документов, которые могут подтверждать фактическое принятие наследства, а указать, что решение данного вопроса о признании приведенных доказательств достаточными находится в компетенции нотариусов.

Ярким примером источника практических коллизий может стать тот факт, что в настоящий момент раздел наследственного имущества между наследниками может осуществляться как до выдачи им свидетельства о праве на наследство, так и после, в зависимости от наследуемого имущества. На наш взгляд, с точки зрения процедуры оформления наследственных прав целесообразно было бы предусмотреть обязательность раздела имущества непосредственно перед выдачей свидетельства о праве на наследство. Такой порядок предотвратил бы возможную путаницу при регистрации прав.

Еще одна острая проблема — правовой статус нерожденного ребенка наследодателя. В Гражданском кодексе он не определен, что порождает неопределенность в толковании прав нерожденного ребенка на наследство. Так как правоспособность возникает у лица в момент появления на свет, очевидно, что у нерожденного ребенка не может быть прав на наследство, а только возможность появления у него этого права после рождения.

Согласно ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, нотариус обязан оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, а также разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий с тем, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред. Таким образом, очевидна роль института нотариата как инструмента повышения уровня правовой осведомленности граждан и формирования у них правовой культуры. Непосредственно в процессе оформления наследства, который начинается с момента подачи гражданином заявления о принятии наследства нотариусу и момента открытия наследственного дела после умершего наследодателя, нотариус, как гарант соблюдения прав наследников, разъясняет им положения действующего законодательства в области наследственных правоотношений, разрешая возникающие неясности и коллизии.

Из вышесказанного следует, что упрощение и совершенствование действующего законодательства подотрасли наследственного права необходимо по целому ряду причин, среди них одной из важнейших является необходимость упрощения правового регулирования наследственных правоотношений. Таким образом, очевидна тесная взаимосвязь уровня правовой культуры населения и темпа развития законодательства в области наследственного права. И только при координации их видоизменения возможно достижение наиболее полного и совершенного с точки зрения практики регулирования процесса оформления наследственных прав граждан.

В. А. Козлов,

*доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат медицинских наук*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Профессиональная деятельность, права и обязанности медицинских работников регламентированы Конституцией РФ и федеральными законами о здравоохранении. Общие положения законодательства о здравоохранении развиваются и детализируются ведомственными документами, в которых определяется порядок решения частных вопросов здравоохранения. Поэтому необходимо точное выполнение положений, записанных в приказах, распоряжениях и инструкциях. Невыполнение предписанных требований медицинскими работниками приводит к профессиональным правонарушениям и свидетельствует о недостаточной правовой культуре.

Важным показателем профессионализма и правовой культуры врачей является соблюдение правил заполнения и ведения медицинской документации, особенно истории болезни, юридическое значение которой очень велико. При оказании помощи больному история болезни выступает в качестве своеобразного протокола, фиксирующего все меры по выполнению обязанностей лечебного учреждения в отношении госпитализированного и его законных прав. На этом основано юридическое значение указанного документа, так как он дает возможность судить о правильности и своевременности лечения.

История болезни является основным первичным медицинским документом, который составляется на каждого больного, находящегося

в стационаре лечебного учреждения. В нее записываются все медицинские наблюдения за состоянием больного и все проведенные мероприятия по диагностике и лечению.

Правовая значимость истории болезни наиболее четко раскрывается при возникновении конфликта между больным или его родственниками и лечащим врачом, и особенно когда возбуждается уголовное дело против врача. Это имеет место и в случае правонарушения со стороны самого больного, когда история болезни может дать важную информацию по делу. В юридической практике она чаще всего используется как источник доказательств в случаях причинения вреда здоровью, половых преступлений, убийств и самоубийств, а также по уголовным и гражданским делам, связанным с решением вопроса о вменяемости или дееспособности и т. п. При этом в разных случаях и на разных этапах расследования могут оказаться очень важными сведения, содержащиеся в таких документах. Некоторые данные из них, особенно в отношении травматических больных, необходимы прежде всего для оперативной работы по раскрытию преступления и обнаружению виновника. Поэтому лечебные учреждения должны незамедлительно извещать прокуратуру или полицию обо всех больных, поступивших по поводу травм и отравлений.

История болезни служит источником информации при назначении судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы. Когда речь идет о совокупности признаков, характеризующих состав преступления, то значимую роль история болезни может сыграть при раскрытии объективной стороны правонарушения, то есть в установлении способа действия правонарушителя, вредного результата этого действия, причинно-следственной связи между действием и наступившими последствиями, времени и места действия и других обстоятельств. Неточные и неполные данные медицинских документов могут негативно отразиться на процессе расследования.

Для правоохранительных органов немаловажное значение имеет установление времени и места происшествия, где пострадавший получил травму. Ответ на этот вопрос или ориентировочное указание могут дать записи в истории болезни и в сопроводительном листе «Скорой помощи». В последнем должно быть указано, где взят больной, а в истории болезни — откуда и каким образом он доставлен в лечебное учреждение.

Очень важными сведениями для следственных органов являются указания в истории болезни на характер травмирующего предмета, которым причинены повреждения. Первые данные об орудии травмы следователь нередко получает именно из истории болезни. Если у пострадавшего

колото-резаная рана, то сотрудник полиции будет искать нож, а если в диагнозе указано огнестрельное ранение, то внимание оперативника будет направлено на обнаружение именно огнестрельного оружия. К сожалению, нередко в диагнозах встречаются неточные указания о травмирующем предмете и механизме травмы. Ушибленные раны иногда диагностируются как рубленые или резаные, колотые раны принимают за пулевые и т. д. Подобные ошибки могут вызвать серьезные в юридическом отношении последствия.

Большое значение имеют точные данные о повреждениях у госпитализированного. Следует помнить, что первоначальный вид ранений значительно изменяется в результате хирургических вмешательств, осложнений травмы и процессов заживления. Различный характер изменений затрудняет в последующем решение многих вопросов судебно-медицинской экспертизы, назначаемой, как правило, не сразу, а спустя некоторое время после происшествия. В таких случаях может помочь только история болезни, прежде всего подробно и правильно записанные в ней сведения о повреждениях. Поэтому в настоящее время со стороны правоохранительных органов, страховых компаний и других учреждений еще больше возрастают требования к качеству исполнения медицинских документов.

Из общих требований выделим ряд принципиальных положений:

- определенный порядок и последовательность изложения информации;
- исчерпывающая полнота необходимых сведений;
- точность и ясность изложения.

Соблюдение этих требований служит показателем не только профессионального уровня, но и высокой правовой культуры медицинских работников.

Ю. А. Колпаков,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

ЕДИНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ОСНОВА ЕДИНСТВА НАЦИИ

Российское общество, находящееся на социально-историческом переломе, испытывает острую потребность в понимании целей экономических и политических преобразований и в идеях, способных сплотить его для реализации этих целей.

Единым может быть только государство, скрепленное общей идеей. Ведь только государство способно объединить разрозненные представления, чувства, эмоции миллионов своих граждан и выразить их общую волю на рациональном уровне посредством правовой политики и практики ее реализации. Существенным фактором единства российского народа выступает государственная идеология.

Одним из приоритетов развития демократического правового Российского государства на современном этапе стала выработка общих для всех россиян ценностей, всеми разделяемой национальной идеи. Для такой многонациональной и многоконфессиональной страны, как Россия, это имеет особое значение.

По результатам всероссийской переписи населения Россия является одним из самых многонациональных государств мира — представители свыше 200 народов и этнических групп проживают на территории страны. Семь народов, населяющих Россию, — русские, татары, украинцы, башкиры, чувашы, чеченцы и армяне имеют численность населения, превышающую 1 млн человек. Русские являются наиболее многочисленной национальностью, их численность составила 116 млн человек. Как констатируется в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ 15 июня 1996 года: «Благодаря объединяющей роли русского народа сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов». Таким образом, русский элемент общности, экономики, культуры, психологии является определяющим для других этносов и всего государства.

Развитие Российского государства свидетельствует, что имперская идеология царской России, а затем коммунистическая идеология потерпели крах. После распада Советского Союза, когда не стало объединяющей идеи, тем не менее удалось сохранить единое федеративное государство. Как справедливо отмечал Р. Г. Абдулатипов: «Альтернативы межнациональному взаимодействию и единству, объединению разнациональных сил в Российской Федерации не существует».

После президентских выборов 1996 года в обществе развернулась дискуссия о выработке национальной идеи. Сторонником этого был и глава государства. Выступая на встрече со своими доверенными лицами 12 июля 1996 года, он сказал: «В истории России в XX веке были разные периоды — монархия, тоталитаризм, перестройка. На каждом этапе была своя идеология. А у нас ее сейчас нет. И это плохо. Подумайте над тем, какая национальная идея, национальная идеология — самая главная для России». В качестве объединяющих предлагались

различные идеи: национальное самоутверждение, государственность, религиозное возрождение и др.

Особая роль в формировании государственной идеологии принадлежит конституции. С. А. Авакьян справедливо отмечает, что «конституция просто не может не быть идеологическим — в смысле мировоззренческим — документом... Каждая конституция закрепляет свою систему общественных ценностей... И нацелена на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества». В учении о конституции при рассмотрении ее сущности особо отмечается ее идеологическая функция, которая заключается в том, что Основной закон является средством идеологического воздействия. «Конституционные ценности, будучи стержнем либерально-демократической идеологии, защищаются и охраняются». Конституция РФ обладает наивысшей юридической силой и легитимностью, так как принята непосредственно народом на референдуме, поэтому россияне признают идеологические нормы, закрепленные в ней, а государство обязано обеспечить всеми законными средствами их пропаганду в обществе.

В целом взгляды ученых-государствоведов в отношении формирования единой государственной идеи разделились на два полярных лагеря.

Сторонники одного подхода утверждают, что в такой многонациональной стране, как Россия, идея, обеспечивающая единство государства, должна быть наднациональной. Мы присоединяемся к суждениям ученых, полагающих, что формирование наднациональной концепции государственности России служит предпосылкой единения российского народа. Суть наднациональной концепции видится в создании модели федерации, которая обеспечила бы постепенное формирование единой российской нации.

По мнению В. А. Тишкова, выращивание и культивирование особой наднациональной в этническом смысле общности российского народа — российской нации — может стать идейной основой обеспечения жизнеспособности Российского государства, поддержания его единства, целостности и стабильности, достижения национального согласия.

Другой подход связан с тем, что в многонациональной и многоконфессиональной России государственная идея не может быть наднациональной. По мнению Ф. З. Дзапшбы, цивилизационные параметры современного западного федерализма задаются во многом несущим сверхконцептом «постнационального общества». В России так или иначе системообразующим центральным сверхконцептом выступает «полиэтническое государство».

Действительно, характерной особенностью Российской Федерации является то, что она представляет собой одно из крупнейших в мире многонациональных государств.

Полагаем, что объединяющей и примиряющей национальной государственной идеей вполне может выступить идея единой и неделимой России.

По мнению аналитиков, события последних лет и особенно трагедия в Беслане заставили Кремль по-новому взглянуть на лозунг обеспечения единства страны, сделав его главным и системообразующим. По мнению Владислава Суркова, тезис Президента РФ «Россия должна быть единой» вполне подходит для новой национальной идеи. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ в 2003 году так и называлось — «Сильная Россия — единая Россия».

Именно Президент РФ и Федеральное собрание должны разрабатывать и утверждать государственную идеологию. При этом необходимым условием должно быть привлечение широкого круга политической, религиозной и научной общественности. Как отмечают В. И. Коваленко и Е. В. Голошумов, «без четкого научного обеспечения... Она может обернуться еще одним монстром, которые уже не раз терзали Россию, стать средством политического манипулирования, направленного против страны и народа». Кроме того, считаем целесообразным вынесение соответствующей концепции на всенародное обсуждение.

В рамках становления нового федеративного государства невозможен возврат к старым идеологическим догмам, необходима новая интегрирующая национальная идея, которая должна основываться на демократии, гражданственности, патриотизме. «Достижение не провозглашаемого, а реального единства правового, политического и социально-экономического пространства станет необратимым в том случае, если у всех народов, проживающих на территории Российской Федерации, выработается ощущение принадлежности к России не на основе крови, а на основе историко-культурной общности и единого государственного языка».

Е. В. Королева,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАВОотношения в Российской Федерации: Теория и практика в сфере высшего образования

В XXI веке наблюдается растущее стремление граждан России к получению высшего образования на территории своей страны и за рубежом, что говорит о его преобразовании из элитарного явления в массовое. Проблемами права на высшее образование и его реализацией активно занимались М. С. Андиева, С. В. Барабанова, В. В. Кванина, Е. А. Суханов, В. В. Спасская, В. М. Сырых, В. И. Шкатулла и многие другие.

Действующая Конституция РФ в ст. 43 закрепляет абсолютное право каждого гражданина на образование, то есть возможность любого лица реализовать данное право независимо от происхождения, пола, расы, политических и религиозных убеждений, места жительства, социального и имущественного положения, профессии и т. д.

Под образованием в Законе 2012 года «Об образовании» понимается «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов».

Конституционное право на образование находится в тесной связи с правом на свободу информации (ст. 29); правом на объединение (ст. 30); свободой совести (ст. 28); свободой литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества; правом на участие в культурной жизни (ст. 44) и т. д.

Конституционное право на образование построено на четырех взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга принципах:

- свобода образования;
- равный доступ к образованию;
- участие государства в образовании;
- равенство в образовании.

В отношении высшего образования действующая Конституция в ч. 3 ст. 43 закрепила единственную норму о праве каждого на конкурсной

основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии.

При анализе конституционного права на высшее образование стоит обратить внимание на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, который содержит следующую оговорку относительно высшей школы: согласно п. «С» ч. 2 ст. 13 Пакта, государства-участники должны стремиться к принятию мер для «постепенного введения бесплатного образования». СССР подписал настоящий Пакт 18 марта 1968 года, в связи с чем можно сделать вывод, что, в отличие от того времени, когда получение высшего образования было бесплатным с дальнейшим распределением обучающихся, в настоящее время данное обязательство Россией не соблюдается. Более того, положение постоянно усугубляется: сокращаются бюджетные места и места по «целевому приему».

При анализе конституционного права на высшее образование можно прийти к следующим выводам:

— получить бесплатное высшее образование могут не только граждане РФ, но и иностранные граждане, лица с двойным гражданством, лица без гражданства;

— высшая школа не предусматривает гарантии общедоступности и бесплатности образования;

— ст. 43 Конституции РФ, закрепляющая право на образование, распространяет свое действие только на государственные и муниципальные образовательные учреждения. Возникает вопрос о праве каждого получить высшее образование в негосударственной образовательной организации за счет средств из федерального бюджета, бюджета субъекта РФ или путем получения иной субсидии. Статья 43 в целом не содержит упоминания о негосударственных образовательных организациях. Содержание статьи относительно высшего образования основано на советских нормах без учета специфики действующей системы образования;

— одним из обязательных условий поступления в образовательные учреждения является успешное прохождение конкурсных испытаний. Можно сказать, что отрицательный или недостаточный для поступления на «бесплатное» место результат не позволяет абитуриенту воспользоваться бюджетными ассигнованиями, а в ряде случаев не позволяет реализовать свое право на высшее образование за счет собственных средств;

— получение высшего образования в образовательной организации — право, а не обязанность. Гражданин по своему усмотрению может реализовать право на высшее образование исключительно как за счет

собственных средств, не пытаясь поступить в вуз за счет бюджетных средств, так и наоборот.

Право на высшее образование реализуется посредством заключения между студентом и образовательной организацией договора об оказании образовательных услуг. Вопрос о применении данной гражданско-правовой конструкции остается дискуссионным, что отражено в трудах С. В. Барбановой, В. В. Кваниной, В. В. Спасской, Е. А. Суханова и В. М. Сырых. Особенности обязательства, регламентируемого гл. 39 ГК РФ, позволяют прийти к выводу о специфике образовательных правоотношений и ее значительном выходе за пределы предусмотренного договорного регулирования. Во-первых, обеспечение права на высшее образование вне зависимости от положений договора реализуется благодаря командно-административному методу воздействия. Во-вторых, при реализации права на высшее образование студент и образовательная организация находятся в неравном положении, что не характерно для обязательств в сфере оказания услуг. Задание, которое согласно положениям ГК РФ исполнитель обязан выполнить, во многом зависит не от желания студента, а от выработанного Минобрнауки РФ ФГОС и основной образовательной программы, принятой вузом без непосредственного участия заказчика. В-третьих, остается неоднозначным положение о «возмездном» оказании образовательных услуг для лиц, которые обучаются не за счет собственных средств, поскольку с непосредственным плательщиком (государство, субъект РФ, муниципальное образование, юридическое лицо) в отношении конкретных обучающихся соглашение в большинстве случаев не заключается, в том числе когда в адрес образовательной организации направляется субсидия для подготовки студентов.

В. В. Косарева,

старший преподаватель кафедры отраслей права СПбГУП

СОЗДАНИЕ МЕТОДИК ОПТИМАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Европейский Союз и Российская Федерация впервые со времен Второй мировой войны сталкиваются с большими потоками мигрантов, которые нуждаются в защите и размещении на территории стран-реципиентов. Очевидно, что государство, как важнейший регулятор общественных отношений, должно способствовать сохранению и развитию правовой культуры в стране.

Современная политика в области миграционных отношений оставляет дискуссионным вопрос инкорпорации мигрантов. Известно, что мигранты, прибывшие в страну, в той или иной степени нуждаются в интеграции по причине правового, культурного, языкового, религиозного несоответствия. Государства стремятся разрешить данную проблему, формируя основные задачи для ведомств в программах, концепциях и стратегиях.

В Российской Федерации на конец 2015 года общее число украинских граждан, официально признанных беженцами и получивших убежище, составило 326 955 человек [1, с. 1]. Государство-реципиент в данном случае заинтересовано не только в приеме мигрантов, но и в создании дополнительных мер контроля и распределения прибывших иностранных граждан, их дальнейшей адаптации на территории расселения. Сегодня интеграционные программы для мигрантов работают только в четырех субъектах РФ — Санкт-Петербурге, Ленинградской, Оренбургской, Свердловской и Тамбовской областях). Для страны, занимающей второе место в мире по масштабу миграционного притока, этого мало. Вследствие слабой адаптации и интеграции мигрантов фактически не используется их трудовой потенциал на благо страны, растет напряжение в обществе.

Таким образом, важной задачей правового регулирования миграционных отношений является создание методик оптимальной интеграции мигрантов в российское общество. Программы интеграции являются предметом исследования различных государственных ведомств и ключом к оптимальному регулированию миграции. Так, в Евросоюзе до возникновения миграционного кризиса мигрант мог успешно инкорпорироваться. Основными требованиями, предъявляемыми к нему, были трудоустройство и знание языка страны-реципиента. Негативные факторы в стране-доноре, такие как дискриминация и расизм, а также отсутствие благоприятных условий жизни, способствуют успешной интеграции в стране-реципиенте. Например, во Франции действуют Программа приема иностранных граждан на местном уровне (*Plan Departemental d'Accueil*) и региональные интеграционные программы для иностранных граждан (*Plan Regional d'Integration des Populations Immigrees*). Данные программы включают меры, рекомендуемые Межведомственным комитетом по интеграции, которые осуществляются на местном уровне. Главы администраций ответственны за слаженность действий всех общественных служб, местных и региональных организаций по вопросам интеграционных программ, действующих в отношении мигрантов. В рамках программ каждый мигрант,

соответствующий требованиям интеграционной политики европейского государства, обязан заключить контракт по приему и интеграции, пройти курс французского языка.

Национальное агентство по вопросам социальной консолидации и равных возможностей (*Agence nationale pour la cohesion sociale et l'egalite des chances, ACSE*) является гарантом исполнения государственных программ по интеграции и адаптации, борьбе с дискриминацией и обеспечению равных прав мигрантов. Деятельность агентства осуществляется по нескольким направлениям: свобода доступа к социальным услугам, реализация программ с равными возможностями, борьба с дискриминацией в обществе. Несмотря на то что расселение мигрантов осуществляется на принципах равенства и контролируется со стороны ответственных организаций, имеются случаи дискриминации при обеспечении жильем. С момента возникновения европейского миграционного кризиса ситуация только ухудшилась, в стране появляется все больше неблагоприятных районов с мигрантами.

В Финляндии подход к иностранным гражданам, желающим инкорпорироваться в финское общество, основывается на принципах равенства и регламентируется Законом об интеграции. Принимая во внимание финский демографический кризис (сокращение трудоспособного населения), государство стремится помочь вновь прибывшим мигрантам в приобретении умений и знаний, размещении на территории страны.

Что касается России, то здесь в 2012 году основные проблемы в сфере инкорпорации были сформулированы в трех ключевых правовых актах: Концепции государственной миграционной политики; Стратегии государственной национальной политики РФ; Указе Президента РФ «О реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом».

Порядок распределения мигрантов с Украины определен Постановлением Правительства РФ от 22.07.2014 № 691 (ред. От 26.12.2014) «Об утверждении распределения по субъектам Российской Федерации граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживавших на территории Украины и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке». Данным актом было утверждено распределение иностранных граждан и лиц без гражданства по регионам России, прибывших в экстренно-массовом порядке. Распределение мигрантов произошло слаженно благодаря координации действий различных ведомств, однако программ для адаптации и интеграции ми-

грантов было недостаточно. В соответствии с Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ и Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ на региональном и местном уровнях должны быть созданы условия для интеграции и адаптации мигрантов, но неразвитость институтов поддержки мигрантов, слабая социальная поддержка, слабая поддержка частных фондов и организаций, языковой и культурный барьер значительно осложняют процесс интеграции мигрантов в целом.

Вопрос инкорпорации мигрантов до сих пор остается открытым. Очевидно, что для эффективной адаптации и интеграции необходимы разработка и внедрение более прогрессивных мер (создание адаптационных программ в каждом регионе, привлечение частных общественных организаций, фондов, разработка методик для обучения приезжих необходимым в стране навыкам и умениям, языку, правовой грамотности и т. д.). От качественного решения вопроса интеграции мигрантов зависит социально-политическая, экономическая, культурная стабильность государств, а также борьба с преступностью.

М. А. Лаврик,

*доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛИЗМЕ И ПАРТИКУЛЯРИЗМЕ В ПРАВОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Современный этап развития права как специфического социально-культурного явления актуализирует вопросы механизма формирования судебных решений при рассмотрении отдельных аспектов разграничения правовых систем современности, формулирования правовых позиций внутригосударственных судебных органов, международных судов и при нахождении путей гармонизации между ними.

Так, специфической особенностью стран англосаксонского права является ориентация на индуктивное и аналогичное мышление, в то время как романо-германская правовая традиция тяготеет к дедукции в правовой аргументации. Для российской судебной системы характерным является преобладание континентальных правовых начал, при этом применение права по аналогии также не вызывает отторжения. Увеличение объема аргументации индуктивного свойства и рассуждений по аналогии нередко приводит к усилению позиций так называемого судебного активизма, предполагающего внедрение правосудия в сферу правотворчества

в случаях бездействия законодательной власти или принятия ею законов, противоречащих базовым конституционным положениям. При этом в юридической науке отмечается проблема уместности судов давать общие определения, не являющиеся строго необходимыми по обстоятельствам конкретного дела, но которые в дальнейшем смогут помешать гибкости суда в принятии судебных актов.

Сложный современный этап взаимодействия между Конституционным Судом Российской Федерации и Европейским судом по правам человека также придает указанным вопросам особое значение, обозначая необходимость поиска компромиссов, возможного только при взаимопонимании и взаимоуважении данных субъектов, выработке общей методики изучения правонарушений.

В связи с этим представляется заслуживающим внимания подход, заключающийся в рассмотрении права и правовой аргументации с позиций учения моральной философии об универсализме и партикуляризме.

Классическим подходом в моральной философии выступает универсализм (когда поведение оценивается исходя из заранее данных универсальных правил), вместе с тем в современной философии партикуляризм также имеет место. Отправной точкой партикуляризма выступает отсутствие перспектив и необходимости в поиске универсальных нормативов в этике. Согласно партикуляристской моральной теории, уместность аргументов имеет свой источник не в нормах, а в контексте. Мы можем установить причины поведения в конкретном случае и сделать соответствующий вывод, но не вправе повторить указанную аргументацию и выводы к каждому конкретному другому случаю. Партикуляристы отстаивают новую концепцию нормы и, следовательно, новый логический шаблон нормативного мышления.

Согласно традиции, идущей в правопонимании от Аристотеля, все право универсально; вместе с тем в некоторых случаях невозможно, чтобы универсальное утверждение являлось корректным. В тех случаях, когда необходимо говорить универсально, но невозможно сделать это корректно (обычный случай для права), не исключается возможность ошибки. Такова реальность: ошибка заключается не в праве, не в законодателе, а в природе вещей.

Понимая право как корректность ситуации правилам, нормам или принципам, а также как процесс установления подобной корректности в деятельности третьего беспристрастного субъекта в спорных отношениях, следует задаться вопросом: осуществляется ли в указанном процессе деятельность по проверке ситуации заранее данному универсальному правилу, норме, принципу или имеет место создание индивидуаль-

ного правового решения для каждого конкретного случая. Или, говоря иными словами: какая из концепций — универсализм или партикуляризм — применяется (должна применяться) в правовой сфере.

С универсализмом коррелируют ценности стабильности, предсказуемости, формального равенства. В то время как партикуляризм в основном связан с ценностями справедливости, гибкости правового регулирования, индивидуализации подходов.

Обе модели представляются по-своему логичными и эмпирически имеющими место. При этом на настоящий момент сложно определить однозначный приоритет какой-либо одной из указанных моделей. Выбор между ними должен осуществляться исходя из разумной необходимости, определяемой правовым сообществом (под которым в данном контексте понимаются профессиональные участники правотворческих и правоприменительных отношений) на основе ценностей общества, выразителем которого указанное сообщество является.

В случае же коллизий между данными ценностями перед правом ставится еще одна сложная задача, модель разрешения которой обозначена в особом мнении судьи Г. А. Гаджиева по одному из дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации: «Необходимо искать справедливый баланс между равнозначными конституционными ценностями. Баланс можно считать справедливым, когда ни одной из этих ценностей не отдается безусловный приоритет, а действие одного принципа (ценности, права) создает имманентные пределы для другого принципа (права или конституционной ценности)».

В. Б. Морозов,

доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат юридических наук

НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПРАВА

Трудовые права, разработанные в XX веке и успешно применявшиеся в области регулирования трудовых отношений индустриального общества, быстро теряют свои позиции при новой общественной организации труда. В условиях, когда в развитых странах происходит насыщение рынка потребления и сохраняется желание предпринимателей получать максимальную прибыль, изменилась система взаимоотношений между трудом и капиталом. Работодатели по-другому стали и воспринимать такие считающиеся фундаментальными гарантии, как стабильная заработная плата, постоянная занятость и др. Они называют их издержками

индустриальной эпохи, несовместимой с прогрессом постиндустриальной цивилизации. Необходимость экономии ресурсов и жесткое требование внешней среды к постоянной модернизации предопределили изменение стратегии поведения работодателей в отношении наемных работников. Поэтому происходит быстрое распространение «нетипичной» формы занятости и деятельности частных агентств занятости. Под «нетипичной» принято понимать занятость, отличающуюся от стандартной, основанной на постоянном трудовом контракте (в системе российского трудового законодательства — «трудовой договор, заключенный на неопределенный срок»). К «нетипичным» формам относят следующие формы занятости:

- временная занятость (в России — срочный трудовой договор);
- самозанятость;
- частичная занятость — занятость у конкретного работодателя, возможно, на основе постоянного контракта, но неполное рабочее время;
- аутстаффинг, занятость через кадровые агентства — система, при которой работники нанимаются не работодателем, а специальным агентством.

Деятельность частных агентств занятости в течение всего времени существования Международной организации труда (с 1919 г.) вызывает много споров. В 1997 году была принята Конвенция № 181 о частных агентствах занятости, которая оставляет большое пространство для ущемления интересов работников. С момента принятия она была ратифицирована 23 государствами. Россия ее не ратифицировала и в ближайшее время вряд ли ратифицирует. Легальное использование заемного труда по российскому трудовому законодательству невозможно, так как в соответствии со ст. 56 ТК РФ трудовые отношения — это отношения между двумя, а не тремя сторонами. Тем не менее, несмотря на фактическую незаконность заемного труда, он широко практикуется в России. Возможность применения работодателями новых схем приема на работу вытекает из ст. 421 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей, что граждане и юридические лица свободны в заключении договора.

Преимущества заемного труда для работодателей очевидны: вместо того чтобы создавать новые полноценные рабочие места, предприниматели могут «арендовать» работников у агентства занятости, имея возможность в любой момент без всяких компенсаций избавиться от ненужного работника. Как правило, у таких работников заработная плата ниже, чем у «полноценных» работников данного работодателя. Такие работники и менее требовательны к условиям работы, соблюдению техники безопасности и др. Все эти новые формы приема на работу полу-

чили широкое распространение в странах Западной Европы и США. К примеру, в середине 2000-х годов на «нетипичную» занятость в Великобритании приходилось 45 % всего рынка труда. В Дании, Испании, Италии, Швеции использование заемного труда в последние годы увеличилось в пять раз.

Против легализации заемного труда традиционно выступают профсоюзные организации. В середине 1990-х годов западноевропейское профсоюзное движение открыто признало «нетипичные» формы приема на работу в качестве современной причины трудовых конфликтов и одним из основных факторов, угрожающих благосостоянию работников. Кроме указанных недостатков, профсоюзы называют еще:

— нераспространение на работников действия коллективного договора;

— невозможность вступить в первичную профсоюзную организацию.

Социологические исследования показывают, что большинство заемных работников предпочли бы работать по «обычным» стабильным трудовым договорам. В российском трудовом праве заемный труд — предмет достаточно острых споров. Но очевидно, что легализация заемного труда в настоящее время в России проблематична, так как нереально представить себе, как на практике будет осуществляться принцип ухудшения условий труда заемных работников по сравнению с обычными. Более того, профессор А. Ф. Нуртдинова считает легализацию заемного труда не только неоправданной с правовой точки зрения, но и безнравственной с точки зрения морали.

И. А. Парахина,

магистрант I курса юридического факультета СПбГУП

СМИ КАК СУБЪЕКТ И ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Рубеж XX–XXI веков ознаменовался прогрессивным развитием политической, социокультурной, правовой сфер жизни России. Важнейшими элементами, послужившими локомотивом этой динамики, являются средства массовой информации, к которым сегодня относят то, без чего многие не представляют свою жизнь: телевидение, радио, газеты и журналы, Интернет. Все это настолько прочно вошло в повседневную жизнь, что ученые говорят о некой отдельной социокультурной реальности, в рамках которой аудитории сообщается о происходящих

в мире событиях, доносится и распределяется информация, но главное — формируется общественное сознание. Именно СМИ выступают мощнейшим манипулятором как отдельно взятого индивида, так и общества в целом.

Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года (далее — Пакт), основанный на Всеобщей декларации прав человека, в ст. 19 закрепляет норму, что свобода мнений, а также свобода их выражения вкупе являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности. Свободная, не подлежащая цензуре и ограничениям пресса и другие средства информации в любом обществе являются важным элементом обеспечения свободы мнений и их выражения. Кроме того, в Пакте декларируется право средств массовой информации получать сведения, на которые они опираются при выполнении своих функций. Широкая общественность, в свою очередь, имеет право получать продукт деятельности средств информации.

Действующая Конституция РФ в ч. 3 ст. 29 провозглашает свободу массовой информации, запрещая цензуру. Положение данной статьи говорит о Российской Федерации как о государстве демократическом, признающем разнообразие мнений. Тем не менее именно 29-я статья Конституции имеет большое число ограничений, так как свобода мысли и слова не может быть абсолютной. В частности, нормы ГК РФ, КоАП РФ, УК РФ предусматривают меры наказания за клевету, публичные призывы к национальной вражде и т. д.

Запрет цензуры означает, что не может быть лиц или органов, надзирающих за работой СМИ, обладающих правом запрещать распространение какой-либо информации. Ограничением выступает пласт информации, составляющей государственную тайну.

Под СМИ в Законе РФ от 1991 года понимается «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)».

Уникальность СМИ заключается в их широких возможностях воздействия на внутренний мир индивидов. Это объясняется прежде всего способностью СМИ к массовому социальному влиянию. В наши дни правовое просвещение населения может осуществляться различными субъектами (государством посредством органов государственной власти, средствами массовой информации, общественными и коммерческими организациями и т. д.). Вот, на наш взгляд, наиболее полный список субъектов формирования правовой культуры:

- 1) семья;
- 2) учебные заведения;
- 3) общественные организации;
- 4) СМИ;
- 5) государство в лице органов государственной власти и др.

Необходимо отметить особую роль СМИ как субъектов этого вида деятельности, которая заключается в следующем. СМИ из всех существующих субъектов, влияющих на формирование правовой культуры населения, сопровождают человека всю его сознательную жизнь. Иначе говоря, СМИ формируют правовую культуру индивида непрерывно, в то время как другие субъекты осуществляют такое воздействие периодически либо нерегулярно. Например, школа или вуз формируют правовую культуру своих воспитанников только в период обучения; общественные организации — на непостоянной основе, то есть нерегулярно (в период проведения специальных акций, проектов, кампаний и т. п.). Государство, в свою очередь, заинтересовано в информировании граждан не обо всех правовых установлениях: в некоторых ситуациях «замалчивание» выгодно самому государству. Это, на наш взгляд, касается тех сторон общественно-политической жизни, которые могут вызвать неодобрение или критику со стороны граждан и тем самым пошатнуть авторитет власти.

При анализе конституционного права на свободу СМИ можно прийти к следующим выводам:

— СМИ в РФ свободны от надзора органов государственной власти. Исключением являются конфиденциальные сведения, составляющие государственную тайну;

— в последние десятилетия в Российской Федерации получила старт концепция «СМИ — четвертая ветвь власти». К этой парадигме обращаются ученые — юристы, философы, социологи, политологи и др. Средства массовой информации не обладают ни силой принуждения, ни возможностями экономического давления. Их «властные полномочия» лежат в духовно-идеологической, правовой, политической сферах. Будучи неофициальной, эта «власть» осуществляет проникающее давление во все области жизни, причем не менее сильное, чем давление государственной власти;

— роль СМИ в правовом просвещении двойственна: с одной стороны, они выступают субъектом формирования правовой культуры населения, с другой — инструментом правового обучения и воспитания уважения к закону;

— деятельность СМИ как субъекта формирования правовой культуры носит созидательный характер. Журналисты часто критикуют законодательство, подзаконные акты, практику их применения и т. д. Эту информацию можно и нужно использовать для совершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности. Государство обладает наиболее полным комплексом финансовых и административных ресурсов для осуществления правового просвещения населения. СМИ в этой сфере выступает одним из важнейших.

И. Г. Скурту,

*доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук*

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАЖДАН О КРИМИНОГЕННОСТИ ОБЩЕСТВА

В век информационных технологий криминологическая информация поступает к потребителю намного быстрее, чем несколько лет назад. Существуют многочисленные программы телевидения, радио, разделы печати, информационные порталы, целенаправленно освещающие криминальную хронику в стране в целом и на местах. Немало талантливых журналистов умело и со знанием дела раскрывают проблемы преступности с экранов различных гаджетов, телевизоров и на страницах периодических изданий. Не случайно подобные репортажи привлекают к себе повышенное внимание зрительской и читательской аудитории, а тем более — молодежи и подростков, предпочитающих пассивную форму восприятия информации. Таким образом, именно СМИ в первую очередь формируют представление населения о преступности, ее количественных и качественных показателях, способах ее предупреждения.

Автором настоящей статьи, имеющим опыт преподавания криминологии в вузах более 25 лет, ежегодно в начале изучения курса криминологии проводится следующий эксперимент. Студентам юридического факультета, еще не имеющим специальных знаний в области криминологии, предлагается ответить на вопрос: «Какой процент, по вашему мнению, в общей доле преступности составляет такое преступление, как убийство?» Ответы в течение многих лет неизменны: от 10–15 до 50 %, а иногда до 70 %, тогда как реальный процент совершенных убийств даже в «лихие» 1990-е годы не превышал 1,5 % от всех совершенных

преступлений. Причина данного заблуждения — восприятие искаженной информации с экранов компьютеров, телевизоров и других СМИ. В среде ученых данный феномен даже получил название «преступность средств массовой информации». Зачастую журналисты в погоне за «жареными» фактами сообщают только о самых громких и жестоких преступлениях, при этом по несколько раз в сутки повторяя одну и ту же информацию. По криминологическим данным, на одно убийство в РФ приходится от 50 до 70 краж, тогда как информация о них в СМИ практически не поступает, поскольку, по мнению СМИ, она вряд ли вызовет широкий интерес аудитории и поднимет рейтинг телевизионной передачи либо печатного или информационного издания. Между тем, исходя из статистики, стать потерпевшим от кражи у рядового потребителя информации шансы в 50–70 раз выше, чем жертвой убийства.

Если проанализировать грамотность подачи криминологической информации средствами массовой информации, то можно сделать следующие наблюдения. Самая правильная и юридически выверенная информация предоставляется пресс-службами специальных и силовых министерств и ведомств — генпрокуратуры, следственных комитетов, МВД, МЧС; в печатных изданиях и информационных сайтах — «Российская газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец». Не секрет, что пресс-секретари указанных служб, помимо юридической, зачастую имеют и журналистскую подготовку, позволяющую предоставлять информацию крайне грамотно и корректно — как для аудитории, так и для виновных лиц. Именно данные ведомства обычно «доводят дело до конца», знакомя зрителей и читателей с юридическими последствиями преступлений и происшествий, освещаемых ими, то есть с окончанием расследований и решениями судебных и следственных органов.

К сожалению, не отличаются грамотностью и корректностью многие информационные сайты, а также новостные материалы таких телеканалов, как «НТВ», «Life78», «NI» и т. д. Их сюжеты нередко содержат откровенный жаргон и искаженную информацию. («На Москве осудили наркодилеров за покушение на убийство полицейских неразбодяженным коксом» (Livejournal.com), (речь шла об осуждении двух наркодилеров якобы за покушение на убийство наркополицейских, которые незаконно изъяли у них и употребили наркотические средства, однако на самом деле указанные лица были осуждены на длительные сроки лишения свободы за незаконное приобретение и хранение наркотических средств); употребление терминов «завели дело», «улики», «дело развалилось в суде», «осужден пожизненно» и т. д. («Life78») стало обычным

делом. Репортажи корреспондентов часто изобилуют грамматическими ошибками и словами-паразитами. Например: «корреспондент пообщался с *матерью*» (сюжет “Life78” о годовщине гибели подводной лодки «Курск»). Заявив о происшествии, такие журналисты, как правило, не отслеживают в дальнейшем, чем закончится с правовой точки зрения для виновных данная ситуация.

Сюжеты художественных фильмов и ток-шоу на юридические темы также требуют тщательного редактирования с целью правильной и юридически грамотной подачи материала, так как зачастую принимаются потребителями данной информации за чистую монету. И даже если речь идет о вымышленной структуре (такой как служба ФЭС в сериале «След») либо иных аспектах судебной деятельности (Сериал «Федеральный судья», ток-шоу «Суд присяжных», «Суд идет» и т. д.), построение сюжета не должно явно противоречить юридическим нормам и терминам. Так, в одном из сериалов эксперт объявил, что потерпевший умер от *асфикции* (а не асфиксии), адвокаты и прокуроры известных ток-шоу, перебивая друг друга, *протестуют*, кричат об *уликах* и *подельниках*; судья в художественном фильме осуждает одинокую девушку за убийство, *совершенное с разбоем, бандитизмом или вымогательством*, в другом фильме судья осуждает водителя в районном суде с участием присяжных *пожизненно* к лишению права управлять автомобилем, заключения знаменитого «Нюхача» принимаются без всяких экспертиз легализации доказательств.

На наш взгляд, подобные сюжеты требуют коррекции с привлечением юридически грамотных редакторов, на чем современные производители кино- и телепродукции явно экономят. В итоге юридически неграмотное население, насмотревшись подобных сюжетов, зачастую требует от профессиональных юристов и адвокатов суда присяжных в районном суде «перевести дело в службу ФЭС, так как «только там разберутся быстро и правильно».

К счастью, волна телевизионной и печатной продукции, где главными героями, одерживающими победу, были преступники, ушла вместе с «лихими» 1990-ми годами, когда контроль за продукцией СМИ был явно утрачен. Современному зрителю и читателю уже не предлагаются «культовые» произведения 1990-х, такие как сериал «Бригада», герои которого, к сожалению, при отсутствии в то время положительных идеалов снискали зависть не только подростков, но и более взрослого населения. Так, в адвокатской практике автора статьи в 2005 году рассматривалось дело, где четыре молодых человека совершили убийство бизнесмена (один из виновных был совладельцем бизнеса уби-

того, другой — водителем, двое — охранниками). На вопрос адвоката, зачем они пошли на это преступление, один из виновных (возраст 30 лет) ответил, что они хотели, «как в фильме “Бригада”», завладеть чужим бизнесом.

Недостаточно, по мнению автора, в современных СМИ сюжетов виктимологической направленности, которые бы на основе юридических разработок и с участием специалистов предоставляли населению грамотную информацию о том, как не стать жертвой преступника, а столкнувшись с ситуацией совершения преступления, не превысить пределы необходимой обороны либо крайней необходимости.

Таким образом, следует признать, что СМИ являются мощным оружием пропаганды, культурного и правового воспитания, формирования представления о криминогенности современного общества и о путях предупреждения преступности. И от того, насколько правильно и грамотно будет подаваться правовая информация, зависит в том числе и правовая грамотность населения.

А. П. Стуканов,

*профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук, почетный работник Прокуратуры РФ*

КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

В криминологии, уголовной социологии при изучении причин преступности пользуются понятием «субкультура», определяя ее как «иную», то есть культуру общества, созданную взамен существующей.

Если под культурой исследователи понимают специфический способ жизнедеятельности, а под образом жизни — относительно устойчивые, типичные для конкретного общества формы жизнедеятельности, то сообщества с преобладанием ценностей, норм, образцов поведения, отличных от господствующих в обществе, образуют ценностно-нормативные субкультуры (наркотическую, религиозно-культурную, криминальную и др.). Таким образом, можно говорить о субкультуре как самостоятельной культуре в пределах более крупной.

Субкультура — явление сложное и многогранное, она функционирует во всех социальных системах и служит условием их жизнедеятельности. Каждый класс, социальная группа, иная общность людей обладает собственной системой ценностных ориентаций. Представители субкультуры имеют собственную культуру — настолько, что, имея общий

с большой культурой разговорный язык, они вкладывают в те же слова другой смысл и понятия, за всем этим стоит принципиально иная символика. Субкультура, в том числе криминальная, формируется в результате интеграции людей, чьи взгляды, деятельность и образ жизни не соответствуют господствующим в обществе.

Процессу появления субкультуры в обществе предшествуют определенные социально-экономические предпосылки (социальная неопределенность, неравенство, несправедливость) и социально-психологические факторы (потребность людей в психологической защите, стремление быть понятым и самоутвердиться среди себе подобных).

Участие индивида в той или иной субкультуре, как правило, является разновидностью девиантного поведения, под которым следует понимать совершение поступков, противоречащих нормам социального поведения в том или ином сообществе. Как полагают исследователи, девиантное поведение — это поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.

К основным видам негативного девиантного поведения относятся:

- преступления;
- правонарушения (административные и дисциплинарные);
- алкоголизм;
- наркомания;
- самоубийства;
- проституция.

В теоретическом плане в криминологии субкультура предстает в виде сквозного явления, проходящего через все научные разработки о преступности, личности преступника, причинах противоправного поведения. Субкультурные сообщества становятся тем более сплоченными и отличными от господствующей субкультуры, чем более категорично они ею отвергаются.

Когда общество или государство в той или иной форме отвергает или дискриминирует какую-либо группу населения, последняя образует субкультуру со своими ценностями, нормами, традициями, образом жизни и языком. Интеграция субкультурных групп является следствием давления социального контроля и по степени пропорциональна ему. Чем более терпимо и открыто общество, тем менее «злостны» его субкультуры. Уголовная (криминальная) субкультура — продукт антиобщественной и преступной деятельности, которая вырабатывается многолетним опытом, сохраняется и передается из поколения в поколение в среде преступников.

Успешное предупреждение преступлений возможно только в случае, когда внимание будет сконцентрировано на личности человека, совершившего уголовно наказуемое деяние, обвинительный приговор в отношении которого вступает в законную силу. «Личность преступника — совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми». Именно такое определение личности преступника предложено ведущими специалистами в данной отрасли права. Мы полагаем, что личность преступника — это совокупность социально-демографических данных, характеризующих лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, а также его отношение к нормам морали и нравственности. Криминологи в России ранее выделяли три основных типа личности преступника:

- последовательно-криминогенный;
- ситуационно-криминогенный;
- ситуационный.

Для первого типа характерны следующие черты: формирование личности в условиях интенсивного, противоправного, аморального поведения окружающих (семья и др.); отсутствие чувства социальной ответственности; совершение преступлений без внешних поводов. Второй тип личности преступника характерен тем, что указанные лица «всегда готовы» к совершению преступлений, к тому же они систематически нарушают нормы морали. Люди, относящиеся к третьему типу, совершают преступления под влиянием неблагоприятно сложившихся личных условий и проблем.

С такой классификацией типа личности преступника, по нашему мнению, следует согласиться. Криминальная ситуация в Российской Федерации конца XX — начала XXI века — качественно новый феномен как по количественному показателю, так и по разрушительному влиянию на общество и государство, но главное — на права и свободы граждан.

Анализ следственной, прокурорской и судебной статистики последних лет позволяет определить личность преступника, характерную для Санкт-Петербурга:

- мужчина (85 % осужденных);
- возраст — от 30 до 35 лет;
- 33–35 % — ранее судимы;
- 35–40 % — совершали преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;

— 70 % осужденных не имели на момент совершения преступления постоянного источника дохода, то есть не работали.

Криминальная субкультура, к сожалению, широко распространена и отражает жизнь российского общества на современном этапе. Государство и общество должны вести борьбу с данным антисоциальным явлением. Девиантное (в первую очередь преступное) поведение необходимо предупреждать и пресекать не только за счет предупреждения, но и мерами принуждения.

Е. В. Феденко,

*аспирант кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар)*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ КАК ФОРМА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Государственная власть является одним из основных признаков любого современного государства. Несмотря на достаточно длительную историю, в науке не сложился единый подход к изучению государственной власти и признаков государства. Таким образом, ученые сегодня сходятся лишь во мнении, что у государства есть определенные признаки и одним из них следует признать государственную власть. Разногласия же начинаются уже на этапе формулирования понятия признаков государства.

Однако при описании признаков государства более применимо слово «черта», чем «свойство», исходя из этимологического наполнения. Черта — это узкая полоса, граница, предел, отличительная особенность. Свойство же есть качество, составляющее отличительную особенность. Таким образом, государственная власть есть признак государства, представляющий собой черту, а не свойство государства, потому что позволяет провести границу между признанием явления государством или «негосударством».

Сегодня на государственную власть часто обращают внимание при рассмотрении вопросов, связанных с сущностью правового государства. В сфере исследования концепта правового государства государственная власть, точнее, ее способность к разделению, уже рассматривается посредством преломления через категорию «принцип». Именно к принципам правового государства стоит отнести разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, сущностное значение которого очень хорошо показано в работе «О духе законов» Монтескье: «Если законодательная власть соединится с исполнительной в одном лице или

одной магистратуре, свободы нет, ибо можно опасаться, что монарх или сенат станут издавать тиранические законы и осуществлять их тираническим способом. Нет свободы, если власть судебная не отделена от законодательной и исполнительной. Если она соединена с властью законодательной, власть над жизнью и свободой граждан становится произволом, ибо законодатель является судьей. Если она соединена с властью исполнительной, судья может стать тираном».

Государственная власть, ее действия и бездействие, провалы и победы, перемены внутри нее самой и трансформация в векторе окружающей действительности есть внешнее выражение государства. Именно государственная власть, объединяя в себе всю внутреннюю, порой скрытую государством даже от собственного народа, сущность, представляет в окружающем это государство мировом пространстве, является своеобразной визитной карточкой государства. И именно она, государственная власть, вбирая в себя все государство, выступает его формой выражения, облекая отчасти и временами столь абстрактное государственное существо в реальный субъект современной действительности.

Государство есть «множество в виде единства», созданное и существующее (как и погибающее) по воле людей, своими усилиями сформировавших на протяжении всего исторического периода своего существования определенный уровень производственных, общественных и духовных достижений. Из этого следует, что оно само по себе уже есть результат этих достижений, то есть некая своеобразная культура, и эти достижения будут трансформироваться далее. Одним из таких достижений выступает право, которое только в пространстве государства получает унифицированный вид, развитие и наполнение. Причем само государство начинает следовать своему праву и праву, которое оно признает для себя таковым. Происходит это потому, что государству предъявляет требования его создатель — народ, а также другие равные и подобные ему государства.

Таким образом, с учетом того, что государственная власть воплощает в себе и реализует вовне сущность государства, которое позволяет в своем пространстве состояться такому достижению социума, как право, а социальное достижение есть не что иное, как одна из граней культуры, государственная власть является выражением в окружающей действительности культуры того или иного народа и его государства и соответственно правовой культуры, присущей последним.

А. П. Федоров,

доцент кафедры отраслей права СПбГУП, кандидат технических наук

КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНОГО ТРУДОВОГО КОНФЛИКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Важнейшим обстоятельством, стимулирующим возникновение и развитие социально-трудовых конфликтов, является неудовлетворительное состояние правовой культуры современного общества, связанное, в частности, с состоянием трудового законодательства и правоприменительной практики, усугубленное низкой правовой культурой работодателя, довлеющего в трудовых отношениях над работником. Это неравенство вызвано экономическим неравенством сторон трудового договора и во многом — несовершенством или отсутствием соответствующих материальных норм трудового права и неэффективностью существующего механизма их реализации.

Если первое обстоятельство имманентно связано с сущностью отношений несамостоятельного наемного труда, то последнее обусловлено недостатками нормативной базы, регулирующей трудовые отношения, и правоприменительной деятельности органов государственной власти, осуществляющих контроль и надзор за соблюдением трудового законодательства. Некоторые из этих проблем будут рассмотрены далее.

Труд не является товаром. В подп. «а» п. 1 Декларации о целях и задачах Международной организации труда (МОТ), принятой в Филадельфии 10 мая 1944 года и ставшей неотъемлемой частью Устава МОТ, сформулирован важнейший из основополагающих принципов, на котором основывается регулирование трудовых отношений: «труд не является товаром» (“labour is not a commodity” — *англ.*). Однако ни в ст. 2 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) от 30.12.2001 № 197-ФЗ, ни в многочисленных теоретических исследованиях этот краеугольный аксиоматический принцип, обуславливающий особое положение работника в трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношениях и позволяющий отграничить трудовое право от иных отраслей права, содержащих нормы, регулирующие отношения, связанные с трудом гражданина, не отражен, что позволяет работодателю отрицать существование трудовых отношений и, как следствие, игнорировать работника как сторону трудового конфликта. Очевидно, что текстуальное закрепление этого принципа в Трудовом кодексе и приведение в соответствие с ним норм трудового законодательства позволят повысить статус работника в трудовом споре.

Эффективный контроль и надзор за соблюдением трудового законодательства

В соответствии со ст. 16 Конвенции № 81 Международной организации труда «Об инспекции труда в промышленности и торговле» 1947 года (ратифицирована РФ 11.04.1998) работодатели должны инспектироваться «так часто... как это необходимо для обеспечения эффективного применения соответствующих законодательных положений». О соблюдении этого обязательства Россией может свидетельствовать Отчет о деятельности Федеральной службы по труду и занятости за 2013 год. В соответствии с Приложением № 1 к данному отчету в 2013 году на одного государственного инспектора труда в среднем приходилось свыше 5080 хозяйствующих субъектов, притом что он успевал в течение года осуществить 45,77 проверок (из них лишь 10,81 плановых).

В соответствии с п. 12. Ст. 9 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» о проведении плановой проверки юридического лица (предприниматель) должно уведомляться не позднее чем в течение трех рабочих дней до начала ее проведения. Основным видом проверки является документарная проверка, проводимая без выезда к месту осуществления деятельности работодателем на основании предоставляемых им документов. Внеплановая выездная проверка проводится лишь после согласования с органом прокуратуры по месту осуществления деятельности проверяемого (п. 5 ст. 10 указанного закона). Она может быть проведена незамедлительно без согласования с органами прокуратуры (ч. 8 ст. 360 ТК РФ) лишь в случае нарушения работодателем требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, повлекших возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью работников (абз. 4 ч. 7 ст. 360 ТК РФ). В случаях обращения (заявления) работника о нарушении его трудовых прав или его запроса о проведении проверки условий и охраны труда на его рабочем месте внеплановая выездная проверка не проводится.

Соуправление (кодeterminация) работников в управлении организацией

Непосредственное участие работников в управлении организацией (codetermination — *англ.*, mitbestimmung — *нем.*) широко используется в государствах — членах ЕС.

По западногерманскому законодательству участие работников в принятии решений может осуществляться на двух уровнях: а) отдельного предприятия (*Betrieb*) через производственный совет (совет предприятия) и б) органов управления крупными предприятиями (*Unternehmen*) через представительство в наблюдательном и административном советах.

Производственный совет учреждается на тех предприятиях, где работают от 5 до 9 тысяч человек. Совет дает согласие на прием на работу, перемещение, перевод работника, может настоять на сохранении за работником рабочего места до вынесения окончательного судебного решения (при споре об увольнении).

Соучастие на уровне органов управления компанией юридически закреплено для крупных предприятий с численностью работников более тысячи человек. В наблюдательный совет входит равное число представителей от акционеров и работников плюс независимый нейтральный член совета, а в состав административного совета — рабочий директор. Из представителей работников в наблюдательном совете по крайней мере двое должны являться работниками данной компании (один представляет рабочих, второй — служащих). Остальные представители могут не являться работниками компании и предлагаться представленными в компании профсоюзами.

Ничего похожего российское трудовое законодательство не предусматривает.

В заключение подчеркнем еще раз, что чем больше прав у работника, защищающих его органов и организаций, тем больше вероятность досудебного цивилизованного разрешения трудовых конфликтов.

Ф. Р. Хайдаров,

аспирант кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Понятие «культура» многозначно. Для его уточнения исследователи используют множество специальных определений, выделяя технологическую, цивилизационную, философскую, управленческую, религиозную, политическую, этническую, правовую и другую культуру. Чаше всего под культурой понимают всю человеческую деятельность, включая любые формы и способы самовыражения и самопознания, накопленные человеком и социумом навыки и умений.

Таким образом, правовая культура — это разновидность общей культуры, представляющая собой систему ценностей, достигнутых человечеством в области права и относящихся к правовой реальности данного общества.

Правовая культура общества является показателем отношения лиц к праву и его институтам в государстве. Уровень правовой культуры в демократическом государстве определяет развитие правового государства.

Как полагает А. А. Молчанов, ценностная интерпретация правовой культуры особенно важна на современном этапе, когда умение жить и трудиться в условиях свободы и демократии во многом определяется отношением людей друг к другу, обществу, государству, законам. Правовая культура, как составляющая духовной культуры, включает юридические знания, традиции и представления, приемы и способы законотворчества, формы и методы деятельности правоприменительных органов, гарантии и процедуры защиты прав и законных интересов граждан.

В юридической литературе под правовой культурой понимается обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта права, а также в степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека.

В правовой культуре развитого демократического общества судебная власть — это не третья сила, как традиционно считается, а первая, обеспечивающая не только разрешение различных споров, но и управление многими сферами государственной, общественной и личной жизни. Так, специфика правовой культуры судебной деятельности и, в частности, судопроизводства состоит в том, что ее уровень и состояние в значительной степени зависят от функционирования самой государственной власти.

Остается актуальным вопрос о правовой культуре судопроизводства для современного правосудия, поскольку от этого зависит, соблюдаются ли лицами, участвующими в деле, процедура при рассмотрении дела, как ими применяются нормативные правовые акты и судебная практика к спорным ситуациям, соответствует ли принятый судебный акт нормативным правовым актам и принципам, как обеспечивается судебное делопроизводство и соблюдаются сроки рассмотрения дел.

Полагаем, что развитие судебной системы зависит непосредственно от развития общества и государства, закрепленных правовых ценностей: прав, свобод и законных интересов, способов их защиты, правовой

осведомленности, уважительного отношения к праву и суду, доверия к суду и иным представителям государственной власти, которые вправе участвовать в судебных заседаниях.

Судебные акты Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного суда РФ, которые содержат правовые позиции по спорным вопросам, выступают регуляторами общественных правоотношений, а также восполняют пробелы и конкретизируют нормы права в отдельных видах судопроизводства, что позволяет нижестоящим судебным инстанциям учитывать правовые позиции высших судебных органов при рассмотрении дел, тем самым обеспечивая единство судебной практики.

Правовая культура судопроизводства зависит и от правового сознания общества, знания и умения применять соответствующий нормативный правовой акт, учитывать особенности позиций вышестоящих судебных инстанций. Правовая культура определяется высокой степенью знания права, на которое опираются участники судопроизводства, что позволяет им правильно понимать и применять нормативные предписания, регулирующие как правовой спор, так и процедуру его рассмотрения.

Считаем, что принятие решения должно основываться на знании норм права и судебной практики (во взаимосвязи). Обладая высоким уровнем правосознания, участники судопроизводства обеспечивают объективное рассмотрение дела.

Одним из признаков высокого уровня правовой культуры в судебном процессе является правовое государство. Низкий уровень правосознания субъектов судопроизводства влияет на их правовую культуру, что приводит к нарушению процессуальных сроков рассмотрения дел, принятию ошибочных решений и, как следствие, утрате доверия со стороны лиц, обратившихся за судебной защитой.

Таким образом, под правовой культурой в судебном процессе следует понимать высокое качество судебной системы правового государства. Это выражается в вынесении законных судебных актов, в высоком уровне правосознания субъектов судебной системы, участников судопроизводства, а также в высокой степени гарантированности государством судебной защиты прав, свобод и законных интересов лиц.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адерихин С. В. 11
Архипов С. В. 14
Базанова С. В. 140
Балибалова Д. И. 76
Барабанов А. А. 143
Баталова А. А. 145
Баталова Т. Л. 79
Березкин А. В. 34
Богатырева В. В. 148
Бутырцева И. В. 82
Вардаев Г. Н. 84
Вербовая О. В. 150
Виноградова А. Д. 58
Виноградова А. К. 154
Глушаченко С. Б. 17
Громова О. Н. 157
Даниелян А. С. 19
Демченко А. С. 87
Денисова Ю. Н. 159
Дербина А. В. 89
Диденко Е. С. 161
Дмитренко А. Р. 91
Ермолович Г. П. 94
Ефиценко Н. М. 98
- Зябкин А. И. 23
Интезарян Э. А. 163
Каландаришвили З. Н. 102
Калинина И. И. 104
Киселева Р. Д. 27
Ковалев В. А. 30
Козлов В. А. 124, 166
Колпаков Ю. А. 168
Королева Е. В. 172
Косарева В. В. 174
Кравцова Н. П. 89
Крицкая С. Ю. 34
Лаврик М. А. 177
Ливеровский А. А. 37
Лобок Д. В. 40
Лю Юйнин 43
Маркова-Мурашова С. А.
107
Машкова А. С. 110
Михайлова М. Е. 111
Морозов В. Б. 179
Морозова Е. А. 45
Музыченко К. И. 114
Никифоров О. А. 48
- Носкова В. А. 116
Остапчук К. С. 49
Парахина И. А. 181
Пасешникова Л. А. 10
Рогалева Д. А. 89
Ромашов Р. А. 53
Салимбаева Ж. Ч. 119
Самохина Е. Г. 58
Сверчков Н. И. 61
Сигалов К. Е. 63
Сидорова В. Н. 66
Сиябаева З. А. 121
Скурту И. Г. 184
Стремоухов А. В. 69
Стуканов А. П. 124, 187
Тхабисимова Л. А. 71
Феденко Е. В. 190
Федоров А. П. 192
Хайдаров Ф. Р. 194
Хуссейн Эль Муссави 134
Цветкова М. П. 126
Шалтакбаев С. Ж. 129
Элькин Е. Ю. 131
Ювко М. А. 137

Научное издание

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Международная научно-практическая конференция
25 ноября 2016 года

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Дизайнер *А. В. Костюкевич*

Технический редактор *Л. В. Климович*

Корректоры: *О. В. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-0889-8

Подписано в печать с оригинал-макета 21.10.16
Формат 60х90/16 Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 12,375. Тираж 100 экз. Заказ № 115

Санкт-Петербургский
Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15